

БОРЬБА

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

КЛАССОВ

№ **10**

**ОКТАБРЬ
1936**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

В. Кнорин

И. К. П.
Кабинет истории

ЗА ЧТО БОРЕТСЯ ИСПАНСКИЙ НАРОД

(О характере испанской революции и ее движущих силах)

Трудящиеся всего мира с глубоким волнением и братским участием следят за героической борьбой народов Испании против фашистских мятежников. За что же борется испанский народ, каковы движущие силы, цели и задачи испанской революции?

Испанский народ в течение многих веков находился под ярмом гнусной черной реакции. Власть феодалов и церкви, «святая» инквизиция и непосильные оброки и подати придавили крестьянские массы. Иностранные армии неоднократно топтали испанские земли. Но ничто не могло сломить свободолюбия и национальной гордости испанского народа.

Иностранных захватчиков испанский народ изгнал, но своих Бурбонов, феодалов, епископов и кардиналов изгнать оказался не в силах. Испанские революции XIX века ни одного из основных вопросов буржуазной революции не решили.

Настоящая буржуазная революция в Испании началась — если сравнить с ближайшим соседом Испании — Францией, — с опозданием почти на 150 лет — только в 1931 году, но началась уже как революция буржуазно-демократическая.

Буржуазия Испании не могла быть движущей силой революции, она не

могла вести революцию к победе. Ленин еще в 1908 году говорил о русской революции:

«Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая победу в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹.

¹ Ленин. Т. XII, стр. 209.

Эти слова Ленина в полной мере относятся к испанской революции 1931—1936 гг. Победа испанской буржуазной революции была невозможной как победа буржуазии. Крупная буржуазия Испании давным-давно стала контрреволюционной и заключила союз с феодалами-помещиками и феодалами-попами. Больше того, она уже пользовалась методами фашизма (диктатура Примо де Ривера) против назревающей революции. Революция же началась в эпоху, когда социализм в Советском Союзе победил бесповоротно, и буржуазия ряда крупнейших стран Европы оказалась не в состоянии господствовать с помощью старых методов демократии и парламентаризма и перешла к методам фашизма. В этих условиях движущими силами революции могли быть только рабочие, крестьяне и городская мелкая буржуазия, т. е. широкие демократические массы народа.

Однако в начале революции, в 1931 г., народные массы оказались еще недостаточно подготовленными и организованными для того, чтобы успешно довести буржуазно-демократическую революцию до конца. Они ограничились уничтожением монархии и введением всеобщего избирательного права. Они верили, что одни эти акты обеспечат улучшение их участи. Революционный народ, свергнувший монархию Бурбонов, не мог даже сформулировать своих насущных требований в общегосударственном масштабе. Для этого была необходима революционная партия, способная взять на себя руководство революцией. Но такой партии, крепко связанной с массами, в то время в Испании еще не было.

На этой стадии испанская революция не являлась еще в настоящем смысле слова демократической и народной. Поставленное революцией мелкобуржуазное (по составу) правительство не решилось тронуть ни помещичьего землевладения, ни привилегий церкви и монастырей, ни феодално-монархической армии и жандармерии.

В течение пяти лет испанская революция топталась на одном месте. Буржуазия хотела ограничить ее лик-

видацией монархии; народные массы с каждым днем все активнее предъявляли свои требования. Контрреволюция не могла уже подавить силы революции. Но в то же время революция не могла еще одолеть силы контрреволюции. Центральным вопросом этого пятилетнего периода был вопрос об освобождении крестьянства из-под влияния клерикально-фашистских партий и завоевании его на сторону пролетариата. Временами казалось, что в этой борьбе берет верх контрреволюция. Выборы 1934 года дали значительное большинство фашистско-помещичьему блоку и открыли ему дорогу к власти. Попытка передовых рабочих в октябре 1934 года выступить с оружием в руках против наступающего фашизма и двинуть революцию вперед оказалась безуспешной. Однако октябрьские события пробудили народ, и старания помещичье-поповского буржуазного блока установить фашистскую диктатуру также не увенчались успехом.

Революция становилась все более массовой, становилась «народной». Она начала уподобляться нашей революции 1905 года, о которой Ленин говорил, что

«...масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹.

Поворот масс к революции нашел свое выражение в создании народного фронта, представляющего своеобразное «боевое соглашение» сторонников демократии для осуществления последней, для защиты ее от фашизма легальными, демократическими средствами.

Победа народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года изменила весь ход испанской революции. Реакционное правительство вынуждено было уйти, реакционный президент на основе всех государственных традиций передал власть демократии. Контрре-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 396.

волюция вынуждена была покинуть свои легальные позиции, перейти к подпольной организации своих сил.

Какие классы в итоге этой победы народного фронта оказались у власти?

Это была коалиция пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, т. е. громадного большинства народа, объединившегося для осуществления демократических преобразований. Программой этой коалиции была программа народного фронта. Методом—парламентская процедура, которая веками существует в демократических странах. Но на сей раз парламентаризм и формальная демократия оказались на стороне народа, стали орудием народных масс в борьбе против реакции и фашизма.

Но как только демократические преобразования начали задевать привилегии господствовавших до сих пор классов, помещики, крупные буржуа и магнаты церкви подняли бешеный вой против правительства. Оказалось на деле, что нельзя провести ни одного мероприятия в пользу народа, нельзя ликвидировать пережитков феодализма, нельзя освободить народ от гнета церкви, уничтожить невежество, бескультурье, средневековую отсталость, не задевая интересов класса капиталистов. Больше того, оказалось, что испанский фашизм объединен со всем мировым фашизмом, что, ударяя по испанской контрреволюции, демократия вызывает против себя все силы мирового фашизма.

Фашисты подняли мятеж против демократии, против демократического народного правительства во имя сохранения своих привилегий, феодальных пережитков, во имя господства узкой клики богачей над народом. Но испанский народ сразу понял, что на смену свергнутой пять лет назад монархии идет еще более жестокий и оголтелый враг — фашизм, что он, этот фашизм, не пощадит ни женщин, ни детей, ни ученых и поэтов, ни культурных ценностей, ни национальной независимости, что этот враг является самым опасным врагом свободы народов.

Перед лицом смертельной опасности для демократии, перед угрозой потери национальных территорий правитель-

ство осуществило вооружение народа и повело борьбу против фашизма, доказав этим на деле, что оно является подлинным демократическим правительством. Перед лицом интервенции фашистских государств (Германии и Италии) правительство Испании взяло на себя задачу защиты целостности и независимости своей страны, своей национальной культуры и всего будущего нации и этим доказало, что оно является национальным правительством Испании, правительством обороны революции, «защиты отечества».

«Говорят, что принципы самоопределения и «защиты отечества» отменены самым ходом событий в обстановке поднимающейся социалистической революции. На самом деле отменены не самоопределение и «защита отечества», а буржуазное их толкование», — писал товарищ Сталин в 1918 г.¹

Для защиты отечества, демократии и революции демократическое национальное правительство, поддерживаемое всеми демократическими и социалистическими партиями и группами, не остановилось ни перед какими жертвами. Народ, объединенный вокруг своего правительства, и кучка реакционных помещиков и капиталистов— две враждебные силы — стали друг против друга. Но, выступив против испанского фашизма, демократическое испанское правительство нанесло удар всему международному фашизму, его планам уничтожения демократии и организации новой мировой войны. Поэтому германские и итальянские фашисты бросились на помощь своим испанским коллегам.

Коммунисты Испании стоят в первых рядах борцов против фашистских мятежников, поддерживая демократическое правительство. Они сохраняют лозунги демократической революции, даже когда отдельные представители партий, входящих в народный фронт, пытаются на словах быть «левее» их, не считаясь со всею совокупностью конкретных условий, которые существуют в Испании.

¹ «Марксизм и национальный вопрос», стр. 56.

«...мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционностью оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падкого на ходкие и дешевые (особенно в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции»¹.

* * *

Стоит ли перед испанской революцией вопрос о возможности перерастания ее в революцию социалистическую?

Товарищ Сталин говорил:

«Едва ли нужно доказывать, что в обстановке империализма, чреватого столкновениями и войнами... когда империализм соединяется со всеми, без исключения, реакционными силами, вплоть до царизма и крепостничества, делая тем самым необходимым коалирование всех революционных сил...; — едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране, должна сближаться при таких условиях с

революцией пролетарской, что первая должна перерасти во вторую»².

Практически вопрос о перерастании зависит прежде всего от соотношения классовых сил. Нынешнее демократическое правительство в Испании есть коалиция двух классов — пролетариата и крестьянства, вдобавок к которым значительную роль играет еще городская мелкая буржуазия. Пока сохранена эта коалиция, силы революции будут крепнуть и расти, и успех их над фашистскими мятежниками будет зависеть в значительной степени от организационных способностей ее руководителей. Попытка перейти немедленно от задач буржуазно-демократической революции к лозунгам социалистической революции привела бы к сужению массовой базы этой революции и повредила бы борьбе за национальную оборону и доведение до конца революции демократической.

Доведение до конца буржуазно-демократической революции, разгром фашистских мятежников, обеспечение национальной независимости и целостности страны, ликвидация пережитков средневековья, отсталости, бескультурья, невежества — вот задачи сегодняшнего дня, стоящие перед испанским народом, борющимся на фронтах гражданской войны*.

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 19—20.

* «Правда» № 273 от 3 октября 1936 года.

¹ Ленин. Т. VII, стр. 193—194.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ И С П А Н И И (1917-1936 годы)

Снова Испания в центре внимания всего мира. Идет великая борьба испанского народа против фашистских мятежников. Испания — страна, пережившая за последние 100 лет ряд революций и восстаний, направленных против пережитков феодализма, — является, тем не менее, единственной западноевропейской страной, в которой так велики остатки феодализма, так могущественны католическая церковь, крупные помещики и военщина. Объясняется это тем, что предшествовавшие революции руководились буржуазией, которая не могла и не хотела доводить борьбу до конца.

Нынешняя революция в Испании, начавшаяся в 1931 году, в эпоху, когда мир уже был разделен на два лагеря: лагерь социализма и лагерь капитализма, — первая революция, которая в процессе своего развития приняла подлинно народный характер. После ряда этапов, на которых буржуазия вновь и вновь пыталась вступить в соглашение с помещиками и военщиной, испанская революция вступила в настоящий, наиболее острый и решающий момент своего развития. Сыны и дочери героического испанского народа, создавшие свое демократическое правительство, образованное партиями народного фронта, с оружием в руках защищают свои завоевания от озверелых псов фашизма и ведут борьбу за доведение до конца буржуазно-демократической революции.

Особенности и трудности этой борьбы в значительной степени объясняются всем предшествующим развитием Испании за последние 20 лет.

Во время империалистической войны Испания соблюдала нейтралитет. Промышленность Испании, перед которой открылись иностранные рынки сбыта, выиграла от этого нейтралитета, но сильные феодальные пережитки препятствовали ее росту, что толкнуло испанскую буржуазию на путь оппозиции к дворянско-монархическому строю. Оживление промышленности содействовало и оживлению рабочего движения. Противоречия между пролетариатом и буржуазией, между крестьянством и помещиками обострялись.

13—19 августа 1917 года в Испании произошла всеобщая забастовка. Бастующие требовали создания временного правительства и созыва учредительного собрания. В ответ на это дворянско-помещичье правительство ввело осадное положение. В Барселоне, Бильбао и других промышленных городах произошли кровавые столкновения, жертвой которых пало до 400 убитых.

Дальнейший мощный толчок революционному движению испанского пролетариата дала Октябрьская социалистическая революция в СССР. В 1918—1920 годах испанские рабочие переходят в наступление; вместе с ними в революционную борьбу вступают и крестьянство и угнетенные национальности Испании. Стачечная волна 1919—1920 годов вырвала у буржуазии, напуганной пролетарской революцией в России и ростом революционного движения в самой Испании, ряд уступок. Особенно сильно стачечное движение развернулось в Каталонии (и прежде всего в пролетарском центре Испании — Барселоне), затем в Бискайе и Астурии. Большинство стачек кончилось победой рабочих. Упорной стачечной борьбой рабочие добились к 1920 году 8-часового рабочего дня и довоенного уровня заработной платы (а частично и превышения этого уровня).

Крестьянское движение, сопровождавшееся захватом помещичьих земель, развернулось особенно широко в Андалузии. Усилилась и национальная борьба за автономию Каталонии.

Бойцы испанской народной милиции, 1936 г.

нии. Эти годы — 1918—1929 — в Испании назывались «большевистским трехлетием».

К этому времени относится и зарождение коммунистической партии в Испании. В 1920 году федерация социалистической молодежи присоединилась к Коминтерну и реорганизовалась в компартию. В 1921 году произошел раскол в социалистической партии, меньшинство которой создало коммунистическую рабочую партию. В октябре 1921 года состоялось объединение обеих партий в компартию Испании. В момент своего создания компартия, идеологически и численно очень слабая, была заражена правым оппортунизмом и сектантством и не играла руководящей, организующей роли в боях пролетариата и крестьянства. В тот период она фактически являлась только группой пропаганды коммунизма и защиты русской революции.

Если в других западноевропейских странах компартиям приходилось вести борьбу с реформизмом (в лице социал-демократии) за влияние на рабочий класс, то в Испании положение компартии было еще более трудным, так как ей нужно было бороться не только с реформизмом, но и с анархизмом.

Анархизм, как известно, является застарелой болезнью испанского рабочего движения. Испанские анархисты еще в революции 1873 года, когда в Испании впервые была создана республика, показали пример того, как не следует делать революцию. Возглавляя движение, они объединились с буржуазными «федералистами», лишили пролетариат самостоятельной роли в революции и содействовали гибели республики. Энгельс клеймил их предательскую роль в своей брошюре «Бакунисты за работой».

На дальнейших этапах революционного движения испанского пролетариата анархисты своей авантюристической, путчистской тактикой неподготовленных выступлений дезорганизовывали рабочее движение. Своими методами индивидуального террора, которым они заменяли политическую борьбу масс, они отвлекали пролетариат от массовых организованных вы-

ступлений и способствовали развитию провокации. Высказываясь за воздержание от политической борьбы (неучастие в выборах, в политических стачках и т. п.) и за чисто экономическую борьбу, при помощи которой якобы и будет свергнут капиталистический строй, испанские анархисты и анархо-синдикалисты в противовес диктатуре пролетариата и советской власти выдвигали «теорию» так называемого «безгосударственного коммунизма». Согласно этой теории, «режим свободы, регулируемый разумом и справедливостью», устанавливается сам собой на другой день после свержения господства капитала, никакая власть для этого будто бы ненужна. Ясно, что эти теории лишь разоружали испанский пролетариат и препятствовали созданию и укреплению единой, централизованной и дисциплинированной революционной партии рабочего класса.

Распыленность сил пролетариата между НКТ¹ и ВРС² также оказывала отрицательное влияние на рабочее движение. Социалисты и ВРС вели раскольническую политику, срывая стачки, исключая коммунистов из профсоюзов.

При таких условиях испанский пролетариат не в состоянии был сохранить свои завоевания. С середины 1920 года буржуазия перешла в контрнаступление. Используя рост безработицы, вызванной кризисом, испанская буржуазия стала уменьшать заработную плату, увеличивать рабочий день и т. д. Каталонская крупная буржуазия в союзе с испанской реакцией вступила на путь открытого террора против рабочих. Еще в 1919 году барселонская буржуазия создала так называемые «соматены»³ и «свободные союзы» — объединения погромного характера, образованные из деклассированных элементов, наемных банд штрейкбрехеров и убийц. Члены «сво-

бодных союзов» и «соматенисты» открыто убивали рабочих на улицах. За полтора года пало жертвами убийц до 500 рабочих.

Уже в связи со всеобщей забастовкой 25 марта 1919 года правительство отменило конституционные гарантии. Профсоюзы были вынуждены работать нелегально, рабочая печать преследовалась. Стаечная волна сильно пошла на убыль; число членов НКТ и ВРС значительно уменьшилось.

В этот же период активизация грабительской деятельности испанских империалистов в Марокко вызвала восстание племени риффов, которые под руководством своего вождя Абд-эль-Керима храбро боролись за свою независимость, против вдесятеро сильнейшего врага. В июле 1921 года испанская армия, сражавшаяся против риффов, была разгромлена в битве при Ануале, потеряв при этом 25 тысяч человек и 200 орудий. Это поражение особенно наглядно доказывало слабость испанского империализма, гнилость и бессилие руководимой дворянами армии. Оно еще более обострило все противоречия внутри отсталой Испании. Началось брожение и в армии.

В целях успокоения страны правительство весной 1922 года восстановило конституционные гарантии, но желанных результатов не добились.

Тогда дворянско-монархические круги вкупе с верхушкой финансовой и промышленной буржуазии, чтобы предотвратить революцию, решились на установление военно-фашистской диктатуры.

Военно-фашистская диктатура Примо де Ривера 1923—1929 гг.

13 сентября 1923 года генерал Примо де Ривера, командующий военным округом в Каталонии, при поддержке короля Альфонса XIII и каталонской буржуазии совершил военный переворот. Крупнейшую роль в этом перевороте сыграло офицерство⁴. Либеральный кабинет министров Гарсиа Прието

¹ НКТ — Национальная конфедерация труда, объединение анархо-синдикалистских профсоюзов.

² ВРС — Всеобщий рабочий союз, объединение реформистских профсоюзов, руководимое социалистами.

³ От каталонского «Som-atenta» — «Мы начеку».

⁴ Офицерство Испании, состоящее почти сплошь из дворян, является оплотом контрреволюции. Число офицеров непомерно велико. Если во французской армии на каждые 19 солдат приходится 1 офицер, то в Испании — 1 офицер на ка-

заставили уйти в отставку и заменили его правительством, составленным из генералов. Диктатура имела своей задачей подавить революционную борьбу пролетариата и крестьянства, примирить интересы промышленной буржуазии и помещиков. Новая власть объявила военное положение, распустила кортесы (парламент), отменила конституционные гарантии, запретила демонстрации и т. п. Все гражданские губернаторы были заменены военными. Были распущены все политические партии (включая и монархические). В 1924 году Примо де Ривера создал фашистскую партию «Патриотический союз», служившую ему опорой. В нее входили главным образом мелкая буржуазия и деклассированные элементы. Ликвидировав парламентскую систему, Примо де Ривера в демагогических целях называл созданный им строй «надклассовым государством». В действительности же этот строй стоял на страже интересов помещиков и верхушки буржуазии.

Примо де Ривера выставлял лозунг «великой Испании». Он разгромил национальные организации каталонцев и басков, упорно продолжал авантюру в Марокко. При помощи Франции ему удалось, наконец, в 1926 году сломить героическое сопротивление риффов. Война в Марокко обошлась Испании в 5 миллиардов пезет. Буржуазия поддерживала диктатуру до тех пор, пока та давала ей субсидии, устанавливала протекционистские таможенные тарифы. Но благодаря этой политике государственный долг сильно вырос. Страна шла к финансовому краху.

Диктатура Примо де Ривера нанесла серьезный удар рабочему движению. Все революционные организации были загнаны в подполье, и в первую очередь компартия. Среди анархо-синдикалистов наступил полный разброд, под влиянием террора они сами распустили свои профсоюзы.

Но, загнав в подполье все революционные организации, диктатура, однако, не только предоставила полную свободу, но даже поддерживала ре-

формистские союзы, возглавляемые социалистами. Реформисты стали на путь «делового сотрудничества» с диктатурой и капиталистами, всячески тормозя классовую борьбу.

Вынужденные уйти в подполье, компартия и революционная профоппозиция являлись единственными организациями, стоявшими на платформе классовой борьбы. Коммунисты участвовали в руководстве стачками, резко критиковали участие реформистов в органах диктатуры, боролись против марокканской авантюры. Но компартия идеологически и организационно оставалась очень слабой. К концу диктатуры ее ряды значительно поредели. На ее работе вредно отражалось и наличие анархо-синдикалистских и реформистских пережитков. С 1928 года руководство партией оказалось в руках группы Бульехоса, Адама, Трилья и Вега, проводившей неверную политическую линию, которая вела к отрыву компартии от масс.

Диктатура Примо де Ривера не сумела создать такой массовой фашистской партии, как например гитлеровцы в Германии. Она держалась на штыках, опираясь только на реакционную военщину. Наступил момент, когда диктатура зашаталась.

Мировой экономический кризис захватил в конце 1929 года и Испанию. Особенно резко он отразился на испанском хозяйстве, вследствие экономической слабости Испании как аграрной страны. Переплетение аграрного и промышленного кризиса и затяжной характер кризиса еще более обострили положение. Росла безработица. Ухудшилось материальное положение рабочих, служащих, низших чиновников, крестьянства, батраков. Вновь поднялась стачечная волна. Начались студенческие беспорядки. Волнения перекинулись и в военные части. Даже буржуазия стала открыто выражать недовольство диктатурой, ведущей страну к явной гибели. Финансовые короли, напуганные ростом революционного рабоче-крестьянского движения, решили принести Примо де Ривера в жертву и заговорили о необходимости возвращения к конституционному режиму.

ждые 6 солдат. Офицеры объединены в союзы (хунтас), играющие крупную роль в политике.

В январе 1930 года король Альфонс XIII дал отставку некогда всемогущему диктатору. На смену Primo de Rivera явилось правительство генерала Беренгера, которое не скупилось на обещания вернуться в дальнейшем к конституционному режиму, но неизменно откладывало выполнение своих обещаний. По сути дела, все осталось по-старому.

Республика 1931 года

1930 год был годом серьезного политического кризиса. Высоко поднялась забастовочная волна. Началось крестьянское движение. Либеральная часть буржуазии и помещиков (Алькала Самора, Мигель Маура и др.), поняв неизбежность крушения монархии, сочла нужным взять республиканское движение в свои руки. В июле 1930 года был заключен блок между группой Саморы и Мауры (правые республиканцы, вчерашние монархисты), радикалами, левореспубликанскими мелкобуржуазными партиями (радикал-социалисты, «республиканское действие») и социалистами. Из страха перед народной революцией блок стремился к замене монархии буржуазной республикой.

12 декабря 1930 года произошли восстания гарнизона крепости Хака (в Арагонии) и летчиков мадридского аэродрома. Но восстания были подавлены. Одновременно бастовало до 600 тысяч рабочих по всей стране.

Более «либеральное» правительство адмирала Аскара, пришедшее на смену кабинету Беренгера и составленное из всех монархических помещичье-буржуазных групп, пыталось рассеять недовольство возвещением скорого возвращения к «конституционному» режиму. Оно назначило на 12 апреля муниципальные выборы по всей стране. Но эти выборы дали победу республиканцам и подчеркнули обреченность монархии.

Массы вышли на улицу. Началась революция. В ряде городов уже была провозглашена республика. В Барселоне была объявлена Каталонская республика. Монархическое правительство и король, видя, что положение безвыходное, что даже реакционная гражданская гвардия (жандармерия) не

Демонстрация в Мадриде 14 апреля 1931 года, в день провозглашения республики.

хочет защищать прогнившую монархию, боясь вооруженного восстания народных масс, капитулировали и передали власть коалиции буржуазных республиканцев и социалистов. Альфонсу XIII дали возможность беспрепятственно уехать за границу.

14 апреля 1931 года была торжественно провозглашена республика. Народные массы верили, что теперь начинается эра процветания и свободы. В действительности же на смену монархическому дворянскому правительству, блокировавшемуся с буржуазией, явилось республиканское буржуазное правительство, блокирующееся с помещиками.

Главой Временного правительства (состоявшего из правых и левых республиканцев и социалистов) был Нисето Алькала Самора, стоявший на правом фланге буржуазных республиканцев, вчерашний монархист, ярый католик. Выборы в учредительные кортесы (июнь 1931 года) закончились полной победой коалиции правореспубликанских и левореспубликанских партий. Монархические группировки получили сравнительно незначительное количество мест. Коммунистам в силу особенностей избирательной системы не удалось получить ни

Ларго Кавальеро, премьер-министр испанского республиканского правительства.

одного места. В конце 1931 года правые республиканцы ушли из правительства, недовольные «радикализмом» правительственной политики. Сначала (14 октября) ушли Алькала Самора и Мигель Маура, лидеры небольшой группировки правых республиканцев, а 13 декабря правительство покинули и лидеры крупной буржуазной партии радикалов — Лерус и Мартинес Барриос. Правда, Саморе не пришлось пожалеть о своем уходе из правительства: учредительные кортесы услужливо избрали его президентом республики (11 декабря 1931 года).

С конца 1931 года по сентябрь 1933 года правительственная коалиция, возглавляемая Мануэлем Асанья, состояла из левых республиканцев и социалистов. В правительство входили виднейшие деятели социалистической партии: Ларго Кавальеро, Индалесио Прието, Фернандо де лос Риос. Эта правительственная коалиция, опиравшаяся на большинство в кортесах, не реализовала имевшиеся у нее возможности предпринять широкие ре-

формы. Она очень скоро разоблачила себя как проводника политики помещиков и крупной буржуазии.

Принятая 9 декабря 1931 года кортесами конституция объявляла Испанию «республикой трудящихся всех классов». На деле же сущность конституции сводилась к гарантии соблюдения интересов правящих классов со стороны республики. Кортесы санкционировали реакционный декрет о «защите республики», направленный против революционного движения. Ни один из насущных вопросов, касающихся интересов трудящихся, этим коалиционным правительством разрешен не был.

Бесконечно долго выработывался и обсуждался закон об аграрной реформе, принятый, наконец, 9 сентября 1932 года. Между тем аграрный вопрос — один из наиболее острых вопросов Испании. Сельское хозяйство Испании, как известно, носит полуфеодалный характер. Помещики держат в своих руках почти две трети всей земли; есть владельцы латифундий, властвующие над целыми провинциями. Так, видному монархисту Романонесу принадлежала большая часть провинции Гвадалахара. И в то же время в Испании — миллионы безземельных батраков и крестьян, имеющих ничтожные наделы. В Галисии, например, встречаются карликовые земельные участки, которые обрабатываются вручную или при помощи допотопной африканской сохи. Около четверти земледельцев — арендаторы, находящиеся в безвыходной кабале у помещиков. Крестьянство опутано феодальными повинностями средневекового происхождения («форо»¹, «рабасса морта»² и др.). Некоторые селения и даже целые небольшие города принадлежат помещикам.

¹ «Форо» — средневековая форма арендного контракта, дающая право помещику согнать крестьянина с земли в любой момент и приводящая его к кабальной зависимости от помещика.

² «Рабасса морта» — вид феодальной аренды, при которой помещик, сдавший на 50 лет землю под виноградник, имеет право выселить крестьянина, если две трети виноградника отцветут до истечения срока договора. Неопределенность условий покровительствует произволу помещика.

В 1925 году кастильский помещик виконт де Эса выселил целую «сеньоральную деревню» с земли, ему принадлежавшей, уплатив крестьянам ничтожную сумму в 3 тысячи пезет, в то время как оставленное ими имущество оценивалось в 162 тысячи пезет. Выселенные крестьянские семьи сидели на своих наделах 700 лет. После республиканского переворота крестьяне просили временное правительство вернуть им их земли или заставить виконта заплатить недостающую сумму. Просьба эта, разумеется, удовлетворена не была.

В местности Гуадис (провинция Гренада) люди живут в пещерах. А так как земля, в которой вырыты пещеры, принадлежит помещикам, то жители вынуждены платить за них арендную плату.

Крестьянство, подвергающееся феодальной эксплуатации, обремененное непосильными налогами, живет в страшной нищете. Особенно ужасно положение сельскохозяйственного пролетариата, страдающего от хронической безработицы. Половина всего населения испанской деревни — батраки.

В Андалузии сельскохозяйственные рабочие питаются черным хлебом и горьким оливковым маслом. «Праздником» для них является падеж скота у помещика, так как тогда им выдается тухлое мясо, которое уже ни на что больше не годится.

Правительство республиканской коалиции пошло на аграрную реформу под давлением мощного крестьянского движения. Аграрная реформа была пущена в ход как метод борьбы с аграрной революцией. Реформа распространялась только на одну треть Испании (14 провинций). Согласно этой реформе, помещичья земля отчуждалась с большим выкупом и в незначительных размерах. Часть феодальных пережитков в области аграрных отношений сохранялась. Не были затронуты реформой все существовавшие в Испании тяжелейшие условия аренды. Помещичья земля отчуждалась не столько для землеустройства крестьян, сколько для сдачи ее в аренду большими участками, т. е. содействовала созданию крепкого слоя кулачества.

Аграрная реформа дала жалкие результаты. Из имевшихся в Испании десятков миллионов гектаров помещичьей земли в течение 2 лет проведения аграрной реформы было конфисковано всего лишь 74 тысячи га земель бывших грандов (крупнейших помещиков-аристократов), «окончательно» землеустроено 7 тысяч сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян и «временно» землеустроено 43 тысячи, при общем числе безземельных и малоземельных сельскохозяйственных рабочих в 2,2 миллиона! Были отменены наиболее вопиющие пережитки феодальных повинностей и незначительно снижены размеры

Батраки и крестьяне деревни Вильянуэва де Кордова, участвовавшие в захвате урожая у помещика. Андалузия. 1931 год.

Коммунистическая демонстрация под лозунгом единого фронта. Бильбао, 1932 год.

арендной платы в Каталонии. Аграрная реформа, отвечающая интересам помещиков и буржуазии, не достигла своей цели—предупреждения аграрной революции—и, наоборот, вызвала рост аграрного движения.

Коалиция левых республиканцев и социалистов не разрешила и национального вопроса, также одного из острейших вопросов в стране. В Испании от одной трети до одной четверти населения состоит из угнетенных национальностей: каталонцев (4,5 миллиона), галисийцев (2,2 миллиона) и басков (600 тысяч). Только Каталония получила «каталонский статут» — куцую автономию, награждавшую Каталонию якобы автономным правительством (генералитет), а фактически подчинявшую ее центральным мадридским властям. Баскония и Галисия так и не дождалась удовлетворения своих национальных требований.

В отношении безработных и рабочих учредительные кортесы и правительство проводили политику, удобную крупной буржуазии. Безработные (более 500 тысяч человек) не получали пособий. Социальное страхование и страхование от безработицы не были введены.

Буржуазная республика не ликви-

дировала и могущества католической церкви. Церковь в Испании — богатейший капиталист и помещик: ей принадлежит одна треть всего национального богатства. Под нажимом масс (которые 10—11 мая 1931 года поджигали церкви и монастыри во многих городах) правительство было вынуждено закрыть орден иезуитов, ограничить некоторые права церкви в области школьного дела, пойти на постепенную отмену государственных субсидий. Но духовенство сохранило свои огромные богатства и, являясь одной из главных опор контрреволюции, имело возможность щедро финансировать фашистов.

Не удивительно, что при таких условиях из года в год росло число стачечников, количество стачек и их продолжительность. Часто стачки и демонстрации, объединяющие рабочих и безработных, переходили в ожесточенную открытую борьбу с властями. Многие стачки были крупными революционными событиями: всеобщая стачка и уличные бои в Севилье (июль 1931 года) и Барселоне (сентябрь 1931 года), забастовка 70 тысяч батраков в провинции Бадахос (декабрь 1931 года), стачечно-повстанческая борьба в долине Льобрегата (в Каталонии, январь 1932 года), всеобщая 48-часовая стачка-демонстрация,

организованная компартией против репрессий (25—26 января 1932 года), массовые стачки-демонстрации в январе (1 миллион участников) и феврале 1932 года (1,2 миллиона участников).

Широко развернулось революционное движение крестьян и батраков. До осени 1932 года деревня, еще охваченная республиканско-демократическими иллюзиями, верила в аграрную реформу. Аграрное движение поэтому тогда развивалось относительно медленно. Но с осени 1932 года крестьяне стали приступать к осуществлению аграрной реформы революционным путем. Крестьянское движение не раз перерастало в вооруженную борьбу. Оно принимало разнообразные формы: поджигались помещичьи усадьбы, захватывались помещичьи земли, лес, скот и инвентарь, устраивались забастовки

сельскохозяйственных рабочих, забастовки арендаторов, отказ от взноса арендных платежей, «налоговые забастовки», совместные стачки солидарности городских и сельскохозяйственных рабочих. Нередки были случаи вооруженной борьбы против жандармерии (гражданской гвардии), против карательных отрядов. Названия деревень: Кастиль-бланко (в Эстремадуре), Вилья де дон Фадрике (в провинции Толедо), Касас Вьехас, где имели место наиболее крупные вооруженные выступления крестьян, — знает вся Испания. Крестьянское движение было особенно сильно на юге — в Андалузии, Эстремадуре, где крестьянство и батрачество наиболее обездолены. В течение 1933 и 1934 годов движение распространилось почти на все провинции страны.

Кроме батраков и бедняков были

Испанские крестьянки деревни Вилья де дон Фадрике, арестованные за участие в столкновении с жандармами. 1932 год.

втянуты в движение также мелкие собственники — арендаторы. Особенно сильный размах приобрела борьба каталонских арендаторов (рабассейров).

Охраняя интересы буржуазии и помещиков, находившиеся у власти левые республиканцы и социалисты, пытались сдержать развитие рабоче-крестьянской революции. Они пускали в ход демагогию и репрессии во имя укрепления республиканского порядка и подогревали в массах конституционные иллюзии.

Коалиционное правительство преследовало коммунистов, применяло жестокие репрессии против стачечников, против массовых демонстраций, против борющихся за землю крестьян. Оно не только оставило реакционеров в государственном аппарате и армии и сохранило в неприкосновенности прежнюю жандармерию — гражданскую гвардию (гуардиа сивиль), но еще создало кроме того штурмовую гвардию (гуардиа асальто) — новый тип жандармерии.

Рабочий класс Испании все еще был расколот на три части. Наибольшим влиянием пользовались социалисты, в руках которых был Всеобщий рабочий союз — объединение реформистских профсоюзов, — насчитывавший до миллиона членов. Социалисты призывали рабочих к отказу от массовой борьбы и убеждали их, что правительство и кортесы сделают все, что требуется.

Анархисты, руководившие Национальной конфедерацией труда, в которой было около 500 тысяч человек, использовали недовольство масс соглашательской политикой правых социалистических вождей для проведения своей линии.

«Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополюняли друга»¹, — писал Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме».

Под видом якобы отрицания политической борьбы анархисты отвлека-

ли трудящихся от самостоятельных политических выступлений, на деле участвуя в политической борьбе в интересах буржуазии. Например на ноябрьских выборах 1933 года в кортесы своим отказом от участия в голосовании анархисты сыграли на руку реакционерам. Три раза (в январе 1932 года, в январе 1933 года и в декабре 1933 года) анархисты вели рабочих на восстание и каждый раз приводили их к поражению. Подходя к восстанию по-путчистски, анархисты не ставили основного вопроса — о власти. Они отрицали необходимость борьбы за рабоче-крестьянскую власть и усиливали проповедь своей «теории» «безгосударственного коммунизма».

Компартия Испании, накануне апрельского переворота 1931 года насчитывавшая 700—800 членов, была еще слаба и невлиятельна. Тогдашнее руководство партии (Бульехос, Адаме, Трилья и Вега) продолжало вести ошибочную, сектантскую тактику, в результате которой компартия во время апрельского переворота была изолирована от масс.

«Руководство компартии Испании не сумело разглядеть сдвигов, происшедших в соотношении сил в стране. Оно не поняло, что массы, вышедшие на улицу, ждали от республики улучшения своего экономического положения и свободы и что это был исключительно благоприятный момент для того, чтобы компартия Испании связалась с массами и поставила вопрос о путях борьбы за улучшение экономического и политического положения масс, выдвинула лозунги борьбы за захват земель, увеличение заработной платы, вооружение рабочих и крестьян, разрешение национального вопроса, ликвидацию всевластия церкви и пр.

Но, вместо того чтобы выдвинуть лозунги, соответствовавшие моменту, тогдашнее руководство партии — Бульехос, Адаме и К^о — высказалось против республики и выдвинуло лозунг: «Долой буржуазную республику, да здравствуют советы и диктатура пролетариата!» В момент установления республики рабочие искали коммунистов, чтобы под их руковод-

¹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 180. 2-е изд.

ством бороться за демократические права, но, когда коммунисты выступили против республики, рабочие объявили их союзниками монархистов, а кое-где (Севилья, Мадрид) хотели личить наших товарищей.

Какими силами эти руководители партии хотели осуществить пролетарскую революцию? Силами 800 коммунистов, которые были тогда в Испании.

Коминтерн тогда же подверг критике эту линию, стремясь исправить ошибки, которые мешали компартии связаться с массами»¹.

Вскоре, благодаря активной помощи ИККИ, компартия исправила свою политическую линию, преодолела сопротивление руководства, а затем (в конце 1932 года) исключила из своих рядов ставших ренегатами Бульехоса, Адаме, Трилья и Вега. Она создала новое боевое руководство во главе с Хосе Диасом, генеральным секретарем партии. Хосе Диас — подлинный сын испанского рабочего класса, руководивший до этого ряд лет севильской парторганизацией и ведший непримиримую и последовательную борьбу с прежним руководством. В политбюро ЦК видное место заняла Долорес Ибаррури (Пасионария), завоевавшая своей преданностью делу революции и своими способностями пламенного оратора колоссальную популярность и любовь испанского народа.

Компартия агитировала за безвозмездную конфискацию помещичьей, церковной и королевской земли и передачу ее крестьянам и батракам, за разоружение и роспуск жандармерии и полиции, за вооружение рабочих и крестьян, за роспуск религиозных обществ и конфискацию их имущества, за право наций на самоопределение вплоть до отделения, за организацию советов, за создание рабоче-крестьянского правительства. Партийные организации руководили экономическими и политическими стачками, провели ряд всеобщих забастовок, массовых демонстраций. Компартия активно участвовала и в аграрном

Хосе Диас, секретарь ЦК компартии Испании.

движении, но ее организационное влияние в деревне было слабо, и она была не в силах руководить движением.

Компартия развернула массовую антифашистскую кампанию, выдвинув лозунг создания единого антифашистского фронта борьбы.

Под непосредственным влиянием компартии находилось около 150 тысяч членов Унитарной конфедерации труда (красные профсоюзы) и автономных профсоюзов. Ее влияние на рабочие массы все еще сильно уступало, таким образом, влиянию социалистов и анархистов. Компартия насчитывала в 1933—1934 годах более 20 тысяч членов. Она подвергалась репрессиям, травле, но мужественно продолжала работать и бороться.

Социалисты и левые республиканцы, сидевшие в правительстве, все свое внимание сосредоточили на борьбе с революцией. В результате такой политики лагерь реакции начал консолидироваться и перешел в наступление. 10 августа 1932 года в Севилье и Мадриде произошел неудачный монархический путч под руководством генерала Санхурхо (начальника карабинеров, бывшего начальника гражданской гвардии). Путч провалился вследствие отпора, оказанного рабочими массами. В 1933 году возникла клерикально-фашистская организация

¹ Гарсиа. Речь на VII конгрессе Коминтерна. «Компартия Испании в борьбе против фашизма», стр. 7. Партиздат. 1936.

Долорес Ибаррури (Пасионария), член политбюро ЦК компартии Испании.

СЭДА, руководимая помещиками (ее вождь Хиль Роблес — саламанкский помещик), влияние которой проникло в деревню. Возникли фашистская террористическая партия «Испанская фаланга» и монархическая партия «Обновление Испании». Фашисты совместно с правыми республиканцами (радикалом Лерусом — в прошлом один из вождей анархистов — и другими) пошли в атаку на левореспубликанское правительство. Пуская в ход наглую демагогию, используя недовольство масс жалкими результатами реформ, лагерь реакции добился ухода в отставку левореспубликанского правительства (сентябрь 1933 года).

На смену Асанья пришел Лерус, кумир крупной буржуазии. В ноябре 1933 года на выборах в кортесы фашисты, пустившие в ход все средства — подкуп, демагогию, влияние церкви на женщин, тогда еще отсталых, впервые допущенных к голосованию, — добились крупной победы. Правые партии (СЭДА, монархисты и др.) получили 213 мест, центр (радикалы, правые республиканцы и др., —

139 мест, а левореспубликанские партии и социалисты — лишь 121 место.

В течение года (с сентября 1933 до октября 1934 года) радикалы стояли у власти, пользуясь поддержкой СЭДА и выполняя волю реакционеров. Блок крупной буржуазии и помещиков занял преобладающее место в кортесах, муниципалитетах, в трибунале конституционных гарантий. Он вытеснил левореспубликанские партии из государственного аппарата. Правительство стремилось ликвидировать «наследие апрельской республики», уничтожить остатки социального законодательства, свести нанет аграрную реформу, уничтожить права муниципалитетов, заменить левореспубликанских или социалистических алькальдов (городских голов) правительственными комиссарами, восстановить права церкви и т. д. Был проведен целый ряд реакционных законов. Жестоко преследовалось революционное рабочее и крестьянское движение, которое приняло огромный размах (всеобщие политические и экономические стачки, всеобщая стачка батраков в июне 1934 года и пр.). Не раз запрещалась коммунистическая печать. В сентябре 1934 года были запрещены организации комсомола и соцмола.

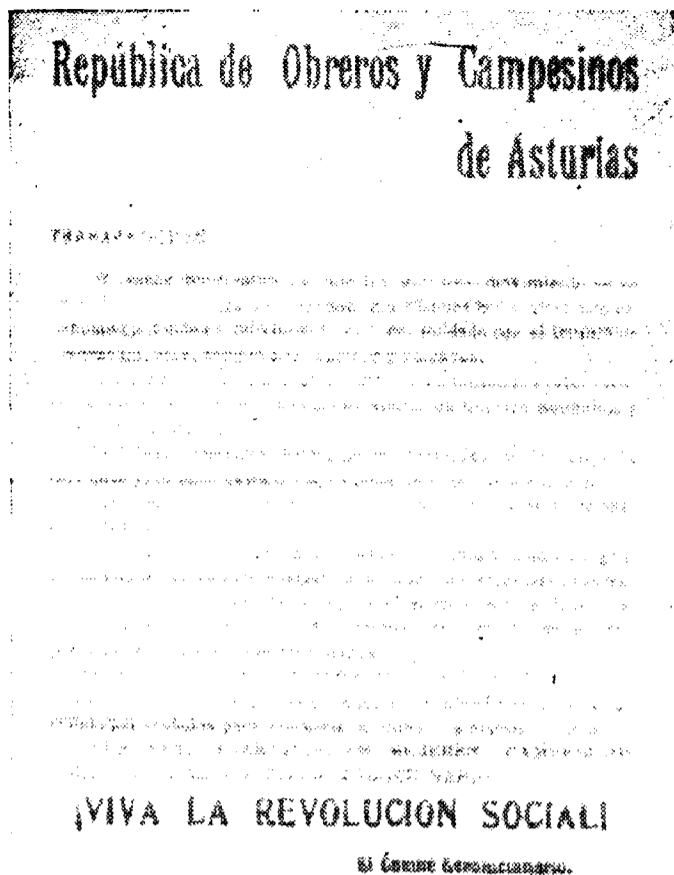
В Каталонии и Басконии обострилось национальное движение. Компартия организовала ряд всеобщих стачек и демонстраций против фашизма. Выдвинутый компартией лозунг единого фронта нашел отклик внутри реформистских и анархо-синдикалистских профсоюзов. Под влиянием давления низов некоторые руководители социалистической партии начали высказываться в пользу революционной борьбы. Так, Ларго Кавальеро, наиболее выдающийся и честный из вождей социалистов, 2½ года являвшийся министром в коалиционном правительстве, признал ошибочной прежнюю деятельность социалистической партии, стал горячим сторонником единого фронта и возглавил левое крыло партии социалистов. Но большинство вождей социалистов, а также вожди анархистов продолжали саботировать единый фронт.

Октябрьские дни 1934 года

Перед лицом нарастающего революционного движения фашисты, которые до сих пор лишь поддерживали правительство радикалов, теперь сочли нужным взять министерские портфели. 4 октября 1934 года при реорганизации состава правительства в него впервые вошли 3 открытых фашиста — представители СЭДА. Лерус и Хиль Роблес знали, что вступление фашистов в правительство явится сигналом к гражданской войне, ибо оно означало курс на полную ликвидацию завоеваний революции.

Пролетариат ответил на образование этого правительства всеобщей стачкой. Она началась вечером 4 октября. На севере Испании — в Астурии, Каталонии, Басконии, Леоне — и в центре страны — в Мадриде — она достигла особенно большого размера. Частичный характер стачка носила в Леванте, Андалузии и Эстремадуре. В ряде мест, как например в Мадриде, Барселоне и многих городах и деревнях Каталонии, а также и в некоторых других провинциях всеобщая стачка перешла в вооруженные бои. Особенно острые формы и большой размах борьба приняла в Астурии. Здесь благодаря влиянию и инициативе компартии впервые была преодолена раздробленность рабочего класса. Астурийские горняки и металлисты без различия партийной принадлежности, единым фронтом вели вооруженную борьбу против фашизма.

В Астурии движение началось в угольном районе: в Миересе, Сама де Лангрео и других местах. Восставшие горняки вооружились, захватили весь горняцкий район и двинулись на штурм Овиедо, главного города Астурии. Рабочие оружейного завода в Трубии захватили с оружием в руках все цеха завода и овладели пушками, при помощи которых они бомбардировали потом Овиедо, где находились правительственные войска. Коммунист Мансо, рабочий, руководивший захватом оружейного завода в Трубии, превратился в популярного вождя астурийского восстания. Батальоны красной гвардии после многих боев захватили оружейный завод близ Овиедо,

Воззвание ревкома Астурии. Начинается словами: «Республика рабочих и крестьян Астурии». Октябрь 1934 года.

где находилось 22 тысячи винтовок, и снабдили восставших оружием и динамитом. Они пытались наладить производство броневиков, блиндированных поездов, изготовляли динамитные бомбы большой разрушительной силы. «В Туроне, Миересе, Трубии, Теверга, Градо и Инфиесто — основных пунктах каменноугольного бассейна — руководство находилось в руках коммунистов. Повстанческие бои в Астурии развивались на основе самого широкого единого фронта. С одинаковым героизмом дрались коммунисты, рабочие-социалисты и анархо-синдикалисты — там, где эти последние имели еще кое-какие организации, как в Хихоне и Ля Фельгера. Но не будь инициативы коммунистов и их участия в руководстве движением, невозможно было бы захватить власть и удержать ее в течение 15 дней в Астурии»¹.

Бойцы Астурии показали образцы героизма. Когда иностранный легион готовился занять паровозное депо (главный штаб революционеров) в Овиедо, 17-летняя комсомолка Аида

¹ Гарсия. Речь на VII конгрессе Коминтерна. «Компартия Испании в борьбе против фашизма», стр. 25—26. Партиздат. 1936.

Бомба огромной силы, изготовленная восставшими рабочими в Миересе, Астурия. Октябрь 1934 года.

Лафуэнте (Либертария) непрерывно стреляла из пулемета, дав этим возможность товарищам отступить и спасти жизнь многих бойцов. Она продолжала стрельбу до последнего патрона и причинила врагу громадный урон. Под градом пуль, умирая, она развернула красный платок и крикнула: «Да здравствует коммунизм! Да здравствует советская революция!»

Вот другой пример исключительного героизма, проявленного пролетариатом Астурии. В 3 километрах от Градо 7 человек, спрятавшись с пулеметом в извилине дороги, прикрытой с двух сторон горой, открыли такой сильный огонь по приблизившемуся войску генерала Лопеса Очоа, насчитывавшему 600—700 человек, что ему пришлось повернуть на север, на Правую, и уже оттуда обходным путем наступать на Трубию. Так 7 человек успешно сражались с противником, превосходившим их численностью в 100 раз. Таких примеров мужества и стойкости повстанцев можно привести множество.

В руки повстанцев перешла большая часть Астурии. На улицах Овиедо шли ожесточенные бои (часть Овиедо оставалась в руках правительственных

войск). Были созданы революционные комитеты в Миересе, Трубии и других городах Астурии.

15 дней дрались герои Астурии против значительно более сильного врага. Против них были двинуты наемные голворезы — солдаты иностранного легиона (среди которых было много русских белогвардейцев) и марокканские войска. Восстание в Астурии было потоплено в крови. Но еще несколько недель продолжалась партизанская борьба в горах Астурии, куда отступили горняки. Было убито и расстреляно 7 тысяч человек, ранено более 10 тысяч и арестовано более 60 тысяч человек.

В Каталонии бои происходили в Барселоне и многих других городах. Но там рабочий альянс (верхушечная организация единого фронта) плелся в хвосте партии каталонских левых националистов («Эскерра») и правительства генералитета (автономного правительства Каталонии), составленного из членов «Эскерра». 6 октября каталонское правительство под давлением революционных масс провозгласило каталонскую независимую республику. Но это правительство боялось вооружить рабочих и на следующий день капитулировало перед центральной властью.

В Бискайе вооруженные бои происходили в ряде местностей: Мандрагоне, Эйбаре, Португалето и каменноугольном бассейне. Здесь инициаторами и руководителями движения были коммунисты. Был организован поход 600 горняков из Арболедо на город Бильбао, но правые социалисты помешали их вступлению в город, убедив их, что «все кончено» и что дальнейшая борьба бесполезна.

Ожесточенные бои продолжались несколько дней в Мадриде, где повстанцы неоднократно штурмовали казармы, министерство внутренних дел и другие правительственные здания.

Но испанский пролетариат на этот раз еще не одержал победы. Основная причина его поражения заключалась в том, что он был не подготовлен, он был расколот на три части. Рабочие альянсы являлись только верхушечными организациями единого фронта и

Вооруженные бои испанского пролетариата в октябре 1934 года.

лишь зарождались. Крестьянство и армия не поддержали рабочих, если не считать отдельных выступлений. Момент выступления был навязан пролетариату противником. Не было единого руководства и плана борьбы. Не была осуществлена и гегемония пролетариата в национально-освободительном движении.

Много вреда опять-таки принесли борьбе анархисты. Их вожди призывали рабочих не участвовать во всеобщей стачке и в вооруженных боях. Благодаря анархистам было сорвано движение в Каталонии и Андалузии. Только в Астурии рабочие-анархисты вопреки директивам своего руководства участвовали в восстании. Социалисты колебались, призывая лишь к борьбе за смену правительства. Роль открытых саботажников сыграли правые социалисты, как Бестейро. Каталонские левые националисты («Эскерра») позорно капитулировали без боя перед мадридским правительством Леруса.

Компартия была единственной партией, правильность политической линии которой была подтверждена в огне боев. Астурийское восстание было подавлено. Пролетариат потерпел временное поражение. Тысячи пролетариев наполняли тюрьмы и застенки. Их подвергали изощренным пыткам, убивали без суда и по суду, но вся Испания восхищалась астурийскими героями, сочувствовала им. Астурия показала пример, как надо бороться. Основным уроком, вынесенный испанским пролетариатом из астурийских боев — необходимость объединения рабочего класса и всех революционных сил для борьбы против фашизма.

Победа народного фронта на выборах 16 февраля 1936 г.

В течение почти полутора лет, с октября 1934 года до начала 1936 года, у власти стоял блок фашистов и радикалов — Хиль Роблеса и Леруса. Хиль Роблес даже вошел в правительство в качестве военного министра. Это пра-

вительство черной реакции стремилось окончательно ликвидировать завоевания республики и в первую очередь — аграрную реформу. Грандам была возвращена отобранная у них земля. С автономией Каталонии было покончено. Государственный аппарат и армию наводнили фашисты и монархисты. Были распущены республиканские муниципалитеты. Компартия была загнана в подполье. Рабочее и крестьянское движение жестоко преследовалось.

И все же карта реакции оказалась битой. Не помогли никакие репрессии.

Борьба трудящихся масс в октябре 1934 года помешала буржуазно-помещичьему блоку упрочить свою диктатуру и расчистила путь единому пролетарскому фронту и народному фронту. Значительная часть руководителей анархистов и социалистов неоднократно отклоняла предложения компартии об установлении единства действий, но линия компартии все же победила.

Во второй половине 1935 года наступил новый подъем рабочего движения. На массовых митингах и демонстрациях (в Мадриде число участников доходило до 400 тысяч человек) были заложены первые основы народного фронта. Мощь этого движения заставила президента республики Алькала Самора распустить правительство, в которое входили радикалы и фашисты, и назначить так называемое правительство «центра» Портела Вальядареса, а затем распустить кортесы и назначить новые выборы.

На выборах 16 февраля 1936 года шла борьба между двумя лагерями: контрреволюционным блоком и народным фронтом. В народный фронт, созданный по инициативе компартии, вошли компартия, социалистическая партия, Всеобщий рабочий союз, партия республиканской левой (Асанья), «республиканский союз» (Мартинес Барриос), партия «каталонской левой» (Компанис) и некоторые другие организации. Примкнули к народному фронту и широкие массы анархо-синдикалистских рабочих.

После VII конгресса Коминтерна идея народного фронта привлекла на свою сторону широчайшие массы трудящихся Испании. Многотысячные ми-

тинги, организованные коммунистической партией, горячо одобряли линию, намеченную тов. Димитровым на VII конгрессе Коминтерна. Имя тов. Димитрова приобрело огромную популярность. Во время избирательной кампании фашисты расклеивали плакаты с надписью:

«Голосовать за народный фронт — это значит голосовать за Димитрова. Голосуйте за Испанию и против Димитрова!»

Трудящиеся массы голосовали за тов. Димитрова, и народный фронт нанес фашистской реакции сокрушительный удар. Из 473 мандатов партии народного фронта получили 268 (против прежних 121 мандата). Контрреволюционный блок вместе с центром (радикалами и т. п.), представленный в прежних кортесах 352 мандатами, теперь получил лишь 205 мандатов. Компартия, представленная ранее только одним депутатом, теперь получила 16 мандатов (позднее, на пере выборах, она получила еще один мандат).

Эти результаты выборов означали победу широкой рабоче-крестьянской демократии над силами фашизма. Они говорили о том, что идеи народного фронта уже глубоко проникли в массы, но в то же время они свидетельствовали также и о том, что фашистские партии успели пустить кое-какие корни в стране.

Победа народного фронта на выборах вызвала грандиозный подъем массового революционного движения, колоссальные демонстрации и митинги. Под напором масс ушло в отставку правительство Вальядареса, уступив 20 февраля место левобуржуазному правительству Асанья, поддерживаемому народным фронтом. Были созваны новые кортесы. 10 мая Асанья стал президентом вместо реакционера Алькала Самора. 30 тысяч политзаключенных вышли на свободу. Были приняты обратно на работу тысячи рабочих, выброшенных на улицу за участие в революционном движении, возвращены десятки тысяч крестьян, выселенных из своих деревень за революционную деятельность. Каталония снова получила автономию. Крестьяне стали захватывать помещичьи земли и

обрабатывать их совместно. Правительство передало землю 87 тысячам крестьян. Саботаж предпринимателей вынуждал рабочих идти в некоторых случаях на захват предприятий.

Была распущена часть фашистских организаций и ряд фашистов заключен в тюрьму. Но правительство далеко не достаточно проводило чистку государственного аппарата, армии, жандармерии и полиции от монархистов и фашистов, проявив в этом отношении мелкобуржуазную доверчивость к врагам республики и демократии. Это и было одним из обстоятельств, облегчивших фашистам подготовку контрреволюционного мятежа.

Компартия, организатор избирательной победы 16 февраля, вышла из подполья и стала массовой партией. К 16 февраля она насчитывала около 20 тысяч членов, а в июне — более 100 тысяч. Ведя курс на профсоюзное единство, компартия добилась слияния красных и реформистских профсоюзов, слияния комсомола и соцмола в единую организацию, стоящую на платформе КИМ и насчитывающую 140 тысяч членов. Компартия неуклонно держала курс на укрепление антифашистского фронта борьбы, на достижение организационного и политического единства пролетариата. В июле компартия Каталонии объединилась с тремя социалистическими организациями в «объединенную социалистическую партию Каталонии», входящую в Коминтерн. Возникла рабоче-крестьянская милиция — боевые дружины самообороны против реакции и фашизма.

В это время фашистский лагерь не складывал оружия. Фашисты прибегали к террористическим актам, устраивали столкновения с революционными рабочими и в то же время тайно готовились к восстанию. 17 июля 1936 года начался военно-фашистский мятеж, вдохновляемый и материально поддерживаемый германскими, итальянскими и португальскими фашистами.

Испанская революция вступила в новую фазу. Под руководством народного фронта трудящаяся Испания оказывает героический отпор мятежникам, создав всенародное ополчение — народную милицию. Получив свое боевое

крещение на баррикадах Астурии, сражаются трудящиеся Испании с гнусной ордой палачей и наемных бандитов. Непосредственная задача испанского народа — «не осуществление социалистической революции, а защита, укрепление и расширение буржуазно-демократической революции. Единственным лозунгом для компартии является лозунг, напечатанный 18 июля во всю ширину страницы «Мундо обреро», «Да здравствует демократическая республика!»¹.

Фашисты борются против демократии во имя интересов помещиков, церкви, крупной буржуазии; они хотят, чтобы Испания оставалась страной невежества, нищеты и бесправия трудящихся масс. Во имя своих привилегий испанские фашисты торгуют своей страной, распродавая ее фашистским правителям Германии, Италии и Португалии. Ибо, если бы не самолеты, танки, пушки, пулеметы и прочее военное снаряжение, которым обильно снабжают мятежников иноземные фашисты, испанский народ давно бы справился с мятежом.

События, происходящие в Испании, имеют крупнейшее международное значение. Трудящиеся всего мира, все сторонники подлинной демократии, все антифашисты с глубоким волнением следят за борьбой героической Испании. Симпатии их на стороне борющегося за свою независимость испанского народа. В первых рядах друзей Испании — все многомиллионное население Советского союза, помощь которого революционная Испания принимает с энтузиазмом.

Ободренный этой помощью и поддержкой, преодолевая трудности внутриполитического положения, связанный с разлагающей дисциплину и революционный порядок тактикой анархистов и исключительной по своей гнусности деятельностью испанских троцкистов, — испанский народ покажет, что он сумеет успешно завершить борьбу за свою свободу и независимость.

¹ Андре Марти «Фашизм или демократия». «Коммунистический интернационал» № 14 за август 1936 года, стр. 70.

КОНСТИТУЦИИ ФРАНЦИИ

Конституции государств Западной Европы создавались в результате длительного исторического процесса борьбы буржуазии и шедших за ней масс против абсолютизма. Конституции явились документами, фиксирующими новые отношения, создававшиеся в результате компромисса между королем и буржуазией. Признаком этих компромиссов обычно являлось участие буржуазии в осуществлении государственной власти через «народное представительство», широта прав которого обуславливалась и силой самого натиска буржуазии.

Несомненно, что в сравнении с неограниченной властью монарха конституции обозначали собой прогресс в сторону демократизации общественного строя. Но, закрепляя новые конституционные формы государства (конституционную монархию или республику), все буржуазные конституции тщательно маскируют как свою действительную классовую сущность, так и создаваемые на ее основе органы государственного управления. Буржуазия тщательно маскирует все противоречия современного капиталистического общества, и поэтому она выдает конституцию за акт «национального суверенитета», а правительство, созданное на основе конституции, — как действующее от имени «нации», «народа», как выразителя воли «народного суверенитета». Между тем, как указывал Ленин, «сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»¹.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XIV, стр. 18.

Характерным для всех буржуазных конституций является то обстоятельство, что, стремясь всемерно затушевать классовые противоречия общества и стоять на страже интересов лишь господствующего класса, они всегда полны внутренних противоречий. Маркс в «18 брюмера» метко отмечает, что «каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную «верхнюю и нижнюю палаты»: свободы в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке».

Это было принципом буржуазии с первых же моментов ее победы.

Самыми показательными в этом отношении являются французские конституции начиная с конца XVIII века, так как они в значительной степени послужили примером для конституции других стран. Сравнительно частая смена французских конституций еще более рельефно подчеркивает кривую классовой борьбы, а вместе с тем и классовых отношений. Через все конституции как характерный признак этой классовой борьбы резкой чертой проходит обман, который при всех, часто менявшихся формах государственного управления господствующий класс применял, чтобы отстранить народные массы от влияния на законодательство и на государственный аппарат.

1

Первая французская конституция возникла в итоге первого этапа французской буржуазной революции XVIII века, развивавшейся, как известно, по «восходящей линии».

На этом этапе к господству при помощи народных масс пришла буржуазия, стоявшая на позициях конституционной монархии. Созданная ею 3 сентября 1791 года конституция в предшествующей ей «Декларации прав человека и гражданина» от 1789 года заявляла:

«§ 3. Принцип всякой верховной власти принадлежит нации».

«§ 6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане вправе лично или через своих представителей участвовать в составлении законов».

Но что представляли собой, по мнению творцов конституции, «нация», «всеобщая воля», видно из того, кто и как допускался к выборам в Законодательное собрание.

Прежде всего, граждане по цензу были разделены на активных и пассивных.

Активные, получавшие право участвовать в выборах, должны были иметь 25-летний возраст, постоянное жительство в общине, где они выбирают, и уплачивать налог, равный, по крайней мере, 3-дневной заработной плате. Классовая сущность этих цензов еще более раскрывается оговоркой, лишавшей избирательных прав «наемных слуг» («serviteurs à gages»), чем фактически от выборов отстранялась значительная часть рабочего класса.

Все лица, пользующиеся активным правом, составляли первичные собрания, которые, в свою очередь, выбирали выборщиков. Для последних ценз был еще более повышен. Так, в городах с населением более чем в 6 тысяч человек ценз устанавливался в размере дохода, равного 200-дневной заработной плате. В сельских местностях этот ценз понижался до дохода, равного 150-дневной заработной плате. Депутатом мог быть только активный гражданин, уплачивавший налог в размере не менее 10-дневного заработка. На выборах 1791 года из 25 миллионов населения Франции только 4 300 тысяч (т. е. около половины взрослого населения) получили права активных граждан. Женщины были лишены избирательных прав.

Классовый характер конституции еще более резко подчеркивается законами против рабочих, принятыми еще до утверждения конституции и оставшимися в силе и после ее утверждения. Буржуазия с первых моментов своей победы выступила против права рабочих на самооборону, против союзов рабочих для борьбы за повышение заработной платы и касс для оказания помощи нуждающимся. Когда рабочие массы, помогавшие буржуазии прийти к власти, с весны 1791 года провели ряд стачек, буржуазия приняла закон ле Шапелье (14 июня 1791 года), грозивший зачинщикам стачек штрафом не менее чем в 500 ливров,

лишением на год прав активных граждан и воспрещением права входа на первичные избирательные собрания. Рабочие союзы преследовались по мотивам того, что они якобы восстанавливают уничтоженные революцией условные цехи, что якобы противоречит «общим интересам нации».

В дальнейшем ходе революции 10 августа 1792 года король был низложен и 21 января 1793 года казнен на эшафоте. Под давлением масс Законодательное собрание 12 августа издает декрет о созыве Конвента.

Конвент 21—22 сентября 1792 года единогласно подтверждает уничтожение монархии во Франции. Конституция 3 сентября 1791 года считается уже несуществующей, но именно она имела большое влияние на конституционное творчество ряда европейских стран. Последующие буржуазные революции в других странах, отступавшие перед феодализмом и ни в какой мере не разрешавшие задачи буржуазной революции, свою беспомощность в составлении конституции проявляли приспособлением французской конституции 1791 года к своим условиям. Это относится к испанской конституции 1812 года (так называемой кадикской конституции), к норвежской конституции 1814 года, португальской — 1822 года, бельгийской — 1831 года. Другие страны тоже меньше всего старались следовать, конечно, второй французской конституции 1793 года — монтаньярской.

* * *

Монтаньяры были наиболее последовательными проводниками буржуазно-демократических идей. По своим социально-экономическим взглядам монтаньяры были партией мелкой буржуазии. Именно они выполнили социально-экономическую задачу революции, уничтожив до конца феодальные привилегии. Но, будучи партией мелкой буржуазии, они не затрагивали основу капиталистического общества — частную капиталистическую собственность. Ломая сопротивление феодальных кругов, Конвент выступал с репрессиями и против пролетарских и полупролетарских элементов, когда те выдвигали свои требования. Конвент

сохранял и осуществлял закон ле Шапелье против рабочих. Маркс отмечает, что «весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжали сохранять свою силу»¹. При всем этом монтаньяры, чтобы поднять массы на борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией, вынуждены были идти на крупные уступки массам, отстаивавшим интересы буржуазии, но как подчеркивал Маркс, «...не на буржуазный манер»². Они жертвовали землями аристократии и церкви и ограничивали хищнические аппетиты крупной спекулятивной буржуазии, для которой интересы революции были уже безразличны.

Под давлением революционного народа монтаньяры провели жесточайшую борьбу против жирондистов. Последние были связаны с той частью бывшего третьего сословия, которой революция дала возможность нажить состояния. Они были за последовательную диктатуру своего класса и в этом отношении безуспешно стремились найти поддержку и среди разбогатевших слоев крестьянства. Этим обуславливалась и их реакционная политика в Конвенте: они пытались спасти от казни изменника-короля; они были против ограничительных мероприятий монтаньяров, направленных против спекуляций, стояли за «свободную торговлю». Они ненавидели революционную массу Парижа, давившую на Конвент, и стремились поэтому восстать против Парижа всю остальную Францию, главным образом южные районы. Именно поэтому они выступали и с федералистскими проектами, стремясь ослабить влияние Парижа.

Народные массы платили жирондистам той же ненавистью, которую они испытывали от них по отношению к себе. Подталкиваемый народными массами, Конвент все больше становился выразителем интересов революционных слоев. «Конвент, — по выражению

Ленина, — был именно диктатурой низов, т.-е. самых низших слоев городской и сельской бедноты»³.

Это обстоятельство не могло не отразиться и на конституции, выработанной монтаньярами в противовес отвергнутому жирондистскому проекту конституции Кондорсе. Якобинская конституция была самой демократической конституцией Франции. Якобинская конституция отменила деление граждан на активных и пассивных, предоставила всеобщее, равное избирательное право всем гражданам, достигшим 21 года. Она провозглашала, что избирательным правом может пользоваться и иностранец.

Каждая группа первичных собраний, соответствующая населению в 39 тысяч человек, избирала депутата (ст. 23-я). Выборам подлежали также администраторы, судьи гражданских, уголовных и кассационных судов (ст. 9-я). Исполнительная власть составляет законодательным корпусом из списка кандидатов, выделенных избирательными собраниями каждого департамента. Таким образом организуется исполнительный совет, состоящий из 24 членов (ст. ст. 61, 62-я), половина которого обновляется в каждую легислатуру⁴ в последние месяцы сессии (ст. 63-я). Совет ответственен за неисполнение законов и декретов и за злоупотребления, против которых он не принял мер (ст. 71 — 73-я).

Законодательство подлежало факультативному референдуму. Каждому законопроекту предшествует доклад, обсуждение которого не может начаться раньше двух недель, в течение которых законопроект рассылается на места. Если в половине департаментов плюс один департамент десятая часть первичных собраний каждого департамента заявит протест против законопроекта, то законодательный корпус созывает все первичные собрания для его обсуждения. При отсутствии протестов закон вступает в силу (ст. 58—59-я).

Конституция эта не была введена в жизнь в связи с разгоревшейся борьбой с внутренней и внешней контрре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 234.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 54.

³ Ленин. Собр. соч. Т. IX, стр. 217.

⁴ Срок истечения полномочий Законодательного собрания.

волюцией¹. К тому же господство монтаньяров было непродолжительным (с 3 июня 1793 до 2 июля 1794 года). Обрушиваясь против представителей революционных низов (против «бешеных», гебертистов), они тем самым теряли достаточную опору, а это привело к тому, что сами монтаньяры пали под ударом крупной спекулянтской буржуазии, которая стремилась скорее покончить с демократической революцией и мирно поладить с аристократией. 9 термидора (23 июля 1794 года), свергнув Робеспьера и отправив его на эшафот, спекулянтская буржуазия празднует свою победу.

* * *

Третья французская конституция, 5 Фруктидора III года (22 августа 1795 года), выражала власть цензовой буржуазии, представленной Директорией. «Только при правительстве директори и стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь буржуазного общества. Горячка коммерческих предприятий, страсть к обогащению, опьянение новой буржуазной жизнью, где на первых шагах наслаждение принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и одурманивающий облик»². Новый режим представляет собой диктатуру нажившихся во время революции и войны спекулянтов, представителей крупного капитала и крепкого кулачества против низов народа.

Конституция III года впервые ввела двухпалатную систему парламентаризма (Совет 500 и Совет старейшин), которая, за вычетом кратковременного существования второй французской республики, 1848 года, навсегда осталась во Франции. Эта конституция вместе с тем знаменует разрыв буржуазии с «эгалитарными» декларациями первых конституций 1791 и 1793 годов. Буржуазия в конституции III года вычеркивает пункт «Декларации прав» о том, что «люди рождаются и остаются

равными» и оставляет «равенство» всех перед законом. Если раньше закон являлся выражением «общей воли», то сейчас буржуазия записывает, что «закон есть общая воля, выраженная большинством граждан или их представителями».

Классовая сущность этого «большинства граждан» определялась уничтожением всеобщего избирательного права и введением высоких цензов, отстранявших от влияния на политическую жизнь широкие народные массы. Буржуазия еще крепче подчеркивает в конституции III года, что общественный порядок покоится на поддержании частной собственности.

Естественно, что эта конституция была враждебно встречена народными массами, на которые особенно тяжело обрушивался террор нового режима. Выразителями растущего недовольства низов были бабувисты. Бабеф, вождь «Заговора равных», считал, что дело не в писанной конституции, а в учреждениях, которые способны осуществить равенство. Противопоставляя диктатуре крупной буржуазии диктатуру народных масс, Бабеф вместе с тем противопоставлял якобинскую конституцию 1793 года контрреволюционной конституции 1795 года, исходя из того, «что террор против народа и влияние эмигрантов руководили составлением и мнимым утверждением конституции 1795 года, не имевшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 года, потому что конституция 1793 года санкционировала неотъемлемое право всякого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, иметь право собраний, требовать того, что он считает полезным, и не умирать с голоду; эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 года»³.

Крупная буржуазия, освобожденная от власти диктатуры монтаньяров, консолидировала свою власть жестоким террором против народных масс.

* * *

Четвертая конституция, 22 фримера VIII года (13 декабря 1799 года), вы-

¹ Закон 10 октября 1793 года отложил введение конституции до наступления мира.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 151.

³ Буонаротти «Гракх Бабеф и заговор равных», стр. 235. 1923.

ражает собой режим, установившийся после 18 брюмера (9 ноября 1799 года) дня свержения Директории генералом Наполеоном Бонапартом. Во Франции твердо устанавливается диктатура крупного капитала. Революция провозглашается «законченной», хотя фактически она кончилась уже 9 термидора. Конституция VIII года хороши демократические принципы первых конституций. Сийес провозглашает, что основной принцип конституции — «установление доверия снизу и авторитета сверху». Народ должен только слушаться и доверять.

Пролетариат был разоружен. Разбитый, голодный, придавленный террором, он был предоставлен неустойчивой капиталистической эксплуатации. Вплоть до июльских дней 1830 года он молчал, не напоминая о себе, несет ярмо.

Конституцией VIII года устанавливается неограниченная власть первого консула — Наполеона, сосредоточившего в своих руках верховную власть. Консулы назначаются пожизненно. Второй и третий консулы назначаются сенатом по представлению первого консула. Первый консул может указать своего преемника, который должен замещать его после смерти. Тем самым впервые после Людовика XVI вновь вводятся монархические принципы, олицетворенные властью первого консула. Последний назначает также мэров и их помощников в муниципалитетах, президентов избирательных коллегий каждой сессии и т. д. «Народное представительство» формально еще допускается, но в вычурном виде. Инициатива закона принадлежит правительству, т. е. первому консулу. Лишь правительство дает распоряжение Государственному совету о разработке законопроекта. Последний после его разработки поступает на обсуждение Трибуната, состоящего из 100 членов. Окончательное принятие происходит в Законодательном собрании, в которое входят 300 человек и где заслушиваются мнения членов Государственного совета и Трибуната. Но если закон даже уже принят, его действие может быть приостановлено сенатом.

Классовая сущность этих учрежде-

ний характеризуется уже тем, что народ фактически отстранен от выборов Законодательного собрания: гражданам разрешается лишь составлять списки лиц, «достойных доверия», по округам и департаментам. Из этих списков, строго профильтрованных, сенат избирает консулов, членов Трибуната, членов законодательного корпуса и членов кассационного суда. Этот метод «выборов» отчасти практикуется сейчас итальянским и германским фашизмом, руководящие органы которого «отбирают» депутатов. Он дополнен сейчас лишь тем, что по заранее заготовленным спискам назначенцев инсценируется «народное голосование».

В конституции VIII года уже больше не фигурирует «Декларация прав человека и гражданина». Зато статья 46-я специально уполномочивает правительство на арест лиц, заподозренных в каком-либо заговоре. Статья 92-я предусматривает на случай вооруженного восстания приостановку действия конституции.

В 1804 году Наполеон отбрасывает и эту «конституцию». Статья первая сенатусконсульта 28 Флореаля XII года (18 мая 1804 года) заявляет, что «правительство республики доверено императору, который принимает титул императора французов». Уничтожается важнейшее политическое завоевание французской революции — республика. Устанавливается принцип наследственности монархии. Консолидация классовых интересов буржуазии получила выражение в Кодексе Наполеона, в котором новые капиталистические отношения в экономике переведены на язык правовых норм — законов. Собственность и вытекающие из нее права возводятся в непреложные законы.

Провозглашается, что «собственность есть абсолютное право располагать и владеть предметами, если только это не используется в целях, запрещенных законами и правилами». Не надо было больше напоминать, что «все люди рождаются равными». Законодатель признавал каждого «юридическим лицом».

Наполеон был выражением «порядка». Он удовлетворял и сельскую бур-

жуазию, недавно осевшую на землю и желавшую как можно шире использовать плоды своих достижений. Но среди всех классов наиболее удовлетворенной считала себя крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия. Она стремилась широко использовать новые, открывшиеся для нее рынки в связи с наполеоновскими завоеваниями, она угрожала уже Англии (континентальная блокада), совершенствовала технику расширением машинного производства. Крупной буржуазии уже не казались опасными амнистия эмигрантам, провозглашенная Наполеоном, его примирение с католической церковью и подачки, которые кидались последней в виде земельных площадей. Создание новой аристократии лишь укрепляло продвижение новой монархии по пути превращения ее в буржуазную.

Наполеоновская власть крепко стояла на защите интересов буржуазии в подавлении пролетариата. Заработная плата рабочих, особенно в связи с расширением машинного производства, понижалась. Протест рабочих вызывал репрессии. Закон выступал против каких-либо форм классовых организаций пролетариата: против стачек и т. д.,—приравнивая это к уголовным преступлениям.

* * *

Неограниченная власть монархии, сочетавшаяся с мнимым конституционализмом, получила свое дальнейшее развитие после низложения Наполеона.

«Священный союз», утверждавший реакцию во всей Европе, требовал искоренения демократических принципов в самой Франции. Сенатская конституция от 6 апреля 1814 года, подготовлявшая реставрацию Бурбонов, в 2-й статье заявляет, что «французский народ добровольно призывает на трон Франции Луи-Станислава Ксавье... брата последнего короля», что «король, сенат и законодательный корпус сотрудничают в создании законов» (ст. 5-я), что «конституция будет передана на утверждение французского народа в том порядке, который будет установлен. Луи-Станислав Ксавье будет провозглашен королем французов, как

только он присягнет и подпишет акт, гласящий: «Я принимаю конституцию, я клянусь ее соблюдать и заставить соблюдать ее и других» (ст. 29-я).

Последнее остается только на бумаге. Реставрация 1814 года вновь устанавливает политическую власть крупной землевладельческой знати. Но эта власть на новом историческом этапе не может игнорировать и экономические интересы крупной буржуазии: высокий избирательный ценз включает последнюю в «представительные органы». Конституция Людовика XVIII (4 июня 1814 года) не считается ни с каким народом. Она уже даже не называется больше конституцией, а хартией, жалованной королем народу. По этой хартии, выражающей интересы крупных земельных собственников, только королю «божьей милостью» принадлежит право предлагать законы (ст. 16-я). Ему же принадлежит право издавать указы (ст. 14-я), приравненные к законам. Палаты имеют право лишь ходатайствовать (supplier) об издании закона (ст. 19-я), и то, предварительно обсудив проект в секретной обстановке (ст. 20-я). Без согласия короля палаты не имеют права вносить какие-либо дополнения в законопроект (ст. 46-я). Всякая собственность неприкосновенна (ст. 9-я).

Полная реставрация старых земельных отношений была уже невозможна: это вызвало бы сопротивление и со стороны сельской буржуазии, не говоря уже о более широких слоях крестьянства. Монархия считает поэтому своей обязанностью восстановить «справедливость» и возмещает впоследствии за государственный счет убытки бывших крупных землевладельцев-контрреволюционеров в связи с отнятием у них во время революции земель (апрель 1825 года), а также дает им посты в государственном аппарате. Согласно избирательным законам конституции 1814 года, активным избирательным правом пользуются лица, достигшие 30 лет и уплачивающие налог не меньше 300 франков в год. Пассивным правом—лица, достигшие 40 лет и уплачивающие налог 1000 франков в год. Новая конституция почти совсем отстраняет народ от выборов. Что же удивительного, что конституция 1814

года становится предметом подражания со стороны монархий других стран, вынужденных создать хотя бы видимость «конституции»? По хартии 1814 года, выкраивались конституции германских монархий: вюртембергская конституция 1817 и 1819 годов, баварская—1818 года, баденская—1820 года, гессенская—1820 года и др. Отражения хартии 1814 года сказываются в испанской конституции 1837 года, португальской — 1838 года, неаполитанской—1848 года, римской — 1848 года, голландской—1848 года, греческой—1844 года, прусской—1851 года, румынской—1866 года, в конституционном законе Австрии 1867 года и в российских основных законах 1906 года.

Карл X, сменивший в 1824 году Людовика XVIII, на практике еще более усугубил реакционность хартии, сделав своим орудием главным образом статью 14-ю, согласно которой «король является верховным главой государства, распоряжается морскими и сухопутными военными силами... назначает всех чиновников и скрепляет все регламенты и ордонансы, необходимые для приведения в исполнение законов и безопасности государства».

Основываясь на этом, Карл X разгонял и те призрачные «народные представительства», которые создавались на основе хартии, и 26 июля 1830 года издал свои ордонансы, которые еще более ограничивали избирательное право земельным цензом, еще более ограничивали печать и т. д. Результатом была июльская революция, в которой буржуазия, опираясь на народные массы, главным образом на рабочих и ремесленников, еще раз взяла верх над дворянством.

2

В 1830 году пролетариат и городские слои мелкой буржуазии на своих плечах выносят революцию против ненавистного гнета Бурбонов, восстановленных европейской и отечественной контрреволюцией. Но власть от крупных поземельных собственников переходит к капиталистам, которые сажают на престол короля из орлеанистской линии — Людовика-Филиппа — и создают конституцию новой цензовой

монархии, которая, по характеристике Маркса, «...была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240000 избирателей и их присными. Луи-Филипп был директором этой компании»¹. Основная «реформа» заключается в том, что законодательство не рассматривается больше как односторонний акт короля, а как соглашение с плутократическим парламентом.

Дальнейшие изменения характерны лишь тем, что активным избирательным правом могли пользоваться лица, достигшие 25-летнего возраста и уплачивавшие налог в 200 франков вместо 300 при Людовике XVIII. Пассивным избирательным правом пользовались лица, достигшие 30-летнего возраста и уплачивавшие налог в 500 франков (вместо 1000 франков). По этим цензам, вместо 5 с половиной миллионов взрослых мужчин избирательным правом пользовались лишь 240 тысяч.

Рабочие обмануты. Попытка восстания рабочих в Лионе в 1831 году жестоко подавляется и сопровождается высылкой из Лиона около 10 тысяч рабочих. Правительство жестоко подавляет и второе лионское восстание — 1834 года, вспыхнувшее как протест против покушений правительства на рабочие общества взаимопомощи. Рабочие требуют республики, которая в их представлении связывается с иллюзиями о возможности улучшения их положения.

Недовольна и промышленная буржуазия, стремящаяся к тому, чтобы направить внимание государственной власти к своим нуждам. Она не против высоких избирательных цензов. Она требует, чтобы государство было «нейтральным», т. е. охраняло бы свободу ее интересов, а не только аристократии и крупной финансовой олигархии. Она защитница либерализма, терпимости (но не к рабочему движению), космополитичности, исходя из свободы торговли. Она позабыла катехизис «естественных прав» предыдущих деклараций, запомнив лишь 1123-й закон Наполеоновского кодекса, по ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 6.

тому «каждый может заключать договоры, если он только не признан неправомочным по закону»¹. Она тоже признает обязанности, вытекающие из «национальной общности». Она снисходит к «меньшему брату» — пролетариату, чтобы отвлечь его от разных утопистских и реформистских социальных проектов, от идей классовой борьбы. Она согласна на социальное законодательство, но с тем, чтобы оно оставалось на бумаге в виде лишь декларации.

Революционные настроения рабочих питались расширением машинной индустрии, увеличивавшей безработицу, нужду и снижавшей заработную плату занятых в промышленности рабочих. Это способствовало возникновению тайных революционных обществ, в которые вовлекались рабочие. Но это были лишь революционные объединения со смутной социалистической окраской.

* * *

В феврале 1848 года пролетариат Парижа на своих плечах снова выносит победу революции. Буржуазия, возглавившая правительство, еще колеблется объявить республику. Рабочие настаивают на республике и предъявляют свой счет буржуазии. Они требуют лишь права не быть голодными, «права на труд». Поскольку сила на стороне пролетариата, буржуазия уступает, она ограничивается декретом, идет на организацию «национальных мастерских», делая в то же время все возможное, чтобы их дискредитировать. Борьба за политическую власть выдвигается как основная задача. Но у пролетариата не было партии для организации борьбы за это и объединения рабочих сознанием всей важности этой задачи. Вожди рабочих Луи Блан и Альбер, находящиеся в правительстве, торгуются с буржуазией, но в то же время употребляют все усилия, чтобы удержать рабочих от более решительных действий, которые могли бы поколебать существующий строй. Луи Блан и его сторонники

могли сколько угодно называть республику «социальной», но ее буржуазный характер от этого не изменился. Рабочие, свергнув биржевиков, царствовавших при Луи-Филиппе, отдали республику во власть всей буржуазии. В то время как Луи Блан разрабатывал проект практических реформ с целью обеспечения «права на труд» на базе капиталистических отношений, буржуазия деятельно мобилизовала свои силы, готовилась к отпору. Мобилизуя свои силы, буржуазия стремилась опереться на крестьянство и на другие мелкобуржуазные слои, доказывая им, что на них лягут тяжести по удовлетворению требований рабочих, в частности тяжести по содержанию «национальных мастерских». Она подтверждала это и своей финансовой политикой, тяжело ложившейся на плечи крестьянства. Городская буржуазия спешила с созывом Учредительного собрания, уверенная, что сельская буржуазия будет с ней, что через нее удастся опереться и на широкие крестьянские массы. Против такой спешки с созывом Учредительного собрания выступали рабочие. Именно поэтому буржуазия особенно торопилась вступить в свои полные права «на законном основании».

Созвав Учредительное собрание, буржуазия удалила представителей рабочих из правительства и закрыла «национальные мастерские». Повторяя лионский опыт, она попыталась «очистить» Париж от рабочих путем массовых высылки. Пролетариат восстал.

«Это,—пишет Маркс,—была первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано. Известно, с каким беспримерным мужеством и с какой гениальностью рабочие, без предводителей, без общего плана действий, без средств и большей частью без оружия, целых пять дней держались против армии, мобилей, парижской национальной гвардии и прибывших из провинции национальных гвардейцев»².

¹ Неправомочными признаются несовершеннолетние, осужденные и замужние женщины в случаях, предусмотренных законом (ст. 1124-я Кодекса Наполеона).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 23—24.

Три дня (24, 25, 28 июня) шла героическая борьба на баррикадах. Генерал Кавеньяк, усмирявший восстание, залил улицы Парижа рабочей кровью. На этот раз господство буржуазии утвердилось не борьбой против монархии, а в результате подавления пролетариата. Уже 27 июня был издан приказ о высылке арестованных рабочих в колонии, уничтожены были завоевания февральской революции, в частности свобода слова, печати и союзов.

Разгромив пролетариат, буржуазия создала свою конституцию (4 ноября 1848 года), в которой она лицемерно записала, что:

«Свобода, равенство и братство—ее (конституции) принципы. Семья, труд, собственность, общественный порядок—ее основы» (п. 4).

Рабочему формально предоставлялась «свобода», но на деле его обязывали слепо подчиняться капиталистическому произволу или умереть с голоду. Это была свобода капиталистического порабощения, исключавшая какое-либо равенство.

Рабочему возвещалось «равенство» перед законом (в который раз!), охраняющим капиталистическую собственность. «Равенство» это отрицало всякую свободу.

Рабочему, истекавшему кровью в июньской бойне, возвещалось «братство»—«братство» эксплуататоров и эксплуатируемых. «Братство людей»—эта старая христианская идея была перелицована на новый лад, являясь братством торгашей, продающих всякую свободу и равенство и являющихся врагами свободы.

Буржуазия, упоенная победой, увлечена была вновь открывающимися перспективами наживы. Из страха перед пролетариатом она стремилась сделать свой государственный аппарат все более консервативным. Уже закон 31 мая 1850 года фактически упраздняет провозглашенное раньше всеобщее избирательное право. Ценз оседлости поднимается с 6 месяцев до 3 лет. Пролетариат, тысячами высланный из Парижа, фактически был лишен избирательных прав. Общее количество официально зарегистрированных избирателей понижается с

9600 тысяч до 6800 тысяч. Республика доживает свои дни. Скоро (2 декабря 1851 года) буржуазия сменила ее на империю «маленького Наполеона».

* * *

В революцию 1848 года пролетариат, как и в предыдущих революциях, был движущей силой, хотя спор шел между различными частями господствующих классов. В этой революции пролетариат выступал с уверенностью в удовлетворении его насущных потребностей и прав, в частности права на труд. «Социальная республика», которой он доверился, узурпировала его права, обескровила его в июньской бойне и экономически еще более закрепила его. Обессиленный, он не мог уже воспрепятствовать авантюристу Луи Бонапарту овладеть 2 декабря 1851 года верховной властью.

Луи Бонапарт должен был объединить расшатанные силы господствующих классов, которым безразличны были формы правления, лишь бы не быть тревожимыми низами народа и получить возможность занять достойное место в начинавшемся спекулятивном ажиотаже и в мировой капиталистической наживе. Луи Бонапарт был поддержан и крестьянством, которое не доверяло республике, возглавлявшейся капиталистами, грабившими деревню, облагавшими ее тяжелыми налогами. В Луи Бонапарте крестьянство видело восстановление традиций Наполеона, который оберегал революционные завоевания крестьянства и вместе с тем олицетворял «порядок». В плебисците 21 декабря 1851 года, проведенном в условиях жестокого террора, крестьянство поддержало Луи Бонапарта (собравшего 7,4 миллиона голосов), явившегося вдохновителем и новой конституции, опубликованной 15 января 1852 года.

Успешно организованный плебисцит был истолкован как «предоставление» Луи Бонапарту мандата от народа. Тем самым он себя выдавал за представителя «демократии», но только для того, чтобы свести нанет демократические принципы. Формально, по конституции, восстанавливается всеобщее избирательное право, отмененное 30 мая 1850 года, но фактическое пользование этим правом ограничено

безудержным террором в отношении оппозиции, в частности рабочих. Верховная власть сосредоточена в руках президента, который назначает ответственных перед ним членов правительства. Законодательный корпус, по новой конституции, может согласиться или отвергнуть представленный ему закон. Но сам он не имеет законодательной инициативы. Этим преследовалась цель покончить с представлением депутатами «несерьезных и малопродуманных законопроектов». Само количество депутатов было уменьшено до 260 человек. Сношение между законодательной и исполнительной властью устанавливалось не через министров, а через представителей Государственного совета. Этим преследовалась цель уничтожить всякие запросы правительству. Вдобавок сенат мог отменить любой закон, принятый палатой.

Подражая Наполеону I, Луи Бонапарт уже через 10 месяцев после опубликования конституции (7 ноября 1852 года) провозгласил себя императором. Ничто не мешало больше укреплению реакции. Полный произвол бонапартистских ставленников исключал возможность какой-либо легальной борьбы вокруг выборов. Рабочие после июньской бойни подвергались дальнейшим репрессиям, были окончательно обессилены, ограблены и не могли помешать авантюристу овладеть властью.

«Что можно было забрать у рабочих накануне 2 декабря? — спрашивает Энгельс. — Избирательное право? — Они были лишены его избирательным законом в мае 1850 года. Право собраний? — Оно давно было ограничено «надежными» и «благонамеренными» общественными классами. Свобода печати? — Подлинная пролетарская печать была утоплена в крови восставших в великом июньском бою, и тень ее, пережившая ее на время, давно исчезла под давлением запретительных законов... Их оружие? — Были использованы все предлоги, чтобы обеспечить исключение из Национальной гвардии всех рабочих и ограничить право на ношение оружия более состоятельными классами общества»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 420.

* * *

Так это длится до 1863 года, когда в результате торгово-промышленного подъема и строительной горячки вновь оживилось движение среди рабочих. В 1863 году впервые выставляется на выборах в законодательный корпус рабочий-печатник Блан. В 1864 году группа шестидесяти, во главе с Толеном, Камелина и другими выступила с манифестом об участии на дополнительных выборах. В 1865 году в Париже организуются секции Интернационала.

Наполеон III пытается заигрывать с рабочими. С 1864 — 1867 год издаются отдельные законы, вводящие ограниченное право коалиций, собраний. Ставленники Наполеона организуют люмпенпролетариат. Под покровительством принца Наполеона организуются группы для пропаганды бонапартизма. Но все это терпит крах из-за все повышающейся активности рабочих, которые, вступив в соглашение с представителями буржуазных республиканцев, усиливают оппозицию. Еще на выборах 1867 года оппозиция получила 670 тысяч голосов и 5 депутатских мест. На выборах 1863 года количество голосов оппозиции возросло до 1984 тысяч, причем депутатов прошло 36 человек. На выборах же 1869 года оппозиция уже имела 3335 тысяч голосов (правительство — 4380 тысяч голосов) и 90 депутатских мест.

Наполеон III пытался пойти на «реформы». В 1860 году парламенту предоставляется право составлять адрес на тронную речь императора с изложением своих пожеланий. В 1867 году парламенту предоставляется право интерпелляций (запросов). Наконец, незадолго до падения режима, 21 мая 1870 года, Наполеон III провозглашает реформу конституции.

Основы бонапартизма остаются в силе. Опубликованный сенатусконсульт, играя на «демократических» принципах, провозглашает, что «император ответственен перед французским народом, к которому он может в любой момент апеллировать» (п. 13). В действительности этим прикрывается право на диктатуру, на государственный переворот от «имени народа», к которому можно прибегнуть в

случае усиления оппозиции. И уже в свете этого пустой фрезеологией звучит, что палате предоставляется право законодательной инициативы, вводится ответственное министерство и т. д. Это была последняя «демократическая» игра «маленького Наполеона».

3

4 сентября 1870 года, после седанского поражения, Наполеон III был низложен. Буржуазия ставит у власти «Правительство национальной обороны». Зная, что народные массы не доверяют правительству, и желая предупредить революцию, правительство ищет сделки с Бисмарком.

18 марта 1871 года оно попыталось разоружить народ, Национальную гвардию. Париж снова восстал. Он провозгласил власть Парижской коммуны. Умудренные опытом февральской революции 1848 года, народные массы претворяют прежний лозунг «социальная республика» в действительность, создавая собственное государственное управление.

«Идет великая борьба между правительством и трудом, между эксплуатацией и производством», заявлял в своем воззвании центральный комитет Национальной гвардии 5 апреля 1871 года.

Парижская коммуна публикует свою конституцию. В отличие от предыдущих, в том числе и эпохи первой революции, конституция эта не прокламирует права «вообще», а программу, которая должна быть осуществлена в борьбе.

Парижская коммуна провозглашает принципы демократического управления.

«Голосование коммунального бюджета, доходов и расходов; определение общей суммы налогов и его распределение; управление местными общественными службами; организация своего суда, внутренней полиции и народного образования; управление принадлежащими Коммуне имуществами.

Избрание или назначение по конкурсу судебных и всяких других лиц Коммуны на условиях личной ответственности под постоянным контролем Коммуны и с правом их отозвания.

Абсолютная гарантия личной свободы, свободы совести и свободы труда.

Постоянное участие граждан в делах Коммуны путем свободного выявления ими своих мнений и свободного отстаивания своих интересов, гарантии этих прав со стороны Коммуны, на которой одной лежит обязанность наблюдать и обеспечивать свободное и правильное использование права собраний и свободы слова.

Организация городской обороны и Национальной гвардии, избирающей начальников, имеющей исключительное право следить за порядком в городе.

... Это конец старого правительственного и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими несчастьями и страданиями»¹.

В осуществление этой программы Коммуна провела демократические выборы (28 марта 1871 года) в Коммуну в форме всеобщей подачи голосов. Она сломала старый государственный аппарат власти и классового насилия. Она уничтожила старую регулярную армию, уничтожила ненавистную полицию и жандармерию и вооружила народ, который непосредственно нес службу по обороне и охране революционного порядка. Она провела выборность и сменяемость чиновников и судей, уничтожила привилегии и высокие оклады чиновников. Тем самым Коммуна впервые в истории создала действительно демократический аппарат управления, отличавшийся от всех предыдущих тем, что он не стоял над народом, а являлся его исполнительным органом, был ответственен перед ним и мог быть отозван и смнен.

Коммуна порвала с прежним духовным гнетом: она провозгласила отделение церкви от государства; порвала со всеми националистскими предрассудками, предоставив гражданские права иностранцам и выступив против шовинизма, проповедывавшегося господствующими классами. Коммуна провозгласила обязательность и бесплатность образования. Ее мероприя-

¹ Протоколы Парижской коммуны, 1871 год, стр. 374 — 375. Партиздат. 1933.

тия были направлены к тому, чтобы сделать науку, искусство и все отрасли культуры достоянием всего народа.

Все социально-экономическое законодательство, ограниченное условиями военного времени и изолированностью Парижа, шло в интересах народа, его трудящихся классов. Оно показывает направление в сторону социалистического преобразования общества, о чем свидетельствует закон о взятии на учет промышленных предприятий, оставленных хозяевами, и передаче их рабочим товариществам для дальнейшей эксплуатации. Об этом свидетельствует ряд мероприятий, направленных к улучшению жизненных условий рабочих, мелких производителей и мелких торговцев за счет буржуазии. Вся политика Коммуны, направленная к охране интересов угнетенных классов, в конечном счете вела к устранению классового гнета вообще.

Ее ошибки в области военной, а вместе с тем и классовой стратегии, давшие возможность Версалию собрать силы и подготовиться к борьбе, ее колебания в овладении такими командными высотами, как французский банк и т. д., стали уроками для пролетариата в его дальнейшей борьбе. Под проникновенным анализом Маркса — Энгельса, а затем и Ленина и Сталина опыт Коммуны стал отправной точкой для выработки стратегии рабочего класса в борьбе за овладение властью и за сохранение этой власти в интересах строительства социализма.

«Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»¹.

* * *

На костях мучеников Коммуны восторжествовавшая буржуазия создавала свою новую конституцию. В течение 4 лет форма государства считалась

¹ Карл Маркс «Гражданская война во Франции», стр. 62. Партиздат. 1935.

неопределенной. Хозяевами положения были Тьер (до 1873 года), затем маршал Мак-Магон, оба отличившиеся в подавлении Коммуны, оба ярые враги пролетариата. За это время шел торг с легитимистами и орлеанистами, которые должны были поставить «венценосца». Учитывая, однако, настроение в стране, Национальное собрание большинством лишь одного голоса решило в пользу республики. Это была республика без республиканцев у власти. Даже предложение о республике возникло лишь как поправка к закону «об организации государственной власти». Автор этой поправки, Анри де Валлон, сам был членом «партии порядка» в Законодательном собрании 1849 года. В Национальном собрании 1871 года он был членом правого центра, стоявшего за конституционную монархию.

В конституции 1875 года нет ни декларации прав, ни декларации свобод. Она состоит из трех законов, обнимающих 33 статьи: 1) Закон об организации государственных властей 25 февраля 1875 года (8 статей). 2) Закон об организации сената 24 февраля 1875 года (11 статей). 3) Закон об отношениях государственных властей 18 июля 1875 года (14 статей). В связи с поправками 1884 года, касающихся сената, количество статей уменьшилось до 27.

Цинизм, с которым господствующие классы учреждали республику, сказался в выступлении на заседании Национального собрания 1 февраля 1875 года Лепера, заявившего при молчаливом одобрении всего собрания:

«Мы создали ряд конституционных мероприятий без того, чтобы провозглашать принципы и формулировать философские декларации. Наши принципы известны. Это принципы 1789 года, которые все правительства, сменявшие друг друга, признавали, в том числе и те, которые их нарушали самым скандальным образом».

Бонапартизм и нарушение конституции признавались законными. Президент III республики маршал Мак-Магон должен был олицетворять республиканизм так же, как его олицетворял президент Луи Наполеон во II республике до 2 декабря 1851 года.

Считалось, что Мак-Магон временно занимает место, принадлежащее королю. Лишь под давлением народных масс республика была сохранена и Мак-Магон 30 января 1879 года вынужден был уйти в отставку. Только после этого политика монархической реакции немного смягчилась и III республику стали обряжать демократическими законами, гарантирующими отдельные права граждан. 11 июля 1880 года была объявлена амнистия коммунарам, 29 июля 1881 года издан закон о свободе прессы, 30 июля 1881 года объявлено о свободе собраний, 23 марта 1884 года в ограниченных формах вводится свобода союзов (которая расширяется лишь законом 13 июля 1901 года).

Конституция 1875 года должна была обеспечить реакционный характер органов государственного управления. В 1848 году конституция II республики создавала одну палату. В 1875 году конституция III республики создавала две палаты: палату депутатов и сенат, который фактически противоречил «суверенитету народа», который противоречил и принципу всеобщего избирательного права. Сенат должен был быть хранителем монархического начала в противовес палате депутатов, в которой республиканские течения могли взять верх.

Докладчик комиссии по вопросу о сенате откровенно говорил: «Миновало время для реформы избирательного права. У нас не остается никакой другой гарантии, как создание второй палаты. Мы хотим противопоставить революционной партии достаточно солидный барьер, чтобы она не могла легально овладеть властью».

По конституции 1875 года, 75 сенаторов из 300 выбирались палатой пожизненно¹. Для выборов в сенат установлены и повышенные возрастные цензы. Если для членов палаты депутатов возрастной ценз установлен в 25 лет, то для сенаторов возрастной ценз повышен до 40 лет. Причем члены сената выбираются не прямыми выборами, с тем чтобы отсеб был как можно более надежный. В начале

¹ Пожизненность сенаторов отменена в 1884 году.

представители муниципалитетов каждого департамента избирают выборщиков. Последние вместе с генеральными и окружными советниками и депутатами парламента избирают сенаторов. Избирательная механика построена таким образом, что в преимущественном положении находятся сельские, более консервативные районы. Привилегированное положение сената состоит еще в том, что президент республики по согласованию с сенатором может распустить палату депутатов, в то время как сенат не может быть распущен.

Что касается главы государства — президента, — то он избирается на 7 лет. Его полномочия должны были совпасть с полномочиями короля. При этом, в отличие от конституции даже 1848 года, президент избирался не народом, а обеими палатами.

Переходя к палате депутатов, необходимо отметить, что избирательное право предоставляется гражданам (кроме женщин), достигшим 21 года при жилищном цензе в 6 месяцев. При существующей сейчас мажоритарной системе буржуазные партии часто объединяются, особенно во втором туре, чтобы не дать возможность пройти рабочим депутатам. Так, в выборах 1932 года компартия получила 796 тысяч голосов, но депутатов могла провести только 12. Социалистическая партия, получившая лишь вдвое больше (около 1½ миллионов голосов), провела 100 депутатов, а ренегатская партия «пупистов», получившая всего 78 тысяч голосов (т. е. в 10 раз меньше компартии), смогла провести 11 депутатов. Все это возможно лишь благодаря существующей сейчас мажоритарной системе, при которой буржуазные партии во втором туре оказывают свою поддержку как «пупистам», так и социалистам против коммунистических кандидатов². Но эти существующие сейчас ограничения демократии не удовлетворяют уже реакцию, представители которой выдви-

² В выборах 1936 года партии народного фронта во втором туре, чтобы провалить реакционных кандидатов, поддерживали кандидатов договорившихся партий, получивших большинство голосов в первом туре.

гают ряд проектов изменения конституции с тем, чтобы придать ей еще более консервативный характер. Один из крупных реакционных деятелей — Тардые, бывший неоднократно министром, предлагает изменение конституции в сторону:

а) еще большего укрепления исполнительной власти путем лишения права парламента свергать правительство;

б) предоставления права правительству входить с представлениями к президенту о роспуске палаты без испрашивания согласия сената;

в) лишения депутатов права вносить законопроекты, связанные с государственным расходами.

По этой линии сведения нанет роли парламента и установления реакционной диктатуры исполнительной власти идут и разные другие фашистские проекты «реформы» конституции.

Единый пролетарский фронт во Франции, расширенный до народного антифашистского фронта, является сейчас не только барьером против нарастающего фашизма, против всяких стремлений реакции ограничить демократию, но и базой для борьбы за расширение демократии в интересах подавляющего большинства народа, его трудящихся классов.

* * *

В свете всего изложенного особенно знаменательным и показательным

является расширение демократии в стране победившего социализма — в СССР, выражением чего является и проект новой сталинской Конституции. Если французские конституции являлись образцами, по которым побеждавшая буржуазия других стран создавала свои конституции, то советская конституция показывает международному пролетариату и трудящимся всего мира пример того, как диктатура пролетариата организует трудящееся человечество на социалистических началах, на началах пролетарского интернационализма. Ленин по поводу еще первой конституции 1918 года отмечал, что ее характерное отличие заключается в том, что она «...имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западно-европейская» и американская конституция буржуазно - «демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т.-е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.»¹.

Сталинский проект Конституции — программа борьбы пролетариата и угнетенных трудящихся всего мира.

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 403.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

I

Австрия складывалась как централизованное государство в эпоху господства феодальных отношений, когда процесс образования наций на ее территории только лишь начинался. Поэтому Австрия создавалась как многонациональное государство, в котором господствующую роль играли наиболее развитые в экономическом и политическом отношении немцы; остальные, более слабые нации, были им подчинены. Вследствие этого Австрия, как и Россия, представляла собой «...первоначальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений»¹. Ленин пишет, что «...национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»². Эти слова можно легко иллюстрировать состоянием австрийской монархии до революции 1848 года, когда она являла собой пример отсталости, заскорузлости, патриархальщины и дикости, на фоне которых выделялись лишь отдельные промышленно-развитые, более цивилизованные районы. Наиболее развитыми, кроме немецких, были итальянские провинции — Ломбардия и Венеция. Сравнительно развита была и Венгрия. Здесь первые промышленные очаги возникли уже в 40-х годах, когда началось строительство, связанное с развитием сообщения по Дунаю: регулирование Тиссы,

строительство дорог, каналов, мостов. С этого времени начинает расти торговая и промышленная буржуазия, появляется рабочий класс. В остальных частях Австрии — в первую очередь в славянских областях — еще господствовали феодальные отношения, а в некоторых, наиболее отсталых сохранился и родовой уклад.

Самая австрийская промышленность долго сохраняла феодальные формы. Лишь прокладка железных дорог постепенно разрушала «гранитные стены, позволявшие каждой провинции сохранять свой особый национальный состав и вести замкнутую местную жизнь»³.

Свободное крестьянское землевладение и аренда существовали лишь в Истрии, Южном Тироле, Триесте, в винодельческих районах Нижней Австрии и в «Военной Границе»⁴. Крупное землевладение, основанное на барщине, господствовало в Богемии, Моравии, Силезии, Галлии. В Чехии, которая по сравнению с другими славянскими народами была более развита, все же из 9 миллионов югеров⁵ земли (даже по более поздним данным 1864 года) 3 миллиона принадлежало крупным землевладельцам, главным образом немцам. Такой помещик, как князь Шварценберг, владел всей юго-западной Чехией. В Моравии крупное землевладение занимало 1,4 миллиона югеров и 3,8 миллиона всей площади (данные 1857 года); крупнейшим феодалом здесь был князь Лихтенштейн. Сельское население распалось здесь на «панов», владеющих 41% всей земли, «седлаков», или средних крестьян, владеющих 35%, и «халупников», бедноту, которой принадлежали остальные 24% земли. Так например из 47 800 крестьян Пильзенского округа у 20 тысяч участок был менее 1/5 югера (данные Будиловича)⁶. В Силезии крупное землевладение охваты-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 254.

⁴ Пограничная полоса от Кульны до Адриатического моря вдоль Турецкой Славонии.

⁵ Югер равен примерно 3 га.

⁶ Славянский сборник. Т. I, стр. 260. СПб. 1875.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 65. Сборник статей и речей. Партиздат. 1934.

² Ленин. Т. XVII, стр. 431.

вало 449 тысяч югеров земли из 895 тысяч, т. е. свыше половины.

У целого ряда славянских народов общественные отношения были еще менее развиты. Так, у хорватов господствовала еще семейная община-задруга, а у словенцев, сербов и русинов сохранились даже родовая община, крупные семьи, натурально-хозяйственные отношения. Население было поголовно безграмотно и «опекалось» православными и католическими священниками.

Характеризуя состояние славянских народов во время революции 1848 года, Маркс писал: «...все эти народы находятся на самых различных ступенях цивилизации, начиная с весьма высоко развитой (благодаря немцам) современной промышленности и образованности Чехии и кончая почти номинальным варварством хорватов и болгар; поэтому в действительности все эти нации имеют самые противоположные интересы»¹. Что их, однако, уже тогда объединяло, — это общая ненависть против угнетателей.

Размеры налогового обложения национальных областей в 2—3 раза превосходили средние цифры обложения населения Австрии. В Моравии к 1848 году существовало 242 вида поборов с крестьян, в Крайне — 71 вид денежных и 52 вида натуральных повинностей, не считая сборов в пользу общины и податей государству. Адам Мицкевич называл австрийскую монархию «сообществом, действующим по образцу английской Остиндской торговой компании. Сотня семейств при помощи двух миллионов чиновников и солдат управляет всей страной — тридцатью четырьмя миллионами человек»².

2

Наиболее развитый из славянских народов — чехи — по уровню экономического развития значительно уступали венграм и политически лишены были даже той относительной автоно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 277.

² «Лекции о славянской литературе». 1842.

Моравия. Городские жители. Худ. листок Тимма. 1862 год.

мии, которая существовала у венгров в виде мадьярского сейма.

Чешское национальное движение началось борьбой буржуазии за возрождение языка. Найденная ученым Ганка в 1819 году в Кралевоудворе рукопись народных песен (оказавшаяся впоследствии подложной) была широко использована для патриотической пропаганды. В 30-х годах было организовано чешское национальное издательство.

В 1843 году возникло тайное радикальное общество ремесленников и интеллигенции «Рипиль», стремившееся к автономии Моравии, Богемии и Силезии. Выдвинутое чехами требование отделения чешских земель таможенной границей встретило энергичную поддержку также и немецкой буржуазии чешских областей, стремившейся создать наиболее благоприятные условия для промышленного развития области. В «Рипиль» наряду с чехами Гавличек и Кнедельганцом входили немцы — Беккель и Рупперт. В мае 1845 года депутация Богемии обратилась к имперской канцелярии с требованием объединения Моравии, Богемии и Силезии и предоставления им автономии, но не получила никакого ответа. Таким же безуспешным оказалось и обращение к союзному сейму. В связи с этим зрела вражда этих

наций к габсбургской монархии, приведшая затем к пражскому восстанию.

Что касается словаков, хорватов, словенцев, сербов, то эти народности ко времени революции 1848 года еще не достигли той ступени общественного развития, когда этнографическая общность становится национальной связью. Нации складываются, как мы знаем, лишь в эпоху поднимающегося капитализма. Здесь национальное движение выражалось лишь в том, что отдельные «образованные люди» пытались выступить от имени нации. Оно носило с самого начала искусственный характер и никаких следов не оставило.

С развитием мадьярской буржуазии рос и ее буржуазный национализм. В 40-х годах она начала добиваться равноправия с немцами и вместе с тем господствующего положения своей нации по отношению к более слабым нациям, главным образом к славянам.

В 1841 году граф Зей выдвинул план мадьяризации славян. Этот план был поддержан Кошутом в его газете «Пешти хирлап». Газета предлагала предписать учителям народных школ в течение одного года выучить детей молиться по-мадьярски, в течение 3 лет — читать, петь и говорить по-мадьярски. Газета «Хирнек» пошла еще дальше. «Пусть мадьяры попросят, — предлагала она, — позволения у его величества послать 60 тысяч мадьярского войска на постой в комитаты, в которых народ не говорит по-мадьярски. В 3 года омадьярится 60 тысяч домов — 300 тысяч душ. Затем перевести войска в другие комитаты, так, чтобы в 12 лет омадьярились миллион двести тысяч душ. Считая каждому солдату по 5 гульденов в год, мадьяризация обойдется всего в 3,6 миллиона гульденов»¹.

В ответ на эту кампанию кучка католических попов и хорватских «общественных деятелей» выдвинула лозунг воссоздания «иллирийского племени» (по имени искусственно созданной Наполеоном в 1809 году Ил-

лирийской провинции в составе Каринтии, Крайны, Истрии, Хорватии, Далмации и Дубровника, уничтоженной после его падения).

В их программе были выставлены требования признания хорватского языка государственным, учреждения особого наместничества для Хорватии, присоединения к ней Далмации, Боснии, Герцеговины и словенских земель. В 1836 году виднейший из числа участников «иллиризма», Людовиг Гай, выпустил «Иллирийскую газету», но, обеспокоенное великодержавными аппетитами хорват, австрийское правительство переименовало ее в «Хорватско-славяно-далматскую». Пользуясь своим излюбленным методом, оно разжигало национальную рознь и вражду между хорватами и мадьярами. В 1842 году хорватским баном (наместником) был назначен мадьяр Галлер. Указом короля Фердинанда воспрещалось употребление слова «Иллирия» (1843 год); в школах дозволялось вести преподавание только на латинском, немецком и мадьярском языках. Прессбургский ландтаг объявил в 1847 году мадьярский язык государственным для всего королевства, допустив употребление во внутреннем делопроизводстве Хорватии латинского, но не хорватского языка. Славонии был дан шестилетний срок, по истечении которого и там должен быть введен мадьярский язык.

Галицийские русины — полукрепостные крестьяне, подвластные польской шляхте, объект жесточайшей эксплуатации, — движимые ненавистью к помещикам, восстали в 1846 году и перебили около 800 шляхетских семей.

Раздираемая внутренними национальными и классовыми противоречиями, габсбургская монархия шла к распаду и гибели. Имущие классы различных имперских земель в слепой национальной вражде теряли последние остатки способности властвовать. Национальный гнет вызывал отпор в широких массах народа, а «...тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»². Придвор-

¹ Цит. по Пичу «История словаков», «Сборник исторических и статистических сведений о России», стр. 178. Т. I. Москва. 1845.

² Ленин. Т. XIX, стр. 222.

ная камарилья и правящие круги столицы ощущали приближение грозы. Пьеса Бауэрфельса «Совершеннолетний», в которой есть такое место: «Народы Австрии достигли совершеннолетия и устали от безответственной опеки, смиряющей протесты тюрьмой, крепостью и сумасшедшим домом», — была встречена шумными демонстрациями и приводила зрителей в возбуждение.

Но правительство имело в запасе одно чудесное средство: «Разделяй и властвуй!» Один из приближенных Меттерниха задавал на страницах венской газеты вопрос: в чем причина того, что внутренний мир в империи до сих пор не был нарушен? Ее следует искать, отвечает он, в «крайнем разнообразии и разнородности взглядов у отдельных национальностей, населяющих Австрию. Население, составленное из многих, враждебных между собой наций, никогда не будет единодушно. Подобно сильному наезднику, умеющему вовремя и натянуть и отпустить вожжи, монархическое правительство Австрии руководит волей ее народов»¹.

3

В 30-х годах в славянских провинциях Австрии возникло пресловутое панславистское движение, сыгравшее впоследствии столь гнусную роль в годы революции 1848—1849 годов.

Его первой формой были литературно-филологические изыскания. «Филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создании политической партии, очевидной целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю»². Филологи пытались создать из десяти имеющихся литературных языков и множества наречий один новый, живой славянский язык, общий для всех славянских народов.

Эпос и лирика воспевали идею един-

¹ Цитировано по М. Баху «История австрийской революции 1848 года», стр. 58. Гиз, 1923.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 391—392.

Силезия. Сельские жители. Худ. листок Тимма. 1862 год.

ства славян и могучей славянской империи. В «Славянском сборнике» (1875 год) напечатан был перевод любопытного произведения словацкого поэта Колара. Приведем небольшой отрывок из него: «О Славия! Далеко и широко раскинулась ты — от Урала до Татр, от Праги до Москвы, от Балты до Азова, от Петербурга до Константинополя, от Дубровника до Камчатки.

Если бы славянские ветви были золотом, серебром и другими металлами, я изо всех вылил бы одного истукана. Головой была бы Россия, плечами и руками чехи, туловищем поляки, ногами сербы... Перед этим истуканом, который ростом был бы ровень с облаками и шагами потрясал бы землю, должна была бы преклониться вся Европа!»

Итак, голова «истукана» обнаружена. Это Россия, царская Россия, тюрьма народов!

Она протягивала щупальцы к этому движению, прибирала его к рукам. вдохновляла его, оплачивала. В Петербурге был организован «Славянский благотворительный комитет». Полковники в штатском произносили горячие речи о «братьях-славянах». В речах этих неприкрыто звучали великодер-

жавные мотивы. «Между тем как русский народ (!) приобретает Амур, покоряет и просвещает Кавказ, славяне в Австрии принуждены агитировать в пользу своих наречий в почтамте, на вывесках, объявлениях публичных мест. Не предвидя для южных славян никакой возможности освободиться от духовной подчиненности итальянской, немецкой и мадьярской образованности, мы принуждены указать как на единственный исход из этого печального положения на необходимость для них принять русский язык органом науки, языком дипломатическим», — разливался один из членов славянского комитета.

В Словакию, Славонию, Сербию отправлялись русские священники, проникали негласные агенты, посылались «анонимными доброжелателями» книги, газеты, деньги («стипендии» для гимназистов-славян). В Москве издавался «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и соплеменных» (1845 год). Чиновник «собственной его величества канцелярии», полуофициальный представитель царского панславизма в Европе поляк Адам Гуровской, издал в 1841 году книгу «Цивилизация и Россия». «Габсбурги, — пишет он, — это несчастный случай в истории, а Австрия — вампир, тяготеющий над нею... Все в ней есть аномалия». Напротив, «Россия не может погибнуть. На ее стороне гений истории, будущность расы».

Развертывающееся славянское движение в Кроации наводило австрийское правительство на некоторые размышления. В 1842 году оно позволило себе упрекнуть Россию в том, что «выходцы из России и Польши мутят народ». Николай I с негодованием отверг это обвинение. «Никогда его правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революционную агитацию в соседнем дружеском государстве!»¹.

И, действительно, панславистское движение оказало большую услугу не революции, а контрреволюции.

Внутренняя фальшь панславизма обнаруживалась на каждом шагу. Это движение не имело за собой никого, кроме кучки интеллигентов, священников и царских агентов. Панславизм не был и не мог стать народным движением. Призывая к сопротивлению австрийскому правительству, он не поднимал массы на подлинную борьбу с национальным гнетом, а звал лишь к перемене «хозяина». Он облачался в старинные славянские одеяния и грезил о свободной общине вятичей и кривичей, но «за спиной фантазеров стояли негодяи»², он призывал к братству народов, а на деле разжигал злейшую вражду и национальный фанатизм.

«Австрийскому панславизму не хватало существенных элементов успеха: масс и единства. Масс не хватало потому, что панславистская партия, ограниченная по своему составу частью интеллигенции, не обладала никаким влиянием на народ и не имела силы одновременно оказать сопротивление австрийскому правительству и немецкой и венгерской национальностям, ограничения которых она требовала. Единства не было потому, что ее принцип единства был чисто идеальным и при первой же попытке осуществления потерпел крушение благодаря различию в языках»³.

Будучи несостоятельным по своей внутренней природе, австрийский панславизм представлял, тем не менее, серьезную опасность: он был силен незримой поддержкой царского самодержавия. И эта именно сила обусловила ту роль, которую суждено было ему сыграть в революции 1848—1849 годов.

4

Первые известия о мартовской революции в Вене вызвали большое возбуждение в столице Богемии — Праге.

Созванное «Рипилем» 11 марта 1848 года народное собрание в трактире «Золотой гусь» выдвинуло программу буржуазно-демократических требова-

¹ Мартенс «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IV, ч. I, стр. 502. СПб. 1878.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 392.

ний к венскому правительству. Среди них — требования отмены барщины, установления политических свобод, образования гражданской гвардии, введения в школах и судах чешского языка наравне с немецким. Эти требования единодушно поддерживались чешской и немецкой буржуазией, поскольку они были направлены против феодальной монархии. Образованный затем венцельсбадский комитет отредактировал текст петиции. При этом были смягчены требования по крестьянскому вопросу и усилены требования националистического характера.

Венский кабинет опубликовал 8 апреля под давлением этого движения «Богемскую хартию», обещая образовать самостоятельную область в составе Богемии, Моравии и Силезии. Однако конституция министерства Пиллерсдорфа, опубликованная 25 мая, обошла этот вопрос полным молчанием, а манифест Франца-Иосифа II обещал, напротив, «связать все земли и племена монархии в один великий государственный организм».

В среде чешской буржуазии росло разочарование, исчезла надежда на получение свобод «мирным путем», из рук властителей. Одна — меньшая — часть, радикально-демократическая, выступила за революционный путь борьбы с габсбургской монархией, за сближение с революционными кругами остальных подвластных Австрии провинций. Другая часть — умеренная — вынашивала план соглашения с австрийской монархией, план выторговывания у нее автономии и тому подобных конституционных уступок. Эта часть выдвинула лозунг сближения с южными славянами; она была против присоединения Австрии к будущему единому германскому государству. Эта группа националистической либеральной буржуазии, объединявшаяся вокруг Палацкого, выдвинула лозунг бойкота выборов в рейхстаг и во франкфуртское учредительное собрание. Из 62 чешских избирательных округов выборы произошли только в 30; в Праге подано всего три избирательных записки. Палацкий сложил с себя обязанности члена комитета «50» по созыву франкфуртского парламента; немецкая буржуазия солидаризи-

Мадьярские крестьяне. Худ. листок Тимма. 1859 год.

ровалась с чешской и отказалась от выборов во франкфуртское собрание.

Демонстрации студенчества в Вене 26 мая послужили поводом к разрыву Богемии с венским правительством и возникновению временного правительства. Курс чешской буржуазии на устранение от революционных бурь, потрясающих здание империи, становился все более отчетливым. Духом сепаратизма были пропитаны появившиеся в это время политические куплеты «Шуселька нам пишет»: «Он призывает нас на помощь немцам, у которых расстроились желудки. Пусть сами они расхлебывают ту кашу, которую они сами же заварили».

Вспыхнувшее под влиянием радикальной демократической партии 12—13 июля восстание в Праге, расстрелянное пушками австрийского генерала князя Виндишгреца, было широко использовано националистической, антиреволюционной буржуазией для возбуждения ультранационалистических, шовинистических чувств. Вся политика австрийской буржуазии доставляла ей все новые и новые свидетельства грубого пренебрежения интересами малых национальностей во всех концах империи. Примером этого служила армия: богемских рекрутов, как правило, отправляли в Австрию, австрийских — в Венгрию, венгерских — в Богемию. Размещением на постой, побо-

рами и тому подобными мероприятиями искусственно разжигалась национальная вражда. Делались попытки разжечь ее и среди рабочих.

Теснимые нуждой, чешские и словацкие крестьяне и батраки массами шли в «отход» и со своей родины, где трудно было найти заработок, стекались в Вену и другие крупные австрийские города и поместья. Они копали пруды, жали хлеб в страдную пору, работали на постройках железных дорог. Предприниматели и помещики, пользуясь притоком рабочей силы, снижали заработную плату.

В связи с патриотическим шумом, поднятым почти всей немецкой печатью по поводу революционных событий в Праге, Маркс в «Новой рейнской газете» приводит корреспонденцию одного пражского немца-демократа, который возмущенно пишет:

«Немецкая реакция стремится спровоцировать узко-националистические тенденции... для того, чтобы подавить революцию внутри Германии... Свободная пражская печать не имеет других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания прав обеих национальностей»¹. Но голос этой печати слишком слаб. Он не может побороть усиливающегося шовинизма, вдохновляемого буржуазными националистами.

Маркс с величайшей тревогой следил за проявлениями усиливающейся национальной вражды, грозящей превратить чехов в орудие венской камарильи и всего реакционного лагеря. При поездке в Вену 28 августа — 7 сентября он беседовал с Боррошем, лидером фракции богемских немцев в австрийском парламенте, который жаловался ему на фанатическую враждебность чехов к богемским немцам. На вопрос о богемских рабочих Боррош ответил, что «как только рабочие вступают в движение, так вражда прекращается; тогда нет больше и речи о чехах и о немцах, все действуют заодно»². Но пролетарская струя дви-

жения еще была слаба, да и рабочие нередко были заражены национализмом и скорее чувствовали, чем сознавали общность классовых интересов.

С удвоенной силой Маркс обрушился на реакционное великодержавно-немецкое презрение к угнетенным народностям, ассимиляторство, идеологию порабощения малых народов. Он бичевал с беспощадной резкостью «рабский дух» германского народа, его готовность играть роль послушного орудия в руках прусских и австрийских захватчиков. Центр тяжести интернационального воспитания трудящихся угнетающей страны, какой являлась Германия, Маркс переносит на отстаивание ими свободы отделения угнетенных стран. Вот почему он подчеркивал, что «вина за эти гнусности, с помощью Германии учиненные в других странах, падает не только на правительство, но в большей мере и на самый германский народ»³.

Вину за то, что чехи толкаются в объятия русских, Маркс возлагает на немцев, «ибо немцы предали их русским», так заканчивает Маркс свою знаменитую статью «Пражское восстание»⁴.

С весны 1848 года в южных славянских провинциях Австрии наступило заметное оживление. Словенцы подали императору адрес: «Мы бы желали, — пишут они, — чтобы славянская территория, раздробленная ныне по трем губерниям: лайбахской, грацской и триестской, — была выделена в особую коронную (!) землю, которая носила бы название Славонии и обладала бы отдельным ландтагом».

Словаки собрали 10 мая широкий съезд, на котором выработали перечень требований: официальное признание словацкой национальности, введение словацкого языка в учреждениях и школах, сближение с хорватами и сербами. Организован был восьмитысячный вооруженный отряд Гурбана для «защиты этих требований». В обход венгерского сейма словацкая депутация (Иосефи, Гурбан, Халупка, Фе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 245.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 397. Под ред. Адоратского. Соцэкгиз. 1931.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 238.

⁴ Там же, стр. 185 и 186.

Болгарские крестьяне.

Худ. листок Тимма, 1854 год.

ренчик) повезла петицию к королю и удостоилась ласкового приема у Меттерниха.

В Галиции народное собрание 18 марта во Львове потребовало конституции, образования национальной гвардии и полонизации школы и государственных учреждений. Требования выражали интересы польского дворянства; ни одно крестьянское требование (крестьяне—почти исключительно русины) не было выдвинуто. Один крестьянин—депутат львовского сейма—воскликнул с горечью: «Нема русин, сть тилько польска и москва!»

В Сербии «национальный конгресс», бывший 13 мая в Карловице, объявил Сербию независимой от пештского министерства и снял пограничные заставы, разделявшие Сербию и Ацию.

Центром движения южных славян была Хорватия. Здесь оформилась хорватская народная партия во главе Сачичем. Ее программа предусматривала объединение всех частей Хорватии и уничтожение Военной Границы, создание ответственного министерства и постоянное хорватское ландтагское обеспечение прав хорватского

языка в школе, церкви и учреждениях и, наконец, освобождение крестьян от феодальных повинностей. 5 июня в Загребе заседал кроатский сейм, принявший план нового государственного устройства.

Завершением этих сеймов, ландтагов и собраний явился пресловутый славянский конгресс, открывшийся 2 июня 1848 года в Праге.

Уже в извещении о созыве конгресса его инициатор Палацкий называл главной задачей конгресса «сплочение и самостоятельность славянских плечен» и высказывался против включения Австрии в состав будущей германской империи. Он настойчиво заверял габсбургско-лотарингскую корону в верности ей славян и отводил «ложные упреки в сепаратизме». Серб Утешенович выдвинул проект такого преобразования Австрии, при котором ее политика стала бы исключительно австрийской... ни славянской, ни немецкой, ни мадьярской, ни итальянской, ни румынской. «Если бы Австрии не было, нам бы нужно было ее создать»,— говорил Елачич в одной из своих прокламаций. Наконец, кроатский сейм предложил обра-

зовать великое южнославянское государство, входящее в австрийскую федерацию.

Что объективно означала эта австрийская ориентация? Поддержку одного из реакционнейших правительств Европы, душителя свободы, угнетателя народов. Так складывался контрреволюционный план подавления революции в подвластных Габсбургам национальных государствах и итальянских провинциях Венгрии и их возвращения в лоно империи силами «верноподданных славян», план срыва дела объединения германского народа, дела освобождения угнетенных народностей. Австрийский двор быстро уразумел суть этого плана: 10 июня манифест короля Фердинанда из Инсбрука призывал южных славян «не опасаться угнетения со стороны мадьяр». Отставленный было за неконституционный образ действий Елачич 20 июня вновь был назначен баном.

Палацкий усиленно защищался от упреков в руссификаторстве. Как мы видели, он действительно предлагал другого хозяина. Но чем этот хозяин—«истукан поменьше»—лучше другого хозяина—«истукана побольше»?..

На конгрессе выступало и другое, откровенно панславистское крыло, усердно рядившееся в демократические одежды. Его вдохновителем был Бакунин. Известна суровая оценка Энгельсом его позиции. Сам Бакунин впоследствии признавал, что «Маркс был вполне прав относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом... Надо сознаться, что наши братья, славяне, своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде»¹. Но и от этого полупризнания Бакунин был далек в 1848 году. Тогда он писал: «Ненависть против немцев есть первое основание славянского единства... Немцы уже с давних пор привыкли смотреть на них как на своих крепостных и не хотели им позволить даже идохнуть по-славянски... Славяне скорее отдадут себя под защиту

русского кнута, нежели согласятся обратиться в немцев»².

Логическим заключением этого должно было быть обращение к русскому царю, и Бакунин его сделал. «Если бы вы, государь,—писал он в своей «Исповеди»,—захотели тогда поднять славянское знамя, то они (славяне) без условий, без переговоров, но, слепо предавая себя вашей воле... с радостью, с фанатизмом бросились бы под широкие крылья российского орла и устремились бы с яростью не только против ненавистных немцев, но и на всю Западную Европу». В Дрездене, то есть по свежим следам революции—на свободе, а не в тюрьме,—он записывает: «Если бы Николай действительно хотел встать во главе славянского движения, то он мог бы и должен бы сделать это как раз в июле или августе»³.

Другой единомышленник Бакунина, поляк Анджейкович, пишет ему: «Я ни в какую реакцию не верю. Король прусский, Врангель, Кавеньяк, Виндишгрец, Елачич—первые революционеры»⁴. Энгельс с полным основанием говорил поэтому, что «...так называемые демократы из австрийских славян суть либо негодяи, либо фантазеры, а фантазеров... в свою очередь, водят за нос негодяи»⁵. «Панславизм—злейший враг и наш, и самих русских. Это надувательство в свое время рассыплется в прах, но пока что оно может причинить нам немало неприятностей»⁶.

Энгельс называл славянский конгресс «нозым изданием Вартбургского праздника»⁷. Действительно, «братья-славяне» в красных шароварах, фиолетовых и белых мантиях, чешские дамы в костюмах амазонок—в белых платьях, с пистолетами за краснорубелосиними поясами—очень напоми-

¹ Письмо Н. Жуковскому. «Минувшие годы» за октябрь 1908 года. Цитировано у В. Полонского «Бакунин». Т. I, стр. 415. Гиз. 1925.

² Материалы для биографии М. Бакунина. Гиз. Т. I. 1923, стр. 49, 146, 182.

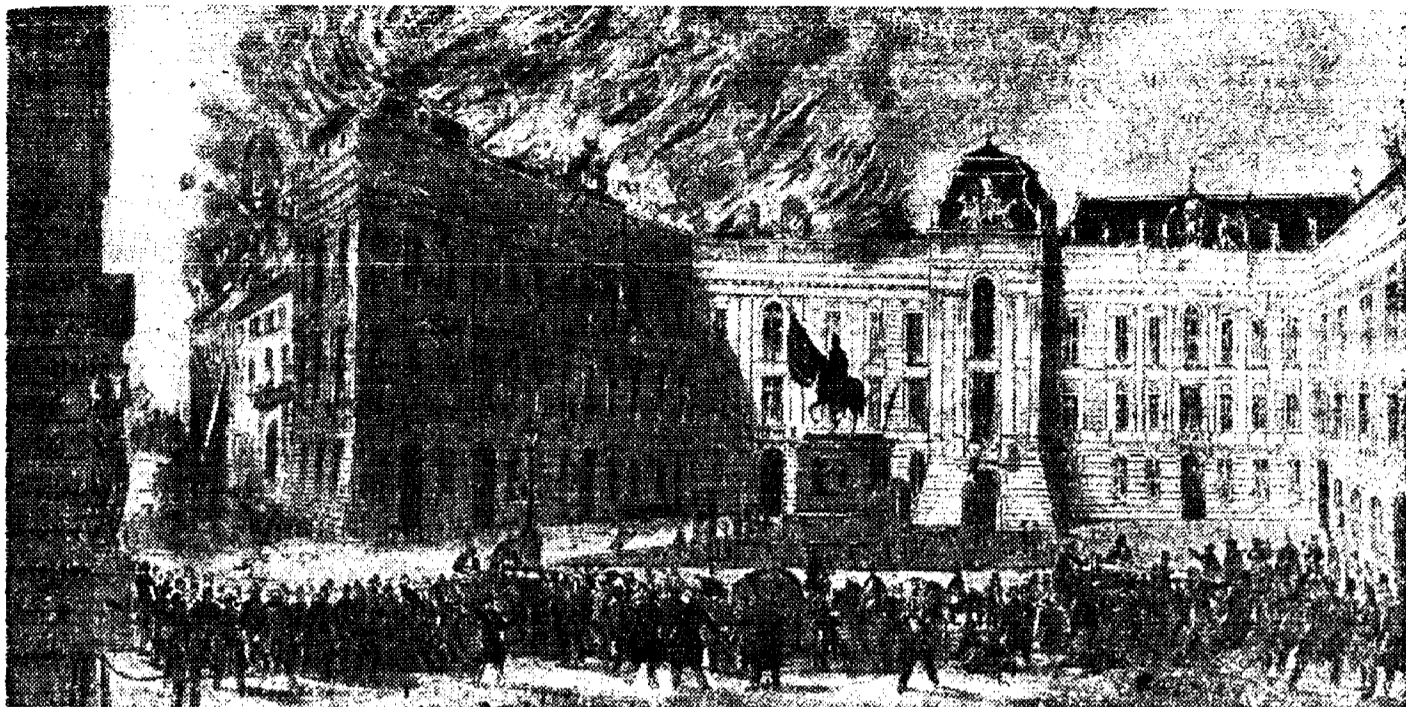
³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. I (VI), стр. 191—192. Партиздат. 1932. Письмо Каутскому от 7 февраля 1882 года.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 218.

Пожар в Вене в дни революции. 1848 год.

нали героев тевтонского движения, возрождавших эпоху и нравы первобытных лесов. Но за их спиной уже стоял жандарм, расстреливающий европейскую революцию...

5

Известия о революции в Пруссии и Австрии породили глубокое беспокойство и тревогу в царском дворце. Николай I был вне себя от мысли, что прусский король заигрывает с революцией и отступает перед ней. «Прусское владычество в Германии,—пишет он Паскевичу,—способ революционных правил. Австрия же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости последствиям своей революции»¹. Когда прусский генерал Дона, присутствовавший на русских маневрах, поздравил Николая с прекрасным видом солдат, царь быстро ответил: «Они вам нравятся? Так я даю вам их! Возьмите их, идите на Берлин и освободите короля!»².

И когда почва под ногами у прусского короля начала колебаться, он запрашивает Николая: «Если я буду принужден оставить Берлин ввиду общего восстания, придете ли вы мне

на помощь?» Николай ответил: «Если когда-нибудь под старое прусское знамя опять встанут старые пруссаки, но не немцы под знаменем баррикад, русский орел будет возле него. Русская армия восстановит Пруссию, какой она была в славные дни царствования ваших предков». Понявший смысл этого заявления, король заменил кабинет Ганземана еще более реакционным кабинетом Бранденбурга и на ближайшем дворцовом празднике произнес по-русски тост за здоровье Николая.

В Вене тоже «ждут слова императора как настоящего якоря спасения» (депеша русского поверенного в делах, Фонтана, в начале февраля 1848 года), и Николай выступил на защиту монархии Габсбургов от революционной бури. В Вену поехал генерал Берг, венский кабинет получил ссуду в 6 миллионов рублей (январь 1848 года), Виндишгрецу была обещана помощь. В мае 1848 года в Варшаве произошло свидание Николая с австрийским императором. Вслед за этим корпус русских войск, которым еще ранее по случаю «сверхурочной» работы была установлена повышенная дача говядины и водки (пять порций в неделю), вторгся в Венгрию и после ожесточенных боев подавил венгерскую революцию.

Все более очевидная главенствующая роль русского царизма в лагере европейской феодальной реакции и

¹ Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII, стр. 376—378. СПб. 1888.

² Лависс и Рамбо. История XIX века. Т. V, стр. 68. М. 1906.

упорная панславистская пропаганда русских агентов в славянских провинциях навели хорватскую группу Елачича на мысль о возможном содействии со стороны России в ее «борьбе с мадьярским притеснением». В июле 1848 года кроатская депутация прибыла к Фонтону. «Как частное лицо» он дал им дружеский совет — «не надеяться на помощь России, политика которой проникнута мыслью охранять неприкосновенность австрийской монархии и благо ее династии». Елачич понял, что в борьбе с революцией интересы царизма требуют прежде всего восстановления прежних порядков Австрии. После падения Милана, ободрившего реакцию, Елачич перешел в наступление. «...Только теперь окончательно состоялся великий союз контр-революции с австрийскими славянами»¹.

25 августа Елачич объявил войну революционной Венгрии.

«Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против

революции... Славяне остались безгласными, немцы и мадьяры... стали во главе движения. Благодаря этому славяне были брошены в объятия контрреволюции»².

17 июня десятитысячный отряд сербов напал на венгров при О-Кесе; началось восстание в Банате и Беске. Сербь получили оружие от правительства. Отряд словаков под командой Гуроана тоже действовал против венгров. Генерал Суппликач преобразовал в сентябре отряд в императорский вспомогательный корпус. 7 октября император переехал из ненадежного Инсбрука в Ольмюц, к славянам. Сербь-лужичане (в Саксонии) образовали сербский полк и приняли участие в подавлении майского дрезденского восстания. Хорваты под предводительством Елачича разгромили восставшую Вену и совместно с царской армией подавили венгерскую революцию; 2 октября капитуляция Коморна завершила кровавую эпопею подвигов отрядов Елачича.

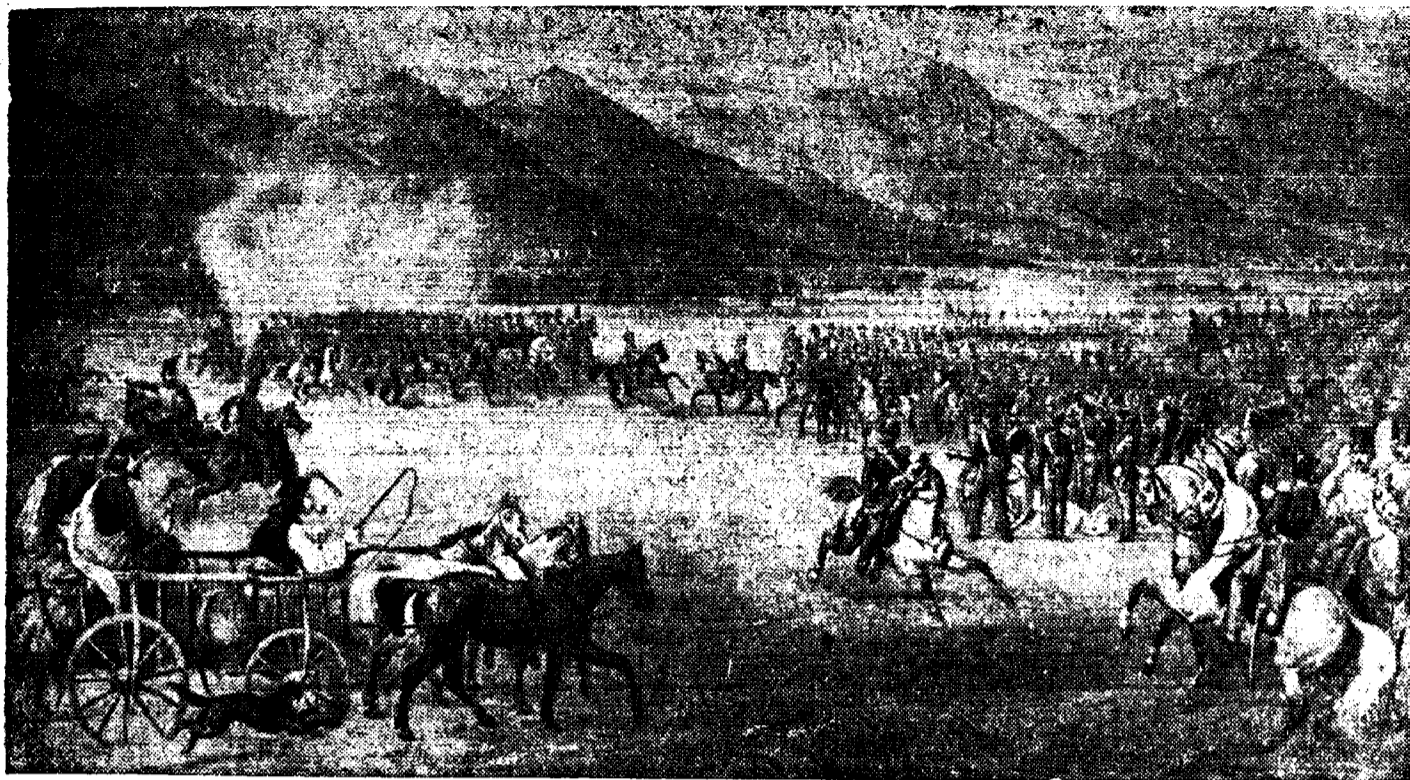
Уже та черная роль, которую сыграли южные славяне при подавлении венского восстания (30—31 октября), вызвала немалое замешательство в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 92.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 215.

Правительственные войска подавляют октябрьское восстание рабочих в Вене. 1848 год.

Отступление революционной венгерской армии под натиском войск Николая I.

демократическом крыле панславистов. «Даже чешские фанатики в Праге, неопиты «Slowenska lipa» («Славянской липы»), — писал о них Маркс, — очнулись от своих пустых грез и высказались за Вену против императорского Живодера...»¹. Бакунин писал, вспоминая об этом периоде: «Война бана Елачича в Венгрии казалась славянской войной, была предпринята как будто бы только для того, чтобы защитить словаков и южных славян от нестерпимых притязаний мадьяр, в сущности же эта война была началом австрийской реакции. Я был в сильном сомнении: не знал кому симпатизировать».

Бакунин, наконец, «прозрел». Он написал «Воззвание к славянам»: «Вы, сбитые с толку, обратились против революции и пристали к своему заклятому опаснейшему врагу, к династической политике и деспотизму. Нашего же естественного друга и союзника, демократию, вы оставили в Вене страдать и нести наказание за нас... Из всех опасностей, которые угрожают вам вот уже год, самая большая та, которой прозит вам Николай. Славяне, разбейте русскую армию!»

Но было уже поздно. «Негодяи» провели за нос «фантазеров»; чехи и

южные славяне сыграли до конца свою роль форпостов абсолютизма в Европе.

«Они надеялись, — писал один славянофил 70-х годов, — что Австрия по восстановлении мира признает их, как она признавала их и кланялась им во время войны»². Однако все дарованные «милости» были скоро отобраны. Конституция 4 марта 1849 года, обещавшая словенцам образование Иллирии, была отменена. 40 тысяч словенцев передано в управление итальянским властям, 100 тысяч — венгерским. Все национальные организации словаков разгромлены; «Матице» император пожертвовал 2 тысячи крон «наградных». У хорватов все «льготы» были отобраны в 1856 году; чиновники-хорваты заменены немцами. Славянские провинции были обложены налогом в виде «национального займа», влятеро большим чем до 1848 года. В 60-х годах были закрыты все чешские и славянские газеты. В 1867 году, когда империя стала дуалистической (Австро-Венгрией), каждому государству было дано несколько «неполноправных» народов: немцам — чехи, южные славяне и поляки (которым, в свою очередь, подчинялись русины); мадьярам — словаки, немцы, ру-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 493.

² А. Гильфердинг. Соч. Т. II, стр. 11.

мыны, хорваты (последним подчинились сербы). Воцарилась система австрийского министра Бейста, который говорил венгерскому министру: «Ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь»¹.

В 70-х годах один русский этнограф записал в Галиции такую песню о 48-м годе:

«Шоб були удеяли наши сапоньеры,
Як не був прислав москаль свои
каноньеры.
Як яли у Комарне кульками
свистати,
Зачалися у Комарне муры
разсыпати.
А як выйшов старый Венгер и впав
на колена,
А даруйте, люди добри, дам бутель-
ку вина.
Мы не прийшли, ты, Кошуте, твое
вино пити,
А прийшлисьмо, ты, Кошуте, твое
житье взяти.
Перебилимы-гай! Кошута, ше кабы
то и Бема,
Тогда бы нам — гей! — камраты —
щастлива година...»

Обещаниями «щастливой години» «москаль» поднял и повел против венгерской революции славянских крестьян, ставших отрядом реакционного народа.

6

Маркс был в 1848 году против национального движения чехов и южных славян. Не противоречила ли эта его позиция, казалось бы, обязательной для Маркса и марксистов поддержке национально-освободительной борьбы?

«Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном»². «В противовес мелко-буржуазным демократам, Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолют, а историческое выражение бор-

бы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противопоставлять его остальным — в корне неверно теоретически», — писал Ленин³. Отсюда вытекает, что «несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»⁴. Чем же определяется революционность того или иного национального движения? «Прогрессивно, — писал Ленин, — пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда безусловная обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может... Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще — безусловно нет». «Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации»⁵.

Определение конкретной позиции пролетариата зависит, далее, от уровня общественного развития той или иной страны. «Положим, — писал Ле-

¹ См. И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 121. Партиздат. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 285.

³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 42.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 46. 10-е изд. Партиздат. 1934.

⁵ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 145, 146 и 439.

нин, — две страны воюют между собой в эпоху буржуазных, национальных и освободительных движений. Какой стране желать успеха с точки зрения современной демократии? Ясно, что той, успех которой сильнее подтолкнет и более бурно разовьет освободительное движение буржуазии, сильнее подорвет феодализм»¹.

Нельзя считать революцией, говорил товарищ Сталин, игрушечные восстания одних племен против других, как-кие бывают иногда, скажем, в Албании.

Итак, Маркс и Ленин придавали подчиненное значение национальному вопросу по сравнению с «рабочим вопросом». «Интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»². «Если,—приводил пример Ленин,—...несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а другие народы окажутся главными столпами буржуазной реакции,—мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпосты, какие бы мелко-национальные движения здесь ни выдвигались»³.

Маркс и Энгельс учили рассматривать каждое национальное движение в общеевропейском («теперь следует сказать общемировом», добавляет Ленин) масштабе, а не изолированно. «О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда дело идет о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончаются все национальные вопросы»⁴,—писал Энгельс в 1849 году. «Интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций»,—говорил Ленин⁵.

Неправильно думать, что Маркс и Энгельс в 1848 году рассматривали

Россию как по самой природе своей «контр-революционную силу». Русские «...еще далеки от революции и потому, по крайней мере временно, еще контр-революционны»⁶,—писал Энгельс.

Маркс не считал и славян по природе реакционными. Ленин подчеркивал, что в 40-х годах XIX века были налицо особые обстоятельства, выделяющие революционно-демократические и реакционные нации, а именно полоса буржуазных революций в феодальных странах под лозунгом национального освобождения. Определение нации как реакционной не вытекало из ее прошлого, а решалось в борьбе. «Тогда (1848—1871),—говорил Ленин,—мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма»⁷. Борьбой решался вопрос о том, чьим союзником они окажутся.

Неправильно толковать положение Маркса о революционных и реакционных народах в таком смысле, что он якобы имел в виду только господствующие классы. Нет. «Тогда революционную,—как указывает Ленин, разбирая вопрос о Польше,—была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»⁸. А реакционной оказалась не только помещичья верхушка южных славян, но и крестьянская масса, хотя Энгельс вместе с тем отмечал, что «...среди образованных южных славян существовала маленькая демократическая партия, которая, не отказываясь от своей национальности, хотела отдать ее борьбе за свободу»⁹. Но только тогда, когда после свержения царизма национальные устремления этих карликовых народов освободятся от связи с панславистскими тенденциями к мировому владычеству, только тогда, по мнению Маркса и Энгельса, их борьба сможет принять революционный характер.

В 1853 году, в изменившихся условиях, Маркс по-новому ставит вопрос

¹ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 106.

² Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 198.

³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 257.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 491.

⁵ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 257.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 207.

⁷ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 259.

⁸ Ленин. Соч. Т. V, стр. 340.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 279.

о Сербии. «Южные славяне, — указывает он, — ...еще, правда, не образовали нации, но в Сербии уже имеется сильное и сравнительно образованное ядро нации... Чем больше укрепляется Сербия и сербская национальность, тем больше оттесняется на задний план непосредственное влияние России на турецких славян»¹. Позднее, в 1892 году, в новой исторической обстановке Энгельс пишет Адлеру о Чехии: «...мы всецело заинтересованы в том, чтобы не допустить того, чтобы тут возникло младо-чешско-русское панславистское гнездо. И если они смогут получить от нас все, что относится к национальной автономии на чешской земле... то в этом нет никакой опасности»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 395 и 396.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 397. Соцэкгиз. 1931.

Позиция Маркса—Энгельса в вопросе о южных славянах является блестящим образцом применения конкретно-исторического подхода, образцом стратегии и тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции в период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Россия, бывшая в царствование Николая I главным оплотом реакции в Европе, душителем народных революций, стала великим Советским союзом, оплотом мира и свободы, оплотом дружбы народов, защиты национальной независимости. Малые народы Восточной Европы тянутся к Советскому союзу, видя в нем своего верного друга и защитника. «В современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям»³.

³ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 290.

ВОССТАНИЕ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА В 1797 году

Восстания издавна были традицией в английском военном флоте. Флот вербовался на «добровольных» началах. Простодушный деревенский парень, пришедший на заработки, попадал где-нибудь в трактире в руки щедрых и приветливых людей.

После обильных возлияний, с отуманенной головой парень ставил крест на подsunутой ловкачами бумаге и, отрезвев, оказывался—против воли—матросом «военного флота его величества».

Существовали специальные конторы по «добровольной» вербовке во флот, и «методы» работы этих контор не раз вызывали ярость городских низов, особенно в бурном 1795 году, когда лондонские рабочие разгромили здания нескольких таких контор¹.

Впрочем, немалое количество бедного люда шло во флот из-за небольшого жалования и права участия в призах—трофеях пиратской войны. Разоренный ирландский фермер, ремесленник, спасающийся от долговой тюрьмы, становились моряками.

Флот конца XVIII века по своему техническому состоянию требовал для обслуживания многочисленного персонала. На небольших деревянных кораблях служили массы людей, связанные друг с другом постоянными опасностями борьбы со стихией и скованные

¹ Stanhope «Life of Pitt», III, ch. XIX.

чудовищной дисциплиной. Тяжелые условия существования делали их готовым материалом для мятежей и восстаний.

Бунты во флоте бывали и в XVII веке. Достаточно вспомнить трагический исход экспедиции Гудзона в 1611 году. В эпоху английской революции флот рано принял сторону парламента и вместе с армией был оплотом республики.

Финансовые затруднения правительства были причиной постоянных задержек в выплате жалования морякам. С началом войны с Францией, когда моряки месяцами не видели берега, жалование иногда не платилось по году. И без того скудный матросский паек разворовывали интенданты.

Офицерский корпус комплектовался из аристократии. Жестокость по отношению к матросу считалась добродетелью. Английский военный флот конца XVIII века во многом походил на военный флот России Николая I.

В этих условиях в матросские кубрики легко проникала революционная зараза якобинства. Когда в конце XVIII столетия революционный взрыв на континенте грозным эхом прокатился по всей феодально-абсолютистской Европе, он оказал сильное влияние на рост революционных настроений и в Англии. Несмотря на то, что английская печать обливалась помоями и всячески старалась очернить французскую революцию в глазах широких английских масс, тем не менее под впечатлением первых успехов французской революции с осени 1792 года в Англии начинает разрастаться революционно-демократическое движение; возникает ряд обществ и клубов для пропаганды радикальных реформ.

Еще в 1791 году было основано так называемое «Лондонское корреспондентское общество». Эта организация поддерживала тесные связи с французскими революционными клубами и имела свои отделения в провинции.

Свержение монархии во Франции, успехи французских революционных войск в Бельгии и Голландии и, наконец, установление якобинской диктатуры во Франции встревожили британское правительство. Рост революцион-

ного настроения в Европе и в самой Англии, военные успехи французской армии заставили английские господствующие классы объявить войну Франции (в начале 1793 года). Наряду с внешней войной английское правительство начинает переходить к репрессивным мерам по отношению к радикальному движению внутри страны. Правительством В. Питта младшего¹ повсюду закрывались радикальные клубы, были изданы законы, ограничившие свободу печати.

К этому времени в Ирландии обострилось аграрное и национально-освободительное движение. В самой Англии неоднократно возникали волнения и стачки на почве дороговизны хлеба. Само собой разумеется, что все радикальные элементы в Англии искали поддержки со стороны французских революционеров.

Так, ирландские повстанцы вступили в открытые переговоры с Францией об организации французской экспедиции в Ирландию. Этот план привел в ужас всю английскую буржуазию, которая поспешила расправиться с ирландским восстанием самым жестоким образом.

В такой обстановке революционные идеи нашли хорошо подготовленную почву и в британской армии и во флоте. Под влиянием революционной пропаганды среди солдат и матросов участились случаи открытого неповиновения приказам командиров.

В 1797 году в английском флоте произошло грандиозное восстание, едва не отнявшее у владычицы морей ее славу.

Непосредственной причиной восстания были беспорядки в продовольственном снабжении флота. Но впослед-

¹ Вильям Питт младший (1759—1806)— английский государственный деятель. С 1781 года—член палаты общин, с 1783 по 1801 год—премьер-министр английского правительства. В. Питт известен главным образом тем, что возглавил коалицию европейских феодально-абсолютистских государств против революционной Франции. Во внутренней политике Питт провел ряд реакционных мер для борьбы с рабочим движением. По инициативе В. Питта в 1798 году английскими карательными войсками было подавлено ирландское восстание.

ствии восстание переросло в крупнейшее политическое событие.

В 1796 году команды кораблей эскадры Канала «Тезей», «Минотавр», «Беллерофон», флагманского корабля «Рояль Соверен» и других в глубокой тайне обсуждали выдвинутый неизвестными смельчаками план петиции к адмиралу Гоу.

Это был популярный морской волк, прославившийся знаменитой битвой в 1794 году, когда он уничтожил франко-испанскую эскадру. Старый, 72-летний адмирал («Черный Дик», как называли его матросы) номинально стоял во главе флота Канала. На самом деле адмирал проводил все время в своем имении, выезжая только на курорт. В начале марта 1797 года адмирал Гоу, находившийся на курорте, получил от моряков четырех линейных кораблей, в том числе и от команды своего фрегата «Королева Шарлотта», анонимную жалобу.

Матросы жаловались на то, что им не выдают жалования в течение полутора лет, на жестокое обращение офицеров, на урезку пайков, на несправедливое распределение призов. Жаловались матросы и на то, что им не платят за время болезни и даже за время лечения ран, полученных в битвах. Старого адмирала как «друга матросов» моряки просили о заступничестве.

«Друг матросов» поспешил отослать жалобы командиру флота Канала Бриджпорту и адмиралу Паркеру—командиру соединения, в которое входили «мятежные» команды. Гоу послал также жалобу морякам и лорду адмиралтейства Спенсеру. Все они не придали никакого значения жалобе.

30 марта 1797 года почти весь флот Канала стоял в Спитхед-Портсмуте. Большинство офицеров сошло на берег. Оставил борт корабля и Бриджпорт. Команды получили сравнительно широкую возможность обсуждения своих дел. Палубы кораблей стали местом оживленных собраний.

Тайный матросский комитет разработал план восстания. Поднятие на-

ционального флага на «Королеве Шарлотте» должно было стать сигналом для начала выступления. Предполагалось, что офицеры пойдут на уступки, видя сплоченность команды эскадры. Матросы требовали списания на берег ряда командиров, отличавшихся особенной жестокостью.

12 апреля к адмиралу Паркеру явился предатель-матрос. Благодаря ему командованию стало известно о плане комитета, и оно решило отвести суда в открытое море, где легче справиться с восставшими.

16 апреля флот получил предписание сняться с якоря. Флагман «Рояль Соверен» отказался выполнить приказ. Мачты флагмана запестрели флажками: восставший корабль переговаривался с эскадрой. 17 и 18 апреля восстал весь флот Канала, состоявший из 16 кораблей. Шлюпки «Рояль Соверена» об'езжали суда. К вечеру 18 апреля в адмиральской каюте «Королевы Шарлотты» заседал совет делегатов восставших — по два человека от корабля. Советом часть командиров была смещена, часть оставлена заложниками.

Перепуганный Бриджпорт попытался погасить пламя: он предписал капитанам принять жалобы моряков, — но было уже поздно. К восставшей эскадре присоединились конвойные корабли «Ромней» и «Венера». Эти корабли пришли в Спитхед, бросив конвоируемый ими отряд торговых судов.

Но собрание делегатов на «Королеве Шарлотте» стремилось завоевать расположение парламентской оппозиции. Оно боялось оттолкнуть оппозиционную буржуазию и поэтому предложило «Ромнею» и «Венере» вернуться к торговым судам, так как «отказ от конвоирования повредил бы торговле».

Младшее офицерство стало на сторону команды. Высшему командному составу было разрешено оставить корабли по своему желанию. Не было пролито ни капли крови.

2

Флот был в руках делегатов. Они образовали из своей среды «Централь-

ный комитет по делам внутреннего распорядка» и «Комитет 12» — по делам командования. На корабли, оставшиеся без командиров, были назначены капитаны из восставших. От моряков потребовали присягу в верности делегатам и флоту. Восставшие старались держаться лояльно. Была изготовлена петиция в адмиралтейство и в палату общин.

Как уже упоминалось, матросы рассчитывали на поддержку «новых вивгов» — вождей парламентской оппозиции (Фокс, Шеридан, Уильберфорс и др.), недовольных войной и реакцией, во главе которой стояла антиякобинская Англия. В петиции моряки жаловались на низкую оплату (много ниже чем в армии), требовали сохранения заработка на время болезни и отпуска на берег при стоянках. Требовали они также амнистии всем участникам восстания.

Восставшие имели 16 военных кораблей с десятками пушек, а требовали они всего лишь прибавки жалования. Скромность этих требований, касавшихся лишь повседневных нужд и погубила движение.

На восставшей эскадре соблюдалась безукоризненная дисциплина: строго соблюдался сложный морской церемониал под'ема и спуска флага, отбивались склянки и аккуратно сменялись вахты. Совет делегатов утвердил специально составленные «правила распорядка» на кораблях. В этих «правилах» под угрозой плетей воспрещалось пить спиртные напитки и приводить женщин на корабль.

Правительство, учитывая серьезность положения, решило начать переговоры. К матросам с этой целью поехали адмиралы Гарднер, Колпойз и Поль. Восставший флот к этому времени покинул Спитхед и перешел в Сент-Эллен, дальше от опасного соседства батарей крепостной артиллерии.

Здесь, на борту «Королевы Шарлотты», совет делегатов принял адмиралов. Матросы пред'явили адмирадам свои требования: плата в 28 шиллингов для матроса, право сходить на берег, устранение нежелательных офицеров, уравнивание заработной платы младшего офицера на корабле и в ар-

нии и, наконец, безусловная амнистия. Никаких политических требований матросы не предъявляли.

Но адмиралы не сумели сохранить выдержки во время переговоров. Грубые угрозы адмирала Гарднера едва не стоили ему жизни, и адмиралы съехали на берег, не добившись ничего. 21 апреля 1797 года делегаты узнали, что правительство отказалось удовлетворить их требования.

В этот день восставший флот поднял красные флаги. Они в то время не были еще символом революционной борьбы за социализм (таким символом красное знамя стало лишь в 30-х годах XIX века): красное знамя тогда выбрасывалось и властью и восставшими перед применением вооруженной силы. Красный флаг на кораблях (первым его поднял «Король Георг») означал, что моряки вступили в открытую борьбу с правительством. Орудия на кораблях приводятся в боевую готовность.

На «Короле Георге» созывается «Комитет 12» с участием военных специалистов. Комитет решает просить адмирала Бриджпорта стать во главе восставшего флота. Адмирал поспешил отклонить эту сомнительную для его репутации честь. Он предпочел поездку в Лондон с хлопотами об амнистии и увеличении жалования матросам.

Правительство поняло, что восстание зашло слишком далеко. Дела на фронте шли очень плохо. Победы Бонапарта грозили Англии полным разгромом. Не время было идти на развязку гражданской войны, тем более что внутри страны не все было спокойно. Еще совсем недавно пронеслась волна голодных бунтов (1794—1795 годы), когда короля встречали камнями и криками «Долой войну!» и даже «Долой Георга!»

Лорды адмиралтейства, кабинет и королевский совет высказались за амнистию. Король утвердил ее, и 27 апреля Бриджпорт зачитал королевский декрет на борту «Короля Георга». Восстание утихло. Красные флаги были сняты, корабли вернулись к прежней жизни. Но матросские комитеты были сохранены. Моряки ждали

парламентского акта о прибавке жалования и об увеличении пайка (собрание делегатов, заседавшее на «Королеве Шарлотте», требовало предъявления оригинала декрета короля).

Опасения моряков были не напрасны: вместо парламентского акта матросы 1 мая получают приказ выйти в море под угрозой смертной казни за неповиновение. Страшное волнение охватывает корабли, и 7 мая восстание разгорается с новой силой; на этот раз оно носит более грозный характер.

3

Бесконечно длились в палате общин дебаты по поводу билля о прибавке жалования морякам. Только боязнь нового взрыва восстания заставила обе палаты принять 9 мая предложение премьера Питта о прибавке. Билль опоздал на два дня: во флоте 7 мая уже началось новое выступление.

В 9 часов утра палубы кораблей были полны возбужденных матросов. На мачтах взлетали флажки. К полудню все офицеры были отстранены. Снова избраны делегаты, и шлюпки с выборными от восставших одна за другой отплыли в Спитхед, где стояли крупные корабли: «Лондон», «Мальборо», «Нимфа», «Монарх» — и ряд вспомогательных судов.

«Мальборо» сразу примкнул к мятежу, но на борту «Лондона» находился адмирал Колпойз, уже знакомый восставшим. Так как матросы отказались стрелять по делегатам, он вооружил офицеров, и шлюпка делегатов была встречена мушкетным огнем. Первый лейтенант Бовер собственноручно застрелил моряка, отказавшегося стрелять, и это было искрой в пороховом погребе.

Солдаты морской пехоты и матросы «Лондона» мигом расхватили ружья и бросились на офицеров. Перестрелка стоила жизни 18 матросам, были ранены 4 матроса и 10 офицеров. Виновник расстрела Бовер был схвачен разъяренной командой, его собирались немедленно повесить. За лейтенанта заступились капеллан и врач. Они за-

явили, что офицер выполнял приказ капитана. Матросы потребовали, чтобы им предъявили приказ, и затем арестовали капитана.

Остальные корабли примкнули к восстанию без пролития крови. Арестованные офицеры были свезены на «Лондон», где они жили на матросском пайке. Часть офицеров была отпущена на берег, без права доступа на корабли. Только на одном «Ужасном» остался младший лейтенант.

Корабль «Король Вильгельм» к восстанию не примкнул. 9 линейных кораблей—крупнейшие из восставших—ушли в Сент-Эллен. По тому времени это были морские гиганты, с 50—75 пушками каждый. По решению совета делегатов, мелкие корабли были оставлены в Спитхед.

Правительство перепугалось не на шутку. 11 мая сам «Черный Дик» — адмирал Гоу — явился в эскадру. От своего имени он обещал принятие всех требований и полную амнистию. Матросы подвергли внимательному разбору предложения Гоу, тщательно обсуждая каждый пункт, особенно пункты, которые позднее могли бы обернуться против восставших.

В это время в Спитхед вошла эскадра адмирала Кертиса из 8 кораблей. Вновь прибывшие моряки сразу же присоединились к восстанию — и колебания правительства кончились: 14 мая парламент принял все требования моряков.

15 мая командам был дан парадный обед. Пушечные салюты знаменовали конец грозного восстания, причинившего столько тревоги правящим классам королевства.

Но события показали, что тревога еще была впереди. Восстал флот, стоявший в Норе, и это восстание в отличие от первого имело уже ярко политическую окраску.

26 апреля 1797 года страшное волнение царило в эскадре, стоявшей в Плимуте. Командам 4 кораблей было выдано червивое мясо. Контрадмирал Онсло сумел успокоить команду, но паек не улучшился, а «зачинщики бунта» были преданы военно-морскому суду. Их ждала петля.

6 мая тайно были избраны делегаты

от кораблей. Местом их с'езда был назначен корабль «Сэндвич».

12 мая на борту «Непреклонного» заседал военно-морской суд. По заранее условленному знаку, молниеносно вспыхнуло восстание. Офицеры были обезоружены и арестованы. Корабли перешли в руки делегатов. Комитет делегатов выделил особый «Комитет безопасности» из 12 человек для поддержания дисциплины.

Кроме «Сэндвича» и «Непреклонного» в восстании участвовали корабли: «Отпор», «Директор», «Чемпион», «Бриллиант», «Крепкий» — и ряд мелких судов.

Восстание было тщательно подготовлено. Его душой стал Ричард Паркер. Он был глубоко захвачен идеями французской революции XVIII столетия и пытался осуществить их в Англии.

Паркер был избран председателем ЦК делегатов с званием контрадмирала. Он отводит флот из Плимута в Нору. Матросы-капитаны прекрасно вели корабли. На кораблях соблюдалась строгая дисциплина. Беспощадно преследовалось пьянство. По приказу «Комитета безопасности», один из матросов был наказан плетью за то, что привез на корабль спиртные напитки.

Первой задачей восставших было привлечь на свою сторону эскадру в Спитхед. О событиях, происшедших в Спитхед, они не знали. В Спитхед посылают выборных капитанов: от «Сэндвича» — Аткинсона, от «Паллады» — Мак-Карти, от «Клайда» — Хинда и матроса Холмистера, — но делегаты были арестованы по дороге властями как дезертиры с военных кораблей. Им удалось бежать, и 15 мая, как раз в день торжеств по поводу примирения флота с правительством, делегаты прибыли в Спитхед.

Их принял старый адмирал Гоу, оставивший свой отдых из-за прозных событий. Он понял, что разразилась беда, и попытался задобрить делегатов. Обрато они вернулись настроенные примиренчески (Хинд по дороге сбегал). Однако эта неудача не ослабила воли восставших. После доклада делегатов, ездивших в Спитхед, они

формулируют свои требования к правительству.

4

Каковы же требования моряков, восставших в Норе?

Как и в Спитхеде, они требуют полной и всеобщей амнистии для всех участников восстания, права посещать берег, выплаты задолженности по заработной плате за 6 месяцев. Но мы видим и принципиально новые требования: моряки настаивают на введении в состав военного суда представителей матросов—требование для того времени неслыханное; они требуют смягчения морского устава и раздачу призов на справедливых началах (до сих пор львиную долю получали офицеры), возвращения на корабли офицеров только по выбору и с согласия команды.

Сохранилось несколько прокламаций, выпущенных ЦК делегатов. В этих прокламациях видно сильное влияние на восставших демократической партии, «Корреспондентских обществ», «Общества соединенных ирландцев», идей видного общественного деятеля Англии того времени — Томаса Пэна (бывшего членом конвента)¹.

Приводим одну прокламацию, адресованную парламенту:

«Соотечественники! Нам нужно объяснить свое поведение. Министры его величества знают, что наши намерения исходят из закона гуманности, чести и безопасности народа, с давших пор брошенных под ноги тем, кто должны быть нашими друзьями и защитниками собственности и законов.

Пресса допускает ложь² и заставляет вас верить вещам, столь же далеким от наших целей, как далеко поведение правителей от чести и приличий. Мы, несшие тяготы утомительной и позорной войны,—станем ли мы жертвами тиранов, которыми подлые мошенники, раззолоченные и разжирев-

¹ Пэн был одним из двух англичан, избранных в 1793 году во французский Национальный конвент.

² Английская пресса много старалась, расписывая «зверства» матросов, и т. д.

шие, утопающие в изобилии и роскоши, намерены обременить вас?

Мы, взбравшиеся среди бурь и военной грозы по качающимся снастям на смертельную высоту гнущихся мачт, — будем ли мы терпеть, чтобы с нами обращались хуже, чем на улицах Лондона с собаками?

Мы, кто в яростной схватке сбивали и покоряли гордого врага, защищая берег от нашествия, ваших детей — от смерти и ваше имущество — от грабежа, — будем ли мы мячами, марионетками в руках своры людей, добывших титулы, награды и богатство благодаря нашим рукам? Нет! Настал век разума, наконец! Мы долго пытались найти в себе человека, теперь мы себя нашли.

Мы бесконечно далеки от мысли о ниспровержении правительства нашей любимой родины. Мы самого высокого мнения о нашем короле, и мы убеждены, что не по его указанию принимаются против нас меры, дабы лишить нас прав человека³.

Соотечественники! Вы и отдаленно не можете представить себе условий, в которых мы живем уже не один год. В Риме были Нерон и Калигула, но они есть и во флоте Британии. Без следов добродетелей, способностей, образования они позволяют себе позорные жестокости над теми, кто из-за нужды или патриотических чувств поставлен под их власть. Они пребывают под светилом благополучия, а мы — незачем объяснять, кто мы — работаем под страхом мучений, которые только может придумать бесчеловечный скот.

Матросы Британии — львы великодушные и благородные. Никто не должен причинять им вреда. До сих пор мы работали для вас и для нашего короля.

³ В этом явственно влияние французской революции и нашумевшей книги Пэна «Rights of man» («Права человека». — М. К.). Книга вышла в марте 1791 года (1-я часть) и в феврале 1792 года (2-я часть), и за нее Пэн попал под суд. Он бежал во Францию и заочно был приговорен к пожизненному изгнанию за «возбуждение к мятежу». Процесс Пэна и книга нашли широчайший отклик в Англии.

И теперь мы вынуждены подумать о себе. Многие из нас были в плену и с начала войны не имели ни фартинга. Разве мы не имеем права на жалобу? Да прикажет король уплатить нам, и огорчение, которое мы доставили ему, будет уничтожено, и мы с энергией приступим к любимому делу для защиты нашей родины. Но до вашего согласия на наши требования мы решили остановить всю торговлю и перехватывать все продовольствие ради нашего существования.

Военное командование повысило себе плату, чтобы закрепить и оскорбить нас. Но нас не испугать! Наш девиз: «Dieu et mon droit»¹, и мы презираем попытки обмануть нас. Мы несклонны следовать примеру соседней страны², хотя и могли бы. Но мы хотим лишь добиться того, чего требуем, пусть даже дорогой ценой.

Соотечественники! Мы открыли проделки правительства, снабжающего наших врагов товарами. Возможно, что спустя несколько дней мы придем и к большому открытию.

Дорогие соотечественники! Мы ваши преданные и любящие братья!»³.

Мы нарочно привели этот большой документ. Он чрезвычайно интересен. Прежде всего, он напечатан. На кораблях не было типографии, — значит, у восставших были связи с берегом.

Несмотря на повторяющиеся фразы о верности королю прокламация насыщена духом революционной буржуазии с ее «веком разума», «правами человека», нападками на аристократов, призывами к гуманности.

Один из авторов этого документа, матрос «Сэндвича» Томас Джефсон, был членом «Корреспондентского общества» и был связан с «Обществом соединенных ирландцев». Джефсон — один из наиболее решительных революционеров в восставшем флоте. Он горячо протестовал против исполнения роялистского гимна «God, save the King». К «Обществу соединенных ирландцев» принадлежали также матрос Наукинс, один из немногих офице-

ров, присоединившихся к восстанию — судовой врач Дин и делегат «Ромильи-са» Браун, недавно вернувшийся из французского плена.

Грегори, один из авторов прокламации и один из капитанов восставших, в речи к экипажу «Сэндвича», между прочим, сказал: «Разве среди вас, друзья, нет таких, которые могли бы стать королем вместо Георга?» Республиканскую пропаганду вел матрос Пант, доказывая ненужность короля. Восстание явно перехлестывало узко экономические рамки.

5

После благополучного исхода восстания в Спитхед правительство начало действовать решительно. По его приказу, эскадра адмирала Дункана, несшая блокаду Голландии, направляется для подавления восстания с моря, а с суши в Ширнес⁴ направляются два полка Кентерберийской милиции. 20 мая войска прибыли в Ширнес. В этот же день в торжественной обстановке Паркер спускает адмиральский флаг на «Сэндвиче» и поднимает красное знамя.

В одной из прокламаций восставшие грозят блокадой Темзы. Это был грозный удар, и делегатский ЦК решает его предпринять. В Гравенден — в устье Темзы — мятежники высылают десант, но количественно незначительный отряд взят в плен. Отважные моряки бегут из-под стражи (двое пойманы) и находят убежище во флоте Темзы. Так много горючего материала было в английском флоте, что и здесь 4 корабля («Ланкастер», «Прозерпина», «Дисконери» и «Комета») примыкают к восстанию и уходят в Нору.

Снова правительство обеспокоено и снова в Ширнес едут уполномоченные адмиралтейства во главе с лордом Спенсером. Переговоры идут на берегу. Восставшие ставят на голосование вопрос о том, продолжать ли восстание, и большинством голосов решают: продолжать.

Посещения Паркером Спенсера про-

⁴ Местечко около Норы.

¹ «Его и мое право».

² Очевидно, Франции.

³ Конрад Джилл «Морские мятежи 1797 года». Манчестер. 1913.

ходят в торжественной обстановке: его сопровождает караул восставших, и перед ним несут красное знамя. Спенсер поражен дисциплиной «бунтовщиков».

Из переговоров ничего не выходит, и перед восставшими встает страшный вопрос: что будет дальше? Идти на Лондон? Объявить правительству войну? Идти в Ирландию — эту «английскую Польшу» (по словам Маркса) — на соединение с ирландскими революционерами, зажечь там пламя восстания? Отплыть во Францию, где провозглашены великие идеалы равенства? Сдаться на милость короля?

Восставшие обсуждают все эти пути, но ни к какому решению прийти не могут. В эскадре разгорается внутренняя борьба. Центром реакции среди восставших стал «Сен-Флоренцо» — корабль, совсем недавно присоединившийся к движению.

«Сен-Флоренцо» и 5 других кораблей попытались сорвать красные флаги и уйти. Делегатский ЦК проявил неукротимую энергию и упорство. Он сумел поднять упавший дух моряков, и, когда «Сен-Флоренцо» поднял белый флаг, Паркер лично навел пушку на изменника. Однако ночью 29 мая «Сен-Флоренцо» и «Клайд» бежали под огнем пушек «Сэндвича», стрелявшего по ренегатам.

В устье Темзы беглецы встретили эскадру Дункана. Направленная на подавление восстания, она под красными флагами шла на присоединение к нему. Восстание снова получило мощную поддержку — 16 кораблей эскадры Дункана.

30 мая состоялась торжественная встреча пополнения. Две мятежных эскадры соединились, и это был кульминационный пункт восстания. Восставшие имели 24 корабля и несколько сот пушек.

Волнение охватывает и сухопутную армию.

Восставшие снова предпринимают блокаду Темзы. Кроме того они посылают агитаторов в эскадры в Нортшильд и Гульль, но агитаторов арестовывают.

Правительство решает покончить с затянувшимся восстанием. 1 июня ко-

роль требует обуздать восставших. Питт проводит в парламенте билли о смертной казни в войсках за мятеж и о «подавлении бунта во флоте»¹.

С целью помешать блокаде Лондона правительство воспрещает отправлять суда вниз по Темзе и снимает буи, маяки и сигналы по фарватеру Темзы.

Восставшие тем временем делали ошибку за ошибкой. Они пассивно вели блокаду и, когда у устья реки скопилось около сотни судов, увидели, что блокируемый флот превышает блокирующий. Пришлось пропустить в Лондон суда, и блокада не дала эффекта.

4 июня во флоте стало известно, что король объявил экипаж восставших кораблей вне закона. Это вызвало упадок духа у моряков. 4 июня был день рождения короля, и, желая показать верность королю, моряки расцветили корабли флагами и цветами короля и дали в его честь салют. Протесты Паркера были тщетны. Только «Сэндвич» сохранил красный вымпел, и его орудия безмолвствовали.

С этого дня восстание агонизирует. Оно потеряло свою цель. Героические усилия Паркера, Грегори, Хаустона ни к чему не привели. Тщетно Паркер для поднятия духа восставших назначал артиллерийскую стрельбу по мишеням, сделанным в форме голов министров Питта и Дундаса; корабли один за другим стали сдаваться правительству. 9 июня сразу ушло 5 кораблей, среди них даже «Отпор», еще недавно — центр революционной пропаганды эскадры Дункана. И снова непреклонный Паркер направляет жерла пушек против беглецов. Под ядрами пушек «Монарха» и «Директора» дезертиры бегут под прикрытие крепостной артиллерии Ширнеса.

11 и 12 июня один за другим откальвались корабли. 13 июня красный флаг одиноко висел только на «Сэндвиче», остальные суда несли британский синий флаг. В этот день адмирал Бэккер без всяких затруднений

¹ Оппозиционные депутаты, на сочувствие которых рассчитывали восставшие, поспешили высказать полную поддержку правительству. См. «The Parliamentary History of England» (Harland). Т. XXXV, заседание 1 июня 1797 года.

на борту «Сэндвича» арестовал Паркера. Мужественный революционер не бросил своего поста, хотя мог легко скрыться.

Восстание умерло, и сразу начались репрессии.

Некоторые из вождей успели бежать во Францию. Командир «Стандарта» Уэльс покончил с собой в момент ареста.

22 июня на борту «Нептуна» открылся военно-морской суд. Он работал 3 месяца. Паркер перед военным судом сохранил полное самообладание. Он отказался просить о помиловании и 30 июня был повешен на борту своего корабля. Его тело было выставлено в Уайтчепеле (предместье Лондона) для устрашения народных масс. Такая же смерть постигла еще 24 человека. Несколько сот человек были наказаны плетью¹.

¹ Полное собрание государственных процессов, собранное Томасом-Джоном Гоуэлл. Процессы 1797 года.

Флот снова стал на службу господствующим классам Англии.

* * *

Внешнеполитическое значение восстания 1797 года было колоссальным. Под его непосредственным влиянием Питт сделал попытку примирения с Францией, и английский посол во Франции — лорд Мальмсберри — получил широкие полномочия: Англия нуждалась в мирной передышке и шла на крупнейшие уступки. Французская директория ими не удовлетворилась, но факт связи восстания и уступок неопровержимо устанавливается документами (перепиской Мальмсберри)².

Буржуазные историки мало освещают эту интереснейшую страницу классовой борьбы конца XVIII века, — тем более она интересна для нас.

² Дневники и переписка Джеймса Гарриса, графа Мальмсберри. Вторая миссия Мальмсберри. Т. III.

В. Лебедев

ИЗ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ КАЗАХСТАНА ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ

(1730—1732 годы)

Сношения Московского государства с казахами возникли еще в XVI веке, при Иване Грозном. В 1573 году московским царем был послан к казахскому хану Хакк-Назару специальный посол, Третьяк Чебуков. Московский посол, однако, не доехал до владений казахского хана и близ реки Камы был взят в плен племянником сибирского хана Кучума—Магметкулом. На следующий год, 30 мая 1574 года, царь Иван Грозный дал богатым купцам, братьям Строгановым, грамоту о беспошлинной торговле с киргиз-кайсаками. Тем временем сумевшие пробраться в Казахстан посланцы московского царя Семен Мальцев и позднее Борис Доможиров внимательно следили за деятельностью могущественного хана Хакк-Назара, объединившего три орды: Большую, Среднюю и Малую.

Одним из преемников хана Хакк-Назара был воинственный хан Тевкель. Потерпев неудачу в столкновении с бухарскими войсками хана Абдуллы, казахский хан Тевкель в 1594 году обратился в далекую Московию, к царю Федору, с просьбой принять его в вассалы «под царскую руку». С этой целью в Москву для переговоров был направлен посол казахского хана — Кульмаммет. Встречи и разговоры казахского посла с дьяком Шелкановым и боярином Борисом Годуновым свидетельствуют о твердом желании казахского хана найти в лице московского царя союзника в борьбе с Бу-

харой. В ответ на посольство Кульмаммета московское правительство послало к хану Тевкелю своих уполномоченных во главе с Вельямином Степановым. Кроме передачи грамоты Степанову было приказано сказать наедине хану Тевкелю, чтобы «Тевкель-царь и братья его, царевичи, все были под царской рукою, а государь — царь и великий князь — учнет их от всех их недругов уберегать, и стояли бы они на бухарского и на Кучума-царя, и послал бы хан сына Усейна, а царь Уразмаммета царевича отпустит»¹.

Переговоры окончились благоприятно. К осени Вельямин Степанов вернулся в Москву, привезя заложника в лице ханского сына Мурата.

На вопрос о том, каковы были отношения между Москвой и казахскими ханами в XVII веке, мы, к сожалению, ответить не можем, так как архивные документы, касающиеся того периода, не сохранились. Известно только, что в XVII веке казахи кочевали тремя ордами. Казахские орды возглавляли три ханские фамилии: 1) в Малой орде — род Булякай-Куянов, или Усяков; 2) в Средней орде — род Ядикова, или Шигаева; 3) в Большой орде — Юлбарса.

Нам известно также, что на протяжении всего XVII века казахи страдали от набегов своих соседей-кочевников — узбеков и джунгарцев (ойротов). Казахские ханы в борьбе с джунгарцами вновь стали искать союза с Россией. В 1717 году ханы Тявка, Каип и Абул-Хайр обратились за помощью к Петру I. По царскому повелению, сибирскому губернатору Гагарину было приказано войти в сношения с казахами и помочь им в борьбе с их соседями (Джунгарией). Пока губернатор готовился выступить на помощь казахам, в пределы казахской степи в 1723 году вторгся со своей армией джунгарский контайша Цеван-Рабтан и заставил Среднюю и Малую казахские орды откочевать к северозападу, к реке Эмбе.

¹ Киргиз-кайсацкие дела. 1 картон. 1594 год.

Укрепляя в интересах господствующих классов национальное государство, Петр I старался захватить не только побережье Каспийского моря, но и всю Среднюю Азию. По словам Тевкелева, находясь в 1722 году в Астрахани, Петр I говорил: «Через многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де оная киргиз-кайсацкая орда—степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям, она-де орда — ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах комониканциею иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять»¹. Смерть Петра I в 1725 году временно помешала осуществлению этих проектов.

В 1726 году, при Екатерине I, снова делается попытка завязать сношения с казахами. Из Малой орды от хана Абул-Хаира приезжает посланец Кабяков с просьбой о размене пленными и о позволении казахам кочевать близ Яика. Эти переговоры ввиду неуступчивости русского правительства окончились неудачно.

22 мая 1730 года, во время царствования Анны Иоанновны, снова появляется от хана Малой орды Абул-Хаира посланец Бояча Тюлеев. Вслед за ним в Россию — в Уфу — прибыло целое посольство из 11 человек во главе с Кутлумбетом Коштаевым и Сейткулем Кундангуловым. Из Уфы посольство 7 июля 1730 года было отправлено в Москву в сопровождении каптенармуса и солдат.

В Москву это посольство прибыло 28 августа и было размещено в «белом городе», между Тверской и Никитской, в отведенной ему квартире на дворе Степана Тимофеева Клокачева. При посольстве толмачом (переводчиком) состоял Дмитрий Вершинин. 8 сентября казахские послы были приняты в доме государственного канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина и через него подали грамоту императрице от хана Абул-Хаира:

«Над владеющими императрице и всемилостивейшей государыне повелительнице и многих земель обладатель-

нице белые и великие государыне императрице, которой желаю божьею милостью всегда доброго здравия и всякого благополучного государствования и всенижайше прошу вашего императорского величества в подданстве того ради всеподданейшим нашим прошением... отправил я, Абул-Хаир-хан, посланника своево, дабы вашим императорского величества милостивейшим указом нас под протекцию вашего императорского величества указать принять и с подданными вашего императорского величества с Аральскими башкирцами нам милостиво указать в миру и в соединении быть, о сем всеподданейше прошу я, Абул-Хаир-хан, с подданными своими старой и малой стать и сорока тысяч человек казахами желаю под протекцию вашего императорского величества...

А посланный от меня главнейший посланник Кутлумбета Сен-Кули с товарищи» (в конце того листа две чернильные печати, в которых изображено имя его Абул-Хаир-хана сын султана) ².

Эта льстивая грамота хана лгала о согласии казахских старшин признать своим верховным сюзереном российскую императрицу. Хан добивался помощи России не только для борьбы с джунгарцами и башкирами, но и для борьбы с местной феодальной знатью и для утверждения наследственной власти.

Казахское посольство 8 ноября было принято самой императрицей Анной во дворце в селе Измайлове. Послы преподнесли царице две бобровых шкуры, отосланных ею на конюшенный двор. Самим послам были даны подарки: лисьи меха, сукна. Послы хана Абул-Хаира—Кутлумбет бей с товарищами—посетили 29 сентября 1730 года коллегия иностранных дел, где дали следующие сведения о своей стране: «Казахского народа 40 тысяч кибиток и закону махометынского» зиму и лето кочуют по горам, и по рекам, и по степям (по рекам Сыр, Сарысу, Торгай; горам Улутав и Кичитав и степи Каракум). Главный в орде хан—Абул-Хаир, и еще два хана имеются: Барак и Абулмамет. Глав-

¹ Временник. Императорского восточного общества. Кн. XIII, смесь, стр. 15.

² Перевод Мустафы Турчанинова. Киргиз-кайсацкие дела. 1 картон, 46 л.

Казахи. XVIII век. Музей революции СССР.

ный город казахов — Ташкент. В нем владетель — брат Абул-Хаир-хана Галбарс-хан. Второй город — Туркестан. В нем правит Шемяка-хан. Третий город — Сайрам, в нем владетель — Кучук-хан. Все ханы послушны Абул-Хаиру. В прошлые годы казахские ханы имели войну с Коптайшей и с волжскими калмыками»¹.

Между тем из Царицына пришло известие от подполковника Беклемишева, что казахи у калмыков угнали 5 тысяч лошадей и напали против Дмитриевска на донских казаков и рыбаков. В дополнение к этому 28 октября 1730 года бухарский посол в Москве заявил русскому правительству, что Ташкент, Туркестан и Сайрам были под властью бухарского хана, но несколько лет назад их захватили казахи и что, по его сведениям, в последнее время казахов из этих городов изгнали джунгарцы.

8 февраля 1731 года несмотря на ряд показаний, вскрывающих ложные сведения послов, по указу императрицы и коллегии иностранных дел, было подписано принятие киргиз-кайсацкой орды в русское подданство. Казахскому хану с переводчиком Тевкелевым были отправлены грамота и подарки: меха, парча («по красной земле травы болотные»), сукна, шапка, сафьян, чай (всего на 500 рублей). Другим ханам и старшинам было отправлено по-

дарков также на 500 рублей. С Тевкелевым были посланы геодезисты Михаил Зиновьев и Алексей Писарев. Царское правительство торопилось принять спешные меры для захвата «ключей и врат» на восток.

Тевкелев выехал из Москвы 30 апреля 1731 года и 4 июня прибыл в Уфу вместе с казахским посольством. 14 августа уфимский воевода и бригадир Бутурлин выделил из местного гарнизона конвой из казаков и башкир для сопровождения посольства в казахские степи.

В это время хан Абул-Хаир кочевал у реки Торгай, на расстоянии 6 недель пути от Уфы.

Навстречу Тевкелеву хан Абул-Хаир обещал послать своего сына Нуралахана и зятя Башура с тысячным отрядом. В своем письме Тевкелеву хан указывал также на желание бухарского и хивинского ханов стать вассалами Российской империи. 4 декабря Тевкелеву, все еще находящемуся в Уфе, было прислано распоряжение из коллегии иностранных дел с предписанием принять киргиз-кайсацкого хана в подданство, и если надлежит, то и «бухарского и хивинского ханов обнаденжить». Тевкелеву было приказано съехать у Аральского моря с полковником от артиллерии Гарбером, «отправленным для некоторых дел в Хиву и Бухару, и с ним ехать в Хиву и Бухару» для принятия ханов в подданство.

Тевкелев ехал к хану с особой инструкцией, с секретной азбукой и текстом образцовой присяги. В инструкции Тевкелеву было поручено узнать, «с какой причины оный киргиз-кайсацкий хан на подданство просит». Тевкелев должен был принять присягу хана в верности на коране и взять его подпись. На другой день после присяги он должен был сказать хану, что, согласно данной им присяги, казахи должны платить ясак². Кроме того хан должен дать аманатов³ в Уфу. Если хан сразу не даст согласия, то пока особенно настаивать на этих требованиях не следует. Тевкелев дол-

¹ Киргиз-кайсацкие дела. 2 картон. 1731 год.

² Ясак — натуральная подать, собиравшаяся главным образом пушниной.

³ Аманаты — заложники.

жен был также узнать о населении, городах, селах, кочевьях, промыслах, торговле, ремеслах казахской орды. В инструкции говорилось, чтобы послы узнали от казахов, «бывают ли (у них.—В. Л.) ремесла какие, а особливо оружейные, и заводы селитряные и пороховые, имеют ли и умеют ли они сами пушки лить и иное оружие сделать». В образцовой присяге говорилось об обязательствах хана высылать по первому требованию императрицы войска и о предоставлении безопасно-го проезда в Хиву и Бухару русским купцам.

Тевкелев прибыл 2 октября 1731 года и остановился в урочище Маштубе, вблизи ханской стоянки. Хан прислал известие, что он приедет к Тевкелеву тайно. Здесь обнаружилась ложь хана: казахские старшины не хотели подчиняться России; они расставили всюду караулы и не желали пропускать Тевкелева. Вскоре хан через башкирца Кедеряса известил Тевкелева, чтобы тот переоделся в плохое казахское платье и тайно пришел к нему.

Переодевшись в изорванное казахское платье, Тевкелев к вечеру пробрался в ханскую ставку. Из разговоров с ханом посол выяснил, что причиной перехода казахов в русское подданство являются военные неудачи хана. Джунгарский тайша выгнал казахов из Ташкента, Туркестана и Сайрама. С повольскими (волжскими) калмыками у казахов все время также происходили столкновения. Часто на киргиз-кайсацкие владения нападают башкиры. Только с Хивой обстояло дело более благоприятно. Там водворился ханом двоюродный брат Абул-Хаира. Кроме того путем перехода в русское подданство хан надеялся получить помощь России в борьбе со своими непокорными феодалами.

Хан заверил Тевкелева, что ему удастся уговорить казахских старшин принять российское подданство. На утро Абул-Хаир прислал к послу своего доверенного с просьбой передать ему подарки. Тевкелев ответил, что до принятия присяги он «никакого государева жалования не выдаст». Хан вторично прислал посланца с просьбой явиться к хану с подарками для старшин, которые у него собрались. Тев-

келев взял второстепенные подарки (сукна, меха, юфть, чай) и пришел в ханскую кибитку, где был посажен по левую сторону от Абул-Хаира. Через четверть часа посол был отпущен.

В кибитке начался дележ. Вскоре к Тевкелеву прибежал испуганный башкирец и сообщил, что казахские старшины хотят его убить. По совету приближенных-башкир, Тевкелев решил повести сепаратные переговоры с самыми знатными казахскими старшинами: Батырем Букамбаем и его зятем Эсетем-батырем.

Тевкелев добился с ними встречи, и в беседе обещал подарки и 500 рублей денег, если они помогут привести остальных старшин к присяге.

10 октября Тевкелев был вызван к собравшимся казахским старшинам, среди которых присутствовал и сам хан Абул-Хаир. Тевкелеву задали вопрос, зачем он приехал в орду. Посол подробно рассказал о грамоте хана. В кибитке поднялся большой шум. Казахские старшины кричали, что они не хотят идти в подданство России, хотят только жить с ней в мирных отношениях. При общем шуме в защиту Тевкелева выступил Букамбай и некоторые другие старшины, давшие согласие перейти в подданство Российской империи.

Однако большинство казахских старшин разошлось в большом волнении, с криками и шумом, грозя убить посла.

Через некоторое время хан снова прислал посланца с просьбой спешно прислать подарки еще для 30 старшин. Тевкелев поспешил с подарками, и присяга была принята и этими старшинами.

Только самые упорные противники не соглашались присягать и даже произвели нападение на обоз Тевкелева у Аральского моря.

Батырь Букамбай, пользуясь авторитетом у старшин, будучи среди них одним из наиболее влиятельных, в дальнейшем способствовал тому, что и остальные старшины приняли присягу.

Тевкелев выполнил свою миссию. Присяга была подписана. Абул-Хаир-хан обещал со своего владения платить ясак в 4 тысячи лисиц, зять его, батырь Мухамед-султан — тысячу ли-

сиц и 100 корсаков¹, сын хана, Нурали, обещал платить со своего владения тысячу лисиц.

После принятия старшинами присяги в Малой орде в Среднюю орду, к местному хану Шемяке, спешно выехал Худа-Назар-Мурза с грамотой, чтобы и эта орда вступила в вассальные отношения с Российской империей. По словам вернувшегося Худа-Назара, хан Средней орды Шемяка согласился вступить в российское подданство и обещал платить ясак в размере 2 тысяч лисиц и тысячи корсаков, а также дал письменное обязательство склонить к подданству России старшин своей орды.

Из донесений Тевкелева видно, что Большая орда в то время кочевала «за Бухарами в дальнем расстоянии», Средняя орда кочевала около Тобольска, а ханами в ней были Шемяка-хан да Кочек-хан. Городов у казахов не имеется, доносил Тевкелев, все кочуют, имеют скот и ловят лисиц и корсаков.

По заявлению посла, хан Малой орды Абул-Хаир «очень желает подданства, имея намерения быть самостоятельным и дети его по нем были наследники». Знатный казахский старшина той же орды Букамбай-батырь с зятем имеют тысячу кибиток и в случае измены орды обещают в 2 года «саблею» привести казахов в российское подданство.

В Малой орде после принятия старшинами присяги были избраны посланцы в Россию: Баке-батырь—зять Абул-Хаира, Мухамед-Ходжа и другие. От хана Средней орды Шемяки в качестве послов поехали Кал-Аке, Теленгут, Ян-Дган и др. Тевкелев просил коллегия иностранных дел щедро одарить делегатов и выслать ему спешно денег и подарков, особенно цветного сукна.

В своем донесении Тевкелев писал, что бухарский хан никакого отношения к Абул-Хаиру не имеет, поэтому о его подданстве пока не может быть и речи. К хивинскому хану Абул-Хаир послал своего сына, Нурали-салтана, с письмом, призывающим его перейти в подданство России.

¹ Корсак (*vulpes corsac*) — вид лисицы, живущей в казахских степях.

Сам хан Абул-Хаир просит у российского правительства, доносил Тевкелев, постройки крепости на Яике. По словам Тевкелева, такая крепость будет внушать казахам страх и будет способствовать торговле с Бухарой, Хивой и Ташкентом, «понеже устье реки Ор от города Уфы расстоянием 550 верст, а Хива от того же устья 800 верст, а от Бухары до того устья 800 верст и дорога зело способная, воды довольные»².

Город Яик — форпост дальнейших грабительских захватов русских крепостников — был действительно построен.

Кроме Яика впоследствии были выстроены другие крепости: Тевкелев брод (Новосергеевская), Переволоцкая, Чернореченская, Еломанская, Иркутская, Бердская, Губерлинская. Царизм начал активно вторгаться в казахские земли.

Тевкелев, не успокоившись на достигнутых успехах, в дальнейшем добрался и до владений каракалпакского хана Хаит-Хали. Навстречу послу была выслана каракалпакская делегация, состоявшая из 3 человек духовного звания и 5 знатных старшин.

Делегаты выразили желание перейти в подданство России, но платить ясак наотрез отказались.

Только один знатный старшина, Уразан-батырь, обещал добиться у каракалпакских старшин уплаты ясака.

Делегаты каракалпакского хана обещали вернуть завоеванные 60 лет назад 200 башкирских кибиток и имевшихся у них русских пленных. По донесению Тевкелева, каракалпакская орда имела 10 тысяч кибиток.

20 июня 1732 года Тевкелев спешит известить Москву, что Нурали-салтан вернулся 2 марта из Хивы с категорическим отказом. За обиду, нанесенную сыну, хан Абул-Хаир объявил хивинцам войну и послал сына Нурали-салтана вместе с аральским ханом «воевать Хиву».

Вскоре Тевкелев получает тревожное известие от Абалай-салтана. В своем донесении салтан пишет, что из его отряда в 1750 человек, шедшего «воевать трухменцев», само-

² Киргиз-кайсацкие дела Донесение Тевкелева. 1731.

вольно отделился отряд в 150 человек со старшиной Бахтыбаем. Отряд направился для угона лошадей у волжских калмыков, но по дороге наехал на обоз полковника Гарбера и осадил его в степи в безводном месте. Двенадцать дней обоз был в осаде. Находясь в безвыходном положении, Гарбер принужден был отдать казахам половину своего каравана (250 верблюдов с товарами).

Этот захват сильно встревожил царское правительство. Но казахский хан Малой орды сумел в дальнейшем умиловать русских крепостников. 11 мая 1732 года к Абул-Хаир-хану приехала делегация от калмыцких владельцев Даржи-Назарова и его сына Лобжи с призывом не вступать в вассальные отношения к России, а, соединяясь с калмыками, идти «воевать» российские пограничные города и калмыцкие улусы старшины Черендундука, который отказался выступить против России.

Калмыцкие посланцы обещали старшинам Букамбею-батырю и Эсеть-батырю по 200 лошадей и 100 верблюдов. Кроме того калмыцкий владелец Лобжа извещал, что отдаст свою дочь замуж за сына Абул-Хаира и даст за ней много скота.

Создалась опасность срыва переговоров Тевкелева. Русский посол стал всячески отговаривать от этого шага Абул-Хаир-хана и знатных старшин. В результате калмыцкие посланцы с позором должны были вернуться из Малой орды, а Абул-Хаир послал грамоту императрице с заверением в верности и в качестве доказательства — письма калмыцких владельцев, призывающие его к восстанию против России.

В дальнейшем Тевкелев добился посылки от Малой орды в Россию заложника в лице ханского сына Нурали.

В 1734 году ханы каракалпакской и Средней орды также послали выбранных в Россию для переговоров о под-

данстве. В 1738 году, в связи с башкирским восстанием, казахи начали проявлять явное неповиновение. Хан Абул-Хаир занял недавно построенный на реке Оре город Оренбург.

Начальнику оренбургской военной экспедиции, генерал-поручику В. Татищеву, пришлось принять срочные меры и заставить Абул-Хаира вторично присягнуть в подданстве.

Взяв своего сына Нурали-султана, Абул-Хаир оставил нового заложника и откочевал к себе в казахские степи.

В 1739 году, по решению кабинета министров, было приказано «город Оренбург строить при Красной горе, а прежний Оренбург назвать Орской крепостью».

Окончательно Малая орда перешла в российское подданство в 1738 году, а Средняя орда — в 1742 году.

В 1742 году поручик Гладышев «привел в подданство» каракалпаков. Большая орда окончательно была приведена в подданство в 80-х годах XVIII века.

В XVIII веке российский царизм деятельно взялся за овладение «ключами и вратами» в Азию. В Казахстане царизм, опираясь на феодальную верхушку, облагал население ясаком, брал заложников, выжигал в осеннее время астраханские степи, за вину каждого казаха возлагал ответственность на его родной улус, организовал над казахами пограничный суд в Оренбурге и продвинул цепь укреплений в глубь казахских владений.

Так закончился первый этап в истории завоевания Казахстана царской Россией. В результате этой политики царизма не прошло и нескольких десятков лет, как казахская беднота приняла активное участие в грандиозном пугачевском восстании, сильно потрясшем русское самодержавие. Но эта тема требует специального исследования.

Л. Тюрин

ШКОЛА ПРИ ПЕТРЕ I

1

В своей беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин дал исключительно четкую характеристику преобразований Петра I: «...Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹.

В этой характеристике товарищ Сталин подчеркивает, с одной стороны, прогрессивный характер петровских реформ, которого не видел М. Н. Покровский, а с другой, — то обстоятельство, что эти реформы осуществлялись на основе неимоверной эксплуатации крестьянских масс и приводили к еще большему их закабалению.

Реформы Петра I были своеобразной попыткой ликвидации вековой от-

сталости России, европеизации ее, при этом преследуемая им цель была направлена на усиление дворянства и укрепление крепостнического строя. Преобразовывая крепостническую Россию по примеру более развитых западных стран, Петр I там, где не помогали царские указы, применял грубую физическую силу, «...не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»².

Эта оценка реформаторской деятельности Петра I и ее методов, данная Лениным и Сталиным, относится и к школьным реформам Петра.

Пытаясь «выскочить из рамок отсталости» (Сталин), Петр I лихорадочно строил фабрики, заводы, крепости, гавани, флот, проводил каналы, расширял торговые и дипломатические связи с заграницей. Проведение в жизнь этих мероприятий требовало большого количества образованных людей. Кроме рабочей силы, в огромном большинстве набираемой из крепостных крестьян, которых жестоко эксплуатировали, стране нужны были специалисты, изучившие навигацию и военное дело, химики, врачи, механики, инженеры, архитекторы, художники, счетоводы, переводчики и т. д.

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года, стр. 3. Партиздат. 1933.

² Ленин. Т. XXII, стр. 517.

Сам царь учился грамоте по-старинному у подьячего Никиты Зотова. Уже впоследствии, по собственной инициативе, он изучал у голландца Тиммермана арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию.

До Петра I влияние западноевропейской цивилизации на Россию было очень незначительно. Правда, к концу XVII века уже имелись переводы писателей эпохи Возрождения и переводы рыцарских романов, да для царя и знати составлялись так называемые «Куранты», в которых помещались выборки из иностранных газет, переведенные на русский язык. Кое-кто из вельмож заводил у себя западноевропейские предметы домашнего обихода и обстановки. Кое-кто брил бороду и одевался по-европейски, в короткий кафтан вместо длинной одежды русского покроя.

Но всякая европеизация на русской почве в условиях тогдашней России прививалась слабо и чрезвычайно медленно, задерживая осуществление задуманных Петром преобразований. По замыслу Петра I культурный уровень дворянства — господствующего класса России — должен был соответствовать культурному уровню представителей того же класса в европейских странах. Для осуществления этой цели многие молодые люди были отправлены на государственный счет обучаться за границу. Выполняя приказ Петра I, Татищев, впоследствии известный русский ученый, неоднократно бывавший за границей, устроил ряд молодых дворян в Швеции для изучения горного дела. Посылались в чужие страны молодые люди и от мануфактур-коллегии, причем им обещали дать «привилегии их фамилиям в меру их успехов». В царском указе 1723 года говорится о русских учениках, вернувшихся из-за границы: «Некоторые из вас, приехав сюда, дела свои, чему учились, отправляют и награждены нашим жалованьем и домами»¹.

¹ Кабинет II, кв. № 71; 81; т. I, № 31, 53. Голиков. «Дополнение к деяниям Петра Великого». Т. XVII, стр. 349. Цит. по Соловьеву. «История России с древнейших времен». Т. XVIII, стр. 190. Изд. 1868 года.

Петр I писал: «Академии, школы, дела есть зело нужные для обучения народного». Он хотел создать такую школу, из которой, «во всякия потребности люди происходили, в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачебное искусство»².

До XVIII века в России было только несколько церковных школ грамоты и одно государственное учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия — в Москве. При Петре I стали возникать государственные школы. Открылся ряд ремесленных школ, в которых обучали разным профессиям: «как шляпы делать, сукна, кожи на лосинную стать, штукатурная фигуры из гипса, архитектурною палаты строить»³.

В 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, открылась «навигационная школа». Ее возглавил англичанин профессор Фарварсон, поставивший в России навигационное и математическое образование. Кроме него в этой школе было еще два учителя-англичанина и математик Леонтий Филиппович Магницкий, издавший в Москве в 1703 году русскую арифметику с арабскими цифрами вместо прежних азбучных.

В «навигационную школу» приказано было принимать детей дворян и других высших чинов от 12 до 17 лет, но так как учеников такого возраста оказалось недостаточно, разрешили набирать и 20-летних. Учили в этой школе арифметике, геометрии, тригонометрии, с приложением геодезии, а главным образом — навигации и астрономии.

В 1711 году в Москве открылась инженерная школа, а в Петербурге — артиллерийская.

В 1715 году в Петербурге была создана первая морская академия для детей знатного дворянства, но в ней фактически обучались и разночинцы. Петр I сам составил для этой школы программу, по которой должны были преподаваться арифметика, геометрия, рисование, фезт, или прием ружья, ар-

² Ключевский «Курс русской истории». Т. IV, стр. 317. Изд. 1910 года.

³ Там же.

Обучение русских стольников в Венеции мореходным наукам.

С современной гравюры.

тиллерия, навигация, фортификация, география, знание частей корабельного гола (т. е. кузова) и такелажа.

В 1714 году вышел указ об обязательном обучении дворянства.

Учеников московской « навигацкой школы » разослали в губернии для обучения детей « изо всех чинов людей ». Они обучали детей в арифметических, или, как их еще называли, циферных, школах грамоте, письму, арифметике и отчасти геометрии.

Эта новая сеть начальных школ развертывалась с трудом. В циферные школы шли неохотно. Посадским людям удалось упросить царя освободить от обучения их детей под тем предлогом, чтобы не отрывать их от отцовских дел. Из 47 учителей, поехавших на места, 18 вернулись обратно, так как учеников для них не нашлось. В циферных школах были преимущественно дьячьи и подьяческие дети, которые предназначались потом для приказной службы. В 1724 году открылось таких школ около 50. К 1727 году циферные школы начали пустеть.

С 1721 года по губерниям развертывается еще другая школьная сеть, во главе которой стоял « святейший Си-

нод ». Учителями в эти школы шли окончившие Московскую славяно-греко-латинскую академию; они преподавали грамматику, логику, диалектику, риторику, философию, богословие, географию, политику.

Петр I готовил образованное духовенство для борьбы с еретиками. В 1723 году он приказал: « Поповских, дьяконских и причетнических детей набирать в школы, всех тех, которые учиться могут, и которые в учении быть не похотят, тех имать в школы и неволею, и учить их в надежде священства »¹. В 1725 году открылось 46 епархиальных школ. Они оказались наиболее долговечными из всех школ петровского времени.

От школ, имевших специальные уклоны, отличалась общеобразовательная « гимназия » Глюка, названная так по имени пастора Глюка — ученого педагога и миссионера, который был взят в русский плен при осаде Мариенбурга. Петр I знал и раньше об этом культурном саксонце и поручил ему

¹ Полное собрание законов № 4291. Цит. по Соловьеву « История России с древнейших времен ». Т. XVIII, гл. III, стр. 208. Изд. 1868 года.

Заглавный лист к учебнику арифметики Магницкого. Гравюра Мих. Корновского. 1701 г. Снято с подлинника. Гос. Ист. Музей.

вести общеобразовательную школу для детей. В 1703 году в Москве, на Покровке, в доме, раньше принадлежавшем умершему боярину Василию Федоровичу Нарышкину, возникло новое учебное заведение. Пастор Глюк написал торжественное и витиеватое обращение к молодежи, в котором выразил свои взгляды на учащихся: «Аки мягкий и всякому изображению угодный глина». Он перевел с иностранных языков на русский несколько учебников и составил программу, по которой в трех классах должны были постигнуть географию, политику, латинскую риторику с ораторскими упражнениями, философию, языки французский, немецкий, латинский, греческий, еврейский, сирийский, халдейский, выучиться танцевать, выучиться светскому обращению, рыцарской конной езде и берейторскому искусству (искусству об'езжать лошадей). Учителей пригласили из иностранцев.

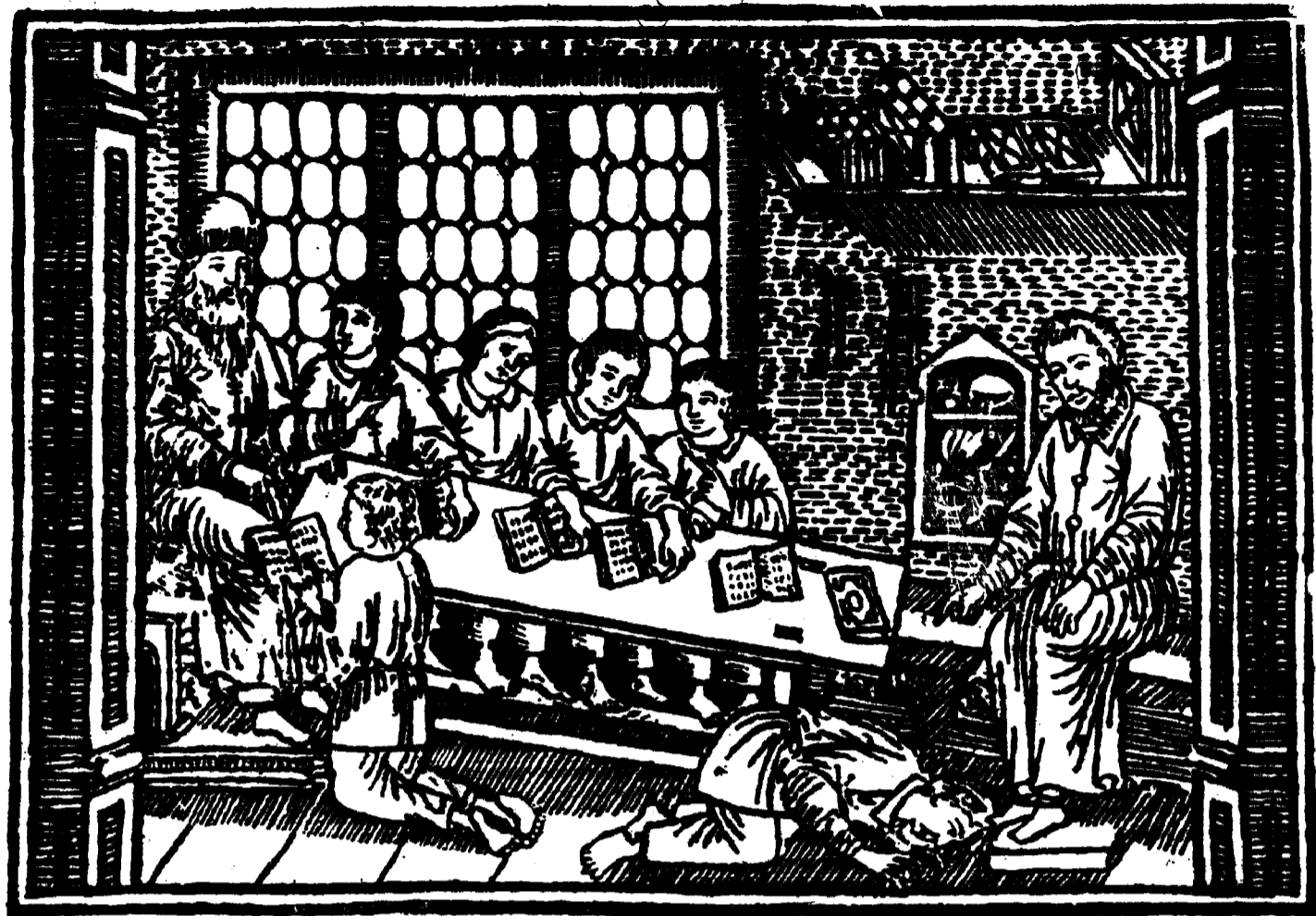
Это была единственная школа, куда не брали учеников против воли и где

по окончании не обязывали идти на государственную службу против собственного желания. Социальный состав учеников здесь был очень пестрый. Дети бояр учились вместе с беспоместными дворянами, с детьми майоров, капитанов, солдат, посадских людей. Как и в других государственных школах того времени, дети «знатных чинов» были на собственном содержании и жили со своими слугами, а большинство — дети необеспеченных родителей—состояло на государственном жаловании, которое увеличивалось с переходом в высший класс. Пастор Глюк умер в 1705 году, и после его смерти вскоре обучение в «гимназии» совсем прекратилось.

В 1707 году в Москве, на берегу реки Яузы, открылась первая медицинская школа при первом военном госпитале. Иностранец доктор Бидлоо учил русских студентов хирургии и через пять лет доложил Петру I, что они «искусни учинены» и что «они во Франции, Германии и прочих государствах, таже у Вашего Величества

Заглавный лист учебника петровской эпохи. Снято с подлинника. Гос. Ист. Музей.

Школа эпохи Петра I.

Гравюра из букваря Федора Поликарпова, 1701 г.

при дворе во искусстве своего учения похвалены»¹.

Царь придавал большое значение медицине. Он не раз вместе с вельможами сам присутствовал при медицинских вскрытиях в анатомическом театре и при этом очень интересовался научными заключениями врачей.

Ввиду недостатка в образованных людях, в 1724 году издается указ об учреждении Академии наук, в которой бы учились разным наукам, языкам и переводили бы книги. В Академии должны были вести научно-исследовательскую работу, а кроме того получать среднее и высшее образование. При Петре I этот указ не был проведен в жизнь. Академия наук открылась лишь после его смерти.

3

Все школы начала XVIII века несмотря на тщательно разработанные положения о них, предусматривавшие сословные ограничения, и широкие

программы были по существу разносословными и элементарными.

Школьное обучение было государственной повинностью и подготовкой к обязательной затем государственной службе. Сам царь следил за укомплектованием школ. Когда в Московскую инженерную школу на вербовали 23 ученика, Петр I распорядился довести количество учеников до 100 «из всех чинов людей и из царедворцевых детей, из столичного дворянства, за кем не менее 50 крестьянских дворов, — принудительно». Насилие в то время широко применялось. Известен случай, когда чрезмерно постаравшийся вятский воевода Чаадаев для пополнения школы разослал по уезду солдат и они хватили всех годных для учебы и привозили под конвоем в Вятку.

Много школьников в то время находилось в бегах, несмотря на строгие взыскания за это. В 1722 году было опубликовано, что из «навигационной школы» бежало 127 учеников, из рязанской — из 96 учеников бежало 59.

Учителями в школах были во многих случаях иностранцы. Как и большинство учеников, все учителя полу-

¹ Кабин. дела. Т. II. № 25, стр. 339. Цит. по П. Пекарскому «Наука и литература в России при Петре Великом». Том I, стр. 133. СПб. 1862.

Снимок с собственноручного распоряжения Петра I о печатании книг новыми литерами.

Снимок с собственноручного распоряжения Петра I о печатании книг новыми литерами.

чали государственное жалованье, которое выплачивалось им не всегда регулярно. Учителям строго запрещалось брать что-либо за свой труд с учащихся. Однако по окончании школы каждый ученик должен был уплатить учителю рубль, — только тогда выдавалось письменное свидетельство об окончании.

Государственный закон требовал, чтобы без свидетельства об окончании школы «жениться учеников не допускали». Этот закон имел существенное значение для великовозрастных учеников.

В школах в начале XVIII века учиться было очень трудно: учителя объясняли непонятно, учебники были написаны малодоступным пониманию учащихся языком, стоили дорого и их было крайне недостаточно. В качестве примера, характеризующего учебники петровского времени, можно указать на букварь, или азбуковник, который обычно очень загружался большим количеством всевозможных сведений. Так в хорошо сохранившемся до наших дней букваре Федора Поликарпова, напечатанном в Москве в 1701 году, помещены: азбуки, славянская, греческая, латинская, слоги, слова, молитвы, нравоучения, сведения из священного писания, сведения из естествознания, из географии, о ремеслах, стихи и т. д. Сохранились две интересные гравюры, дающие наглядное представление о том, в какой обстановке происходила учеба в то время. На гравюрах бросаются в глаза: на одной — плети на стене, на другой — порка ученика и рабская поза ученика, стоящего на коленях перед учителем, а

помещенные тут же стихи говорят о педагогических приемах того времени:

«Всякий человек в письме поучайся, во службе богу из млада отдайся. Кто бо учится слогино с охотою, языки они речет добротою.

Он угождство людем в мудрости содеет,

приятство оный везде возимеет.

Ленивые же за праздность биются, грехов творити всегда да блюдутся».

Школьный режим был суров и напоминал казармы. Ленивых к учению, прогульщиков и нарушителей школьной дисциплины били плетьюми и батогами, причем вместо детей знатного сословия наказывали их слуг. Один ученик морской академии жаловался даже самому Петру I на директора, который бил его по щекам и палкой при всей школе. Наказывали учеников за неявку к утренней молитве, за непочтение к учителям, за рассеянность во время занятий; было еще не мало других поводов для наказаний.

В морской академии в каждом классе вместе с учителем должен был находиться солдат из отставных с длинным хлыстом в руках, которым он тут же на месте расправлялся с учащимися. В букварях встречаются нравоучения ученикам и, между прочим, ука-

Страница из букваря Карiona Истомина. 1694 г. Снято с подлинника. Гос. Ист. Музей.

Снимок с образца гражданской азбуки, исправленной рукой Петра I.

зано: тому, кто будет вести себя плохо, «биение будет нещадно, да иным к тому будет неповадно». В одном из букварей розги воспеваются в стихах:

«Розга ум вострит, память возбуждает и волю злую в благо прилагает».

Наказание угрожало в то время и учителям за невразумительное преподавание и за взятки с учеников.

На уставе духовных школ отразилась новая система воспитания детей, предложенная выдающимся государственным деятелем того времени Феофаном Прокоповичем. По этой системе в школы должны были приниматься дети не старше 10 лет, и для того, чтобы создать из них новых, культурных людей и совершенно оторвать их от невежественной среды, встречи с родителями в течение первых трех лет не допускались. Вся жизнь в этой закрытой школе шла по определенному регламенту: были указаны часы, предназначенные для уроков, прогулок, развлечений и игр «честных и телодвижных».

За столом для учеников должны были читать рассказы на военные или церковные темы или играть на музыкальных инструментах. За поведением учеников наблюдал «префект» из людей «хотя и не ученых, — обаче честного жития человек не вельми свирепый и не меланхолик». Младших учеников могли наказывать розгами, а старших перевоспитывать «словом укоризненным» и только в тех случаях, когда ученик окажется «детина непобедимой злобы», его могли исключить из школы.

При Петре I, несмотря на встречавшиеся трудности, цивилизация России двинулась вперед: усилилась деятельность типографий, прежний славянский алфавит был заменен русским, комплектовались библиотеки, устраивались кунсткамеры (музеи), отправлялись научные экспедиции, начали печатать географические карты, гравюры, различные таблицы. Имеется факсимиле гражданской азбуки с собственноручными исправлениями Петра I.

Петр I был передовым человеком своей эпохи. Он поддерживал связь с учеными западноевропейских стран, переписывался с знаменитым Лейбницем — философом, математиком, физиком, историком и дипломатом; предложил Феофану Прокоповичу писать историю своего времени, а для составления прошлой истории России по поручению Петра собирались ценнейшие материалы. Предоставляя различные выгоды образованным людям, Петр I запрещал давать преимущества людям невежественным.

Но петровская цивилизация России была относительной, ее положительные стороны не могли коснуться и не коснулись народных низов. Царь-крепостник на ответственные места военной и государственной службы посылал лишь дворян. При Петре I особенно резко определилась разница в положении между огромной массой крепостных крестьян и кучкой эксплуататоров-помещиков. Неоднократные народные восстания, во время царствования Петра I, жестоко подавлялись. Порабощенные народные массы были в то время еще бессильны в борьбе со своим классовым врагом.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОИНЫ

Из году в год на протяжении первой половины XIX века в царской России росло количество крестьянских волнений, порождаемых экономическим и политическим бесправием многомиллионных крестьянских масс России, стремившихся к уничтожению крепостничества в стране.

Произвол дворян - крепостников, хищничество и казнокрадство со стороны блюстителей государственной законности довели до нищенского существования подавляющую массу населения сел и городов Российской империи. Безрадостная картина представляется нашим глазам при чтении документов, оставленных современниками. Один из них, посетивший Новгородскую, Псковскую и Тверскую губернии в 1841 году, писал: «При проезде моем по трем губерниям, по большим и проселочным трактам, в самое лучшее время года, при уборке сена и хлеба, не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движения, доказывающего довольствие народное. Напротив, печать уныния и скорби отражается на всех лицах, проглядывает во всех чувствах и действиях... Следы бедности общественной явны, неправда и угнетение везде и во всем так наглы и губительны для государства»¹. Голод, вызываемый частыми неурожаями в стране, непосильными оброками, барщиной и непомерными государственными поборами, был обычным явлением крестьянской жизни.

Борьба задавленного и приниженно-

го крестьянства против крепостнического гнета принимала все более острые формы.

Побеги крепостных крестьян, отказ от выполнения барщины и уплаты оброков и податей, неповиновение действиям правительственных чиновников, поджоги дворянских усадеб, индивидуальный террор, направленный против наиболее ненавистных помещиков, наконец, вооруженные выступления — таковы различные формы борьбы крестьянства с дворянско-полицейским государством. Количество крестьянских волнений непрерывно росло. С 1826 по 1834 год их насчитывалось 148, в следующее десятилетие, с 1835 по 1844 год, — 218 и, наконец, в десятилетие, непосредственно предшествовавшее крымской войне (1845 по 1854 год), — 348 волнений, почти половина всех волнений, имевших место за все время царствования Николая I. Во время самой крымской войны, обнаружившей всю гнилость самодержавия, терпевшего поражение за поражением, рост крестьянских волнений получает еще больший размах.

Для крестьянских выступлений в годы, предшествовавшие крымской войне, и во время ее характерно быстрое их распространение и постоянное требование «воли». Так, крестьяне под влиянием слухов о том, что ополченцы освобождаются от крепостной зависимости, массами бросали сельскохозяйственную работу и шли в ополчение. Тяга к «воле» в это время получила свое выражение также и в массовых переселениях в прифронтовые районы, где, по слухам, освободили от кабалы. Все эти факты, а также крайняя острота форм борьбы, как мы увидим ниже, были типичны для настроения крестьянских масс накануне реформы. Опасность крестьянской революции — тень Пугачева — заставляла трепетать весь класс помещиков-крепостников и их коронованного представителя Николая I, а затем и его наследника Александра II, который в конце концов пришел к выводу, «...что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»².

¹ Н. Кутузов «Записка, поданная императору Николаю I». «Русская старина» за сентябрь 1898 года, стр. 518.

² Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 143.

В январе 1853 года восстали крестьяне селения Маслов Кут, Пятигорского уезда, Ставропольской губернии. Гражданский генерал-губернатор Волоцкий в донесении на имя императора сообщал, что «между крестьянами помещика Калантарова, села Маслов Кут, произошло неповиновение: 14 января некоторые из них при назначении на работы оказали послушание, потом стали набирать охотников действовать заодно. Они разогнали распорядителей по работам и находившихся при конторе крестьян и сменили атамана»¹.

Причиной открытого выступления крепостных помещика Калантарова явились непосильные работы, чрезмерные поборы и незаконные взыскания, возлагавшиеся на них управляющим Замченко и атаманом Лемешки совместно с самим помещиком.

«Крестьяне, — писал губернатор, — решительно отказываются от прав помещичьих; считая себя неопровергаемо подлежащими освобождению из крепостного владения»².

В большом селении Маслов Кут, насчитывавшем свыше 1800 крестьян, неоднократно были выступления против крепостной зависимости, но они каждый раз жестоко подавлялись при помощи войск.

Увещевания со стороны местных священников и земской полиции о необходимости безмолвно подчиняться помещичьей власти на этот раз также не имели никакого результата, ибо крестьяне открыто говорили, «что не будут повиноваться помещику, в чем дали страшную клятву друг другу, и готовы на все, лишь бы получить свободу»³.

Для усмирения восставших крестьян 24 января под командой гражданского генерал-губернатора Волоцкого прибыли 820 хорошо вооруженных солдат с конно-артиллерийской батареей.

25 января, в 10 часов 30 минут утра, в сопровождении адъютанта и конвой-

ных генерал-губернатор явился на площадь, где собралось около 2 тысяч крестьян.

На приказ разойтись по домам крестьяне ответили отказом, а на вопрос, чего они хотят, ответили: «Мы хотим воли». Генерал-губернатор объявил им, что их требование рассматривалось всем начальством и император утвердил право помещика Калантарова на владение крестьянами. «Но крестьяне, — как пишет управляющий гражданской частью Ставропольской губернии, — и на повторенное приказание разойтись по домам повторяли: «Не пойдем, воли хотим». Губернатор отъехал к орудиям и приказал стрелять. Первым выстрелом повалило двух главных бунтовщиков и смертельно ранило атамана. Толпа даже не зашевелилась»⁴. Восставшие кричали: «Ура!», «Воля!», «Ура!»

После 16 артиллерийских выстрелов и энергичного действия казаков собравшихся на площади безоружных крестьян удалось рассеять. На месте кровавой расправы, у церковной ограды, осталось лежать 123 убитых и 158 тяжело раненых мужчин, женщин и детей.

Секретарь кавказской духовной консистории в донесении оберпрокурору святейшего синода вынужден был сообщить, что «в числе убитых и раненых заключаются и старики, и женщины с грудными младенцами, и даже несколько казенных крестьян, бывших тут понатыми. Происшествие это, — далее писал он, — случившись лишь трое суток, произвело сильное впечатление во всех классах народонаселения, особенно в простом народе, из коего считают убитых, особенно младенцев, мучениками»⁵.

Лицемерно «скорбя о пролитой крови», генерал-губернатор мотивировал свои действия тем, что «нельзя оставлять мятежную толпу не усмиренной, так как нерешительность в таком случае послужила бы к поощрению мя-

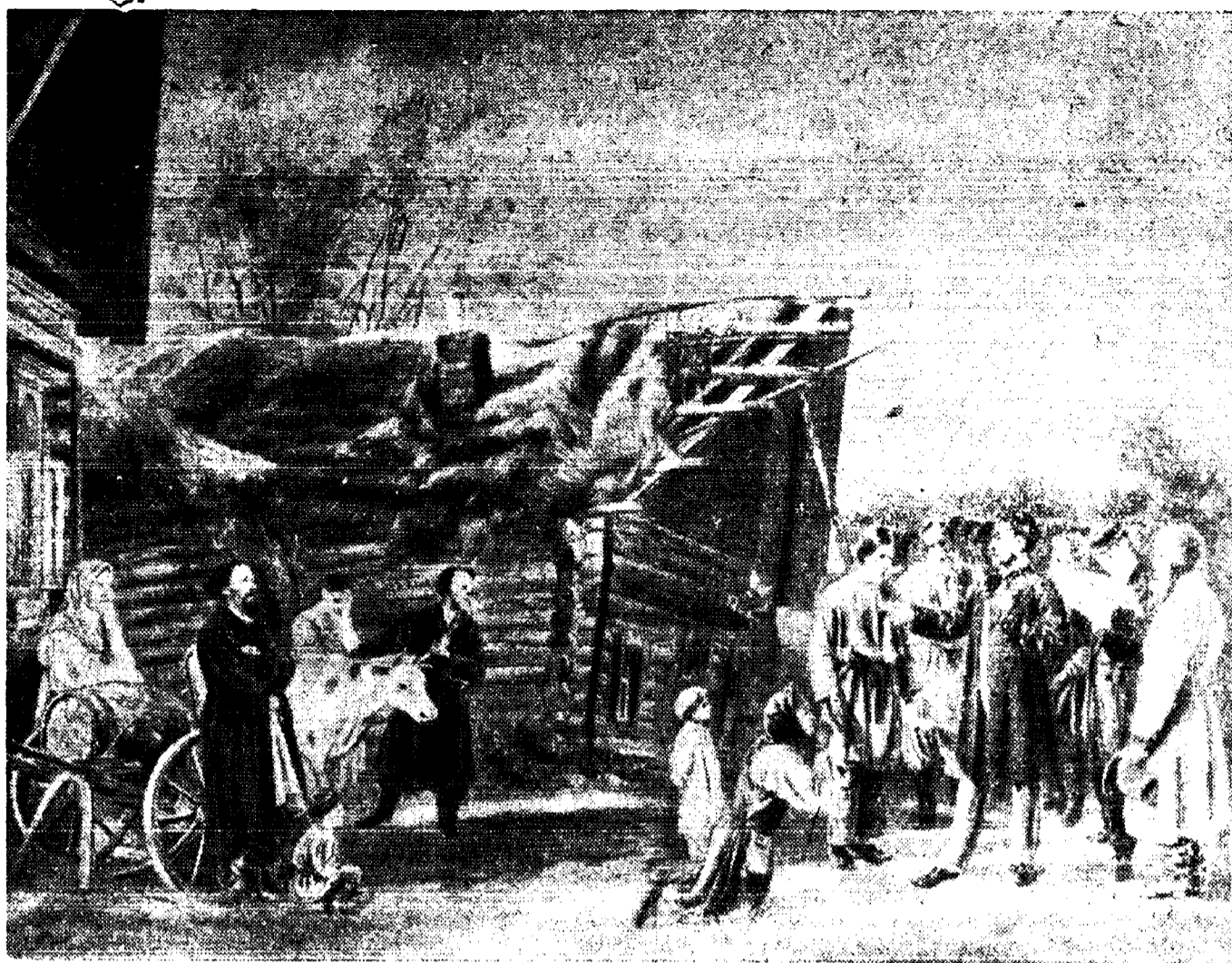
¹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА). Фонд департамента полиции исполнительной. Д. 320, л. 1. 1853 год.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же. Список со всеподданнейшего донесения управляющего гражданской частью по Ставропольской губернии от 1 февраля 1853 года, л. 8.

⁵ Там же. Секретный рапорт секретаря кавказской консистории, л. 14.

Взыскание недоимок.

С картины Пукирева.

тежников и произвела бы вредное влияние на другие имения»¹.

Но даже такое жестокое усмирение крестьян не привело к желаемым результатам. Недовольство все нарастало. Для окончательного устрашения крестьян и установления прежнего порядка в имении помещика Калантарова генерал-губернатор оставил на несколько месяцев в селении Маслов Кут военную команду.

Известия об этих событиях дошли до Николая I, повелевшего произвести следствие о причинах возмущения крестьян.

Оказалось, «что Калантаров позволил себе обременять крестьян непомерными налогами и тяготами. Между прочим, он заставил вместо определенных по закону в пользу владельца 3 дней в неделю работать несколько недель сряду, предоставляя равное число дней в пользу крестьянина, но тогда уже, когда удобное для работ время

прошло, а также посылал крестьян для городских работ в дальние места, насчитывая в их пользу те дни, которые они провели в следовании туда и обратно»².

Николай I, боясь обострения классовой борьбы между крестьянами и помещиками, вынужден был даже издать секретный правительственный указ, в котором подробно излагались и критиковались действия помещика Калантарова. Опасаясь, что подобные случаи злоупотребления помещичьей властью могут быть и в других местах, Николай «признал необходимым в строго секретном порядке предупредить предводителей дворянства, чтобы они сами наблюдали и при всех случаях внушали помещикам о соблюдении закона, по которому крестьяне обязаны работать в пользу помещика только 3 дня в каждую неделю»³.

Но этот указ ни в какой мере не

¹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА). Секретный рапорт секретаря кавказской консистории, л. 10.

² Там же. Отношение председателя Государственного совета от 3 ноября 1853 года, л. 62.

³ Там же. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 600, л. 63. 1855 год.

улучшил положения крепостных крестьян.

2

Крымская война протекала в условиях обостренной классово-крестьянской борьбы внутри Российской империи. Крестьянские движения охватили почти всю страну.

В июле 1853 года в трех поселках, принадлежавших помещице Задонского уезда баронессе Вревской, крестьяне отказались повиноваться приказаниям владелицы и ее управляющего.

1909 крепостных отказались выйти на барщину: они сместили старосту и настойчиво требовали высылки из имения заведующего хозяйством вольноотпущенного Акимова и назначения нового управляющего, избранного из их среды.

Воронежский губернатор для усмирения крестьян послал офицера корпуса жандармов со 130 солдатами. По прибытии в один из поселков, где было собрано до 200 крестьян, они приступили к усмирению. 4 руководителя движения были арестованы, но крестьяне, разделившись на 3 партии, освободили их и вынудили воинскую команду отступить в соседнее имение. Вооруженные дубинами, копьями и вилами, восставшие нагнали команду и потребовали выдачи начальников. Солдаты стреляли в толпу. Несмотря на наличие большого количества раненых и убитых многие из крестьян преследовали чиновников и гнались за экипажами, быстро удалявшимися по проселочной дороге. Получив донесение об этом, губернатор послал 436 человек из гарнизонного батальона и вслед за этим сам отправился для усмирения крестьян и уничтожения возникших беспорядков.

17 августа 1853 года военный министр довел до сведения министра внутренних дел о недовольстве Николая I медлительностью местных властей при подавлении восстания. Царь приказал немедленно послать полковника графа Крейца для строжайшего расследования причин бунта, а губернатору повелел действовать решитель-

но и восставших судить военным судом, приводя приговор сразу в исполнение¹.

Специально учрежденная, военно-судебная комиссия 19 сентября присудила 9 человек к наказанию шпицрутенами, а остальные «бунтовщики» были подвергнуты полицейскому взысканию.

Следующее крестьянское восстание возникло в селе Красный Кут, Екатеринославской губернии. По смерти своего помещика Папкова крестьяне отказались повиноваться назначенному опекуну. Они заявили, что помещик Папков умер бездетным и потому они считают себя свободными. Прибывшая в Красный Кут 27 июля 1853 года сводная рота из 103 человек оказалась бессильной в борьбе с крестьянами. Только после посылки сводного экзекуционного батальона, состоявшего из 449 человек, удалось усмирить восставших. Усмирители арестовали 160 крестьян, которые были преданы военному суду.

Через 2 месяца, к моменту окончания следствия, крестьяне селения Красный Кут вторично восстали.

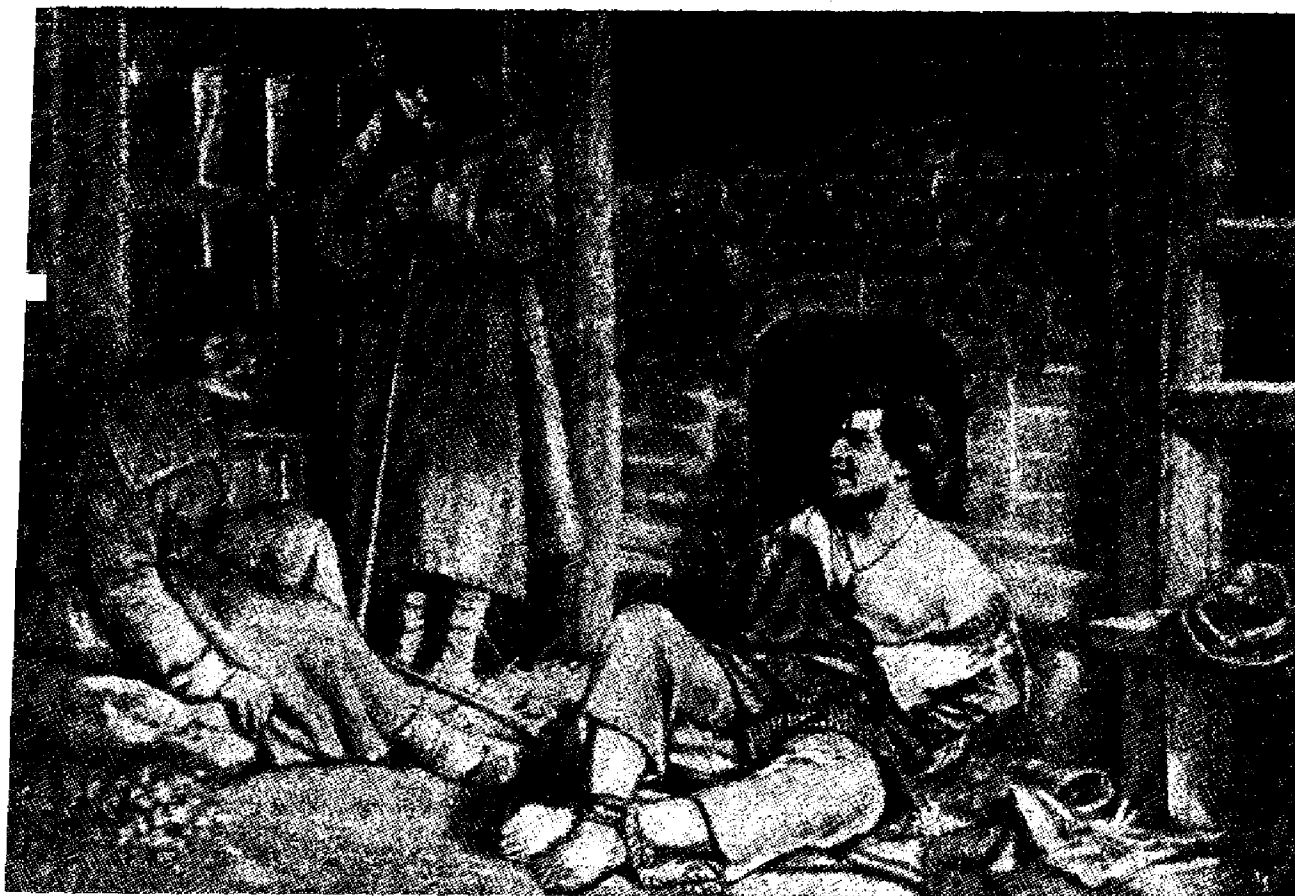
Они требовали освобождения арестованных из-под стражи и возвращения лиц, преданных военному суду.

На этот раз активное участие в движении принимали женщины. Восставшие открыто отказались признать над собой власть наследников умершего помещика и повиноваться местному начальству. Среди крестьян окрестных деревень велась агитация о совместном выступлении против помещичьей власти.

Губернатор Фабр, руководивший подавлением восстания, в рапорте на имя Николая I сообщал, что настойчивость и упорство в действиях восставших объяснялись наличием в Красном Куте фабрики, на которой работали крепостные помещика Папкова. Фабричные люди, по заявлению губернатора, вносили в крестьянскую среду «дух закоренелой непокорности и неуважения к господской власти».

Под влиянием событий в Красном Куте начали возникать беспорядки и

¹ ЛОЦИА. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 845, л. 4. 1853 год.

Включенные крестьяне в холодной.

С карт. Попова.

соседних имениях, что заставило правительственных чиновников особенно торопиться с подавлением восстания. Против восставших послана была эскадрилья сводного батальона в количестве более 600 человек, которая применением вооруженной силы привела в повиновение крестьян. Сразу же приступил к действию специально учрежденный военный суд. За невыполнение распоряжений помещика и сопротивление военной команде, на основании свода военных постановлений, суд приговорил: Ивана Орленко как организатора восстания наказывать шпицрутенами, прожав через 1000 человек 6 раз; 12 человек наказывать шпицрутенами, прожав через 500 человек 6 раз, а «Ивана Земнева и Федора Ткаченко, коим в 1853 году было отроду только по 15 лет, наказывать розгами до 300 ударов, затем по лишении всех прав состояния сослать в каторжную работу на заводах на 4 года, а остальных 12 человек — на 6 лет»¹.

В селе Губинском, Покровского уезда, Владимирской губернии, при вводе

во владение новой помещицы—Поморцевой, купившей имение у помещика Козлова, крестьяне при первом известии о прибытии чинов земского суда для объявления этого решения разбежались и скрылись в соседнем лесу.

Во всей деревне чиновники застали только старосту и 5 старух.

В отношении военного губернатора министру внутренних дел от 7 августа 1854 года по этому поводу указано, что крестьяне не признают над собой помещичьей власти, оброку помещице не платят, государственных повинностей не исполняют и от рекрутства скрываются в бегах².

Движение крепостных села Губинского заслуживает особого внимания. На протяжении 15 лет крестьяне не повиновались прежнему владельцу Козлову; сменившая его помещица Поморцева в течение 6 лет также не могла подчинить крестьян и заставить их платить полностью оброк и отправлять остальные повинности. 4 раза крестьяне посылали ходяков с прошениями в Петербург: в июне 1846 года и в сентябре 1854 года прошения были переданы Николаю I, в январе 1855 года — Александру II и в июне 1855 года — великому князю Константину.

¹ ЛОЦИЯ. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 844, л. 36. Репорт генерал-адъютанта Анненкова министру внутренних дел. 1853 год.

² Там же. Д. № 934, л. 3. 1854 год.

Сквозь строй. С рис. Штерна.

При аресте ходоков крестьяне собирались на тайные сходки, где обсуждали вопрос об освобождении арестованных и выбирали новых ходоков и производили денежные сборы на их посылку. Крестьяне сделали себе печать и изготовляли документы для свободного проживания в разных губерниях.

Военные команды, неоднократно посылаемые для приведения крестьян в покорность, не добились никаких результатов. Экспедиционная команда в 100 человек, посланная в мае 1857 года, оставалась в селе Губинском больше года, потому что оказавшиеся в деревне налицо 66 крестьян внешне из'явили покорность, но подати платили неудовлетворительно.

3

Вступление в марте 1854 года в войну Англии и Франции породило среди крестьян слухи о том, что европейские державы начали войну с целью освобождения их от крепостной зависимости.

Калужский гражданский губернатор 18 июня 1854 года в секретном донесении на имя министра внутренних дел сообщал: «Между заводскими ге-

нерал-майора Мальцева ведутся разговоры о том, что будто Англия объявила войну России с целью дать свободу всем помещичьим крестьянам. Первоначально слухи возникли в чугуноплавильном Людиновском заводе, расположенном в 30 верстах от г. Жиздры»¹.

В других местах возникли слухи об освобождении крестьян от крепостничества англичанами и французами в Крыму.

Десятки и сотни крестьянских семейств снимались с места и уходили на юг России, где предполагали получить волю.

Из села Нижнего Чуева, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, 70 крестьян в ночь с 17 на 18 июля под предлогом поездки на сенокос уложили на 24 телегах свое имущество и бежали из имения².

134 крепостных помещика Рогачева, в деревне Тумалейке, Краснослободского уезда, Пензенской губернии, в августе 1854 года также, взяв свое имущество, с женами и детьми скрылись из деревни³.

Курский гражданский губернатор в донесении в министерство внутренних дел от 3 сентября 1853 года сообщал, что крестьяне помещиков Львовского уезда в количестве 31 человека одновременно бежали, чтобы поселиться близ Одессы и Черного моря⁴.

В 1855 году министерство внутренних дел командировало особых чиновников в Нижегородскую, Саратовскую и Симбирскую губернии для организации поимки беглых крестьян, направлявшихся на юг и югозапад России в поисках свободы.

Общеизвестны факты движения крестьян 10 губерний весной и летом 1854 года по поводу призыва в морское ополчение и выступления крестьян в 7 губерниях в связи с призывом в государственное ополчение. Крепостные под влиянием слухов о том,

¹ ЛОЦИА. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 1130, л. 1. 1854 год.

² Там же. Д. № 967, л. 3. 1853 год.

³ Там же. Д. № 947, л. 1—25. 1854 год.

⁴ Там же. Д. № 980, л. 1. 1853 год.

Проводы новобранца.

С карт. Решина.

что записавшиеся в ополчение получат вместе с семьями волю, толпами являлись в уездные и губернские города с изъяснением желанья служить в армии¹.

В мае 1854 года в Ветлужском уезде, Костромской губернии, крестьяне помещицы Брюн де Сент-Ипполит явились к местному уездному предводителю дворянства с «жалобой на обременение их господскими работами и с изъяснением желанья поступить на военную службу, потому что они из рассказов других крестьян слышали, будто бы каждый человек, который по собственной своей воле пойдет служить в действующую армию, заслужит тем вольность всему своему семейству и если останется в живых, то получит 20 рублей серебром награждения и впоследствии дети его будут иметь много привилегий»².

Правительство не только отказывало крестьянам в приеме на военную службу, но рассматривало это движение как бунт и подавляло его вооруженным путем.

В Васильевском и Сквирском уездах, Киевской губернии, во время са-

¹ И. И. Игнатович «Помещицы крестьяне накануне освобождения», стр. 314—320. 3-е изд. 1925.

² ЛОЦИА. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 1001, л. 5. 1854 год.

мого разгара севастопольской войны, в апреле 1855 года, крестьяне прекратили работать на помещиков и требовали от священников, чтобы они огласили царский указ о воле.

Штабскапитан С. С. Громеки, участвовавший в подавлении восстания крестьян, сообщает, что в селе Березной собралась из окружных деревень толпа в 4—5 тысяч человек, заперев 4 священников в церкви, принуждала их к прочтению указа о свободе.

В селе Трошки около 2 тысяч крестьян заявили Громеки: «На панцину не пойдем, пока царь не пришле нам резолюции на наше прошение». Быков-Гребля пишет Громеки, что на вопрос о том, пойдут ли они на барщину, крестьяне ответили: «На панцину? Ни. На панцину не пойдем». Объяснениям, что нельзя всем идти на войну и что царь не требовал ополчения с Киевской губернии, крестьяне не верили.

Киевский генерал-губернатор вместе со специально посланным из Петербурга генерал-адъютантом Яфимовичем руководил воинскими частями, подавлявшими крестьянское восстание, сопровождавшееся 4 крупными столкновениями мирных жителей с солдатами³.

³ С. С. Громеки «Киевские волнения в 1855 году», стр. 4—15. СПб. 1863.

Изъявляя желание служить в ополчении при условии освобождения от крепостной зависимости, крестьяне очень часто оказывали сопротивление при рекрутских наборах. В той же, Киевской губернии крестьяне дезертировали от рекрутской повинности, и во избежание побегов им набивали на ноги деревянные колодки.

В Богословской волости, Череповецкого уезда, крестьяне открыто выказывали недовольство призывом и оказали неповиновение местному начальству¹.

12 ноября 1855 года крестьяне-татары Тимершинской волости, Казанской губернии, оказали сопротивление волостному и сельскому начальству во время проверки призывных списков².

4

Война России с Турцией сопровождалась движением среди татарского населения в Крыму, в Оренбургской губернии и среди недавно покоренных царизмом народов Кавказа.

Крестьяне-татары Крымского полуострова, будучи пораженчески настроены, активно выступали против помещичьей кабалы и царского правительства. Они организовывали небольшие отряды, в 100—200 человек, которые нападали на дворянские усадьбы и на царские воинские части; они помогали союзнической армии и в снабжении.

В деревне Кобкарах, Евпаторийского уезда, в ночь с 18 на 19 сентября 1854 года группа крестьян захватила стадо грека-помещика Юрия Афанасьева в количестве 270 голов рогатого скота, 2000 овец и 134 лошадей. Весь этот скот крестьяне передали неприятелю в Евпатории³.

В сентябре же крестьяне разгромили имения генерала Попова, помещиков Казначеева, Рокова, Ревилисти, церковь в селе Шихмаре и др.

Исправляющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в докладе на имя Николая I сообщал о непокорности татарского

населения в некоторых частях Крыма. Для пресечения возникших беспорядков в самом начале, 8 октября 1854 года царь повелел повесить несколько человек из числа тех татар, которые будут взяты с оружием или уличены в сношениях с неприятелем⁴.

Принятые меры устрашения, конечно, не смогли остановить волну крестьянского движения. Уже в декабре 1854 года главнокомандующий военными силами в Крыму Меншиков писал о невозможности на месте предать полковому суду более 200 татар, задержанных у Евпатории с оружием в руках, потому что это может вызвать еще большее недовольство среди населения. Всех явно уличенных в измене решено было судить в Екатеринославе.

В 1854 году высшее магометанское духовенство Таврической губернии и депутаты от татарского купечества Симферополя, Бахчисарая, Евпатории и других городов предложили на свой счет сформировать кавалерийскую дружину из татар. Меншиков принял их предложение, однако он считал необходимым дружину по сформированию вывезти из Крыма и снабдить оружием в тех местах, где это было бы признано наиболее безопасным.

В октябре 1854 года таврическое магометанское духовенство представило свое постановление губернатору, в котором осуждалось выступление татарского населения против правительства. Депутация от магометанского духовенства принята была Меншиковым. «Представители эти, — писал Меншиков военному министру 27 октября 1854 года, — сколько мог я заметить из слов их, душевно скорбуют об измене некоторых из их единоверцев и с истинным негодованием к изменникам просят из числа их предать для примера смертной казни от 50 до 100 человек. Я сделал распоряжение о предании суду на основании полевых военных законов тех из главнейших зачинщиков, которые будут выданы главным мусульманским духовенством Таврической губернии»⁵ (разрядка моя. — А. Ш.).

⁴ Там же.

⁵ ЛОЦИА. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 1057. 1854 год.

¹ ЛОЦИА. Фонд департамента полиции исполнительной. Д. № 698. 1854 год.

² Там же. Д. № 2975. 1855 год.

³ ЛОЦИА. Фонд А. С. Меншикова, св. 39. Д. «О крымских татарах во время войны 1854—1855 годов». 1854 год.

В январе 1854 года в донесении в министерство внутренних дел подполковник корпуса жандармов Рунов сообщил, что «неблагонамеренные люди весьма скрытно распускают молву между татарами Оренбургской губернии о небывалых успехах турецкого оружия и неудачах русских войск. Ныне эта молва в г. Уфе и некоторых уездах снова начала усиливаться и сделалась почти общей»¹.

В Мензелинском и Бирском уездах, Оренбургской губернии, черемисы и тептяри оказали сопротивление миссионерам - священникам, занимавшимся обращением их в православную веру. Среди магометанского же населения распространился слух, что царь решил всех обратить в христианскую веру.

Правительственные чиновники писали в министерство внутренних дел и синод о своем бессилии вести борьбу с этими слухами, ибо репрессии приводят к увеличению количества недовольных и обостряют и без того напряженное положение в губернии.

Для полноты картины политической неустойчивости царизма в годы крымской войны необходимо особенно подчеркнуть одно из самых уязвимых мест дворянской монархии — национально-освободительное движение в Белоруссии, Прибалтике, Украине и на Кавказе.

В Грузии, Абхазии, Дагестане царизму приходилось вести открытую войну с национально-освободительным движением.

Донесения начальника Черноморской линии, главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом посвящены исключительно сообщению об

¹ ЛОЦИА. Фонд Меншикова, св. 39, то же дело.

упорной и самоотверженной борьбе народов Кавказа с царизмом.

Еще до официального разрыва между Россией и Турцией начальником Черноморской береговой линии Серебряков писал Меншикову: «Кавказские племена приготовляются действовать против нас соединенными силами. Магомет Амин призывает все племена к оружию. Он готовит вторжение в Абхазию, утверждая, что поведет горцев навстречу турецкому войску через этот край, Мингрелию и Гурию. Особенно они тревожат наши войска в Анапском округе. В конце июля 1853 года несколько тысяч их атаковали Тенгинское укрепление. Главные усилия неприятеля были направлены на блокгауз. Доскакав до рва, они сошли с лошадей и кинулись на приступ. Часть их влезла на крышу блокгаузной галлерей, а другая штурмовала полисад бруствера, ограждающего дворик блокгауза, в котором помещаются азовские лодки. Предварительно, до атаки, нападающие бросили в этот дворик какой-то горючий состав, которым было обожжено 5 человек. Упорные атаки на блокгауз были отражены»².

Национально-освободительное движение на Кавказе представляло в эти годы грозную опасность для царизма. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что для царизма «...Грузия является вражеской страной, а не дружественной, Грузия, эта русская Польша на Кавказе»³.

Так угнетенные крестьяне России вместе с крестьянами покоренных национальностей боролись с царским игом, будучи еще не в силах сбросить его.

² Там же. Д 7. 1853 год.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 555.

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

1

Переход партии к новой экономической политике весной 1921 года сыграл решающую роль в подготовке тех величайших завоеваний по построению социалистического общества, свидетелями которых мы являемся. Новая экономическая политика была единственно правильной хозяйственной политикой, обеспечившей победу социалистического строя в СССР.

«Мы теперь, — писал Ленин в 1921 году, — совершаем стратегическое отступление, которое даст нам более широкий фронт наступления в ближайшем будущем, даст экономическую, прочнейшую смычку с миллионами мелких крестьян, с массой крестьянства, сделает наш союз, союз рабочих и крестьян, основу всей нашей советской революции, всей нашей советской республики, непобедимым»¹.

Поднять разрушенные империалистической и гражданской войной производительные силы страны, в первую очередь сельское хозяйство, а затем и тяжелую промышленность, создать экономический базис для укрепления союза рабочего класса с крестьянством через развитие товарооборота — сомкнуть передовую социалистическую экономику с отсталой крестьянской для того, чтобы вовлечь широчайшие массы крестьянства под руководством пролетариата в дело строительства социализма, — такова была очередная задача.

Допуская при этом некоторую свободу частной торговли, аренды, кон-

цессии, которые тогда были необходимы для успешного восстановления народного хозяйства, партия предвидела, что это приведет на некотором этапе к временному, частичному усилению частнокапиталистических элементов в стране, но партия имела ясную перспективу наступления социализма на частнокапиталистические элементы, четкую линию борьбы за осуществление ленинской задачи — Россию нэповскую превратить в Россию социалистическую.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»².

Такова исключительная по своей четкости и полноте характеристика нэпа, данная товарищем Сталиным.

Но разбитые в открытой политической борьбе и гражданской войне классовые враги пролетарской диктатуры: буржуазия, кулаки, значительные слои старой, буржуазной интеллигенции и их партии — эсеры и меньшевики — 15 лет назад, когда в 1921 году Советская страна перешла к новой экономической политике, наделись, что введение нэпа будет началом восстановления капитализма в России, началом буржуазного перерождения пролетарской диктатуры.

Классовые враги рассчитывали на то, что советская власть будет вынуждена все шире и шире открывать дорогу частному капиталу и допустит в страну международный капитал.

Первые годы нэпа были годами, когда в Советской стране, при сохранении за пролетарским государством всех командных высот, имел место все же довольно сильный рост частнокапиталистического сектора, особенно в

¹ Ленинский сборник XXIII, стр. 286.

² И. Сталин «Об оппозиции», стр. 211. Гиз. 1928.

розничной торговле, которая почти целиком была захвачена частником, причем частный предприниматель делал неоднократные попытки нарушить советское законодательство. Этим попыткам был дан решительный отпор. Так например в декабре 1921 года в Москве происходил судебный процесс над 40 частными предпринимателями, обвинявшимися в установлении недопустимо продолжительного рабочего дня, в приеме рабочей силы помимо биржи труда, в невзносе страховых платежей и т. д.

Вредительство того периода со стороны части старой, буржуазной интеллигенции (например в Донбассе) совершалось в расчете на скорую гибель советской власти, на сохранение для прежних владельцев-капиталистов их предприятий. Для проведения в жизнь поставленной перед собой задачи вредители всеми мерами пытались воспрепятствовать разработке и добыче угля пролетарским государством: затапливали и взрывали шахты, объявляли участки нерентабельными.

Антисоветски настроенная часть буржуазной интеллигенции пыталась использовать так называемые общественные с'езды как легальные возможности для борьбы с советской властью. Такая попытка была сделана по отношению к с'езду геологов, с'езду врачей весной 1922 года, к с'езду кооператоров летом 1921 года. Антисоветские элементы попытались превратить «Всероспомгол»—организацию по оказанию помощи голодающим Поволжья—в организацию для борьбы с советской властью, но были разоблачены, а контрреволюционные деятели комитета во главе с Прокоповичем, Кусковой и Кишкиным были высланы за пределы Советской России.

Для характеристики того периода очень показателен целый ряд антисоветских выступлений со стороны реакционной профессуры, в частности против рабочих факультетов. Яркими фактами классовой борьбы являлись выступления церковников против изъятия ценностей из церквей и монастырей, необходимых тогда государству для оказания помощи голодающим. Классовый враг пытался проникнуть в кооперацию, в высшие учеб-

ные заведения, чтобы пропагандировать там свои антисоветские взгляды.

«Антисоветские партии и течения,—отметила XII конференция РКП(б) в августе 1922 года,—систематически пытаются превратить сельскохозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контрреволюции, кафедру высших учебных заведений—в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство—в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.»¹.

Из легальных изданий, в которых антисоветские течения стремились свить себе гнездо, надо прежде всего указать на журнал «Экономист», издававшийся XI отделом Русского технического общества. Это общество включало в свой состав не только инженеров и техников, но также адвокатов, торговцев и бывших капиталистов. В числе руководителей Русского технического общества были такие, впоследствии известные вредители, как Пальчинский² и Рабинович³. Переход к нэпу активизировал деятельность общества. Вслед за первым общим собранием XI отдела РТО, происходившим в январе 1921 года, на протяжении всего этого года состоялось 26 общих собраний; к январю 1922 года отдел насчитывал уже 68 действительных членов. В феврале 1922 года вышел № 1 журнала «Экономист», в марте—№ 2, в апреле—№ 3, в июне—№ 4—5⁴. Журнал «Экономист», являясь органом наиболее антисоветской части старой, буржуазной интеллигенции, представлял собой не что иное, как теоретический штаб нэповской буржуазии.

Со страниц этого журнала велась проповедь свободы капиталистической эксплуатации, отмены монополии

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 475.

² П. И. Пальчинский—кадет, инженер, товарищ министра торговли и промышленности в правительстве Керенского, вдохновитель саботажа промышленников в 1917 году. Расстрелян за вредительство в золото-платиновой промышленности.

³ Л. Г. Рабинович—инженер-капиталист, впоследствии один из главных обвиняемых на шахтинском процессе вредителей в 1928 году.

⁴ См. А. Бубнов «Буржуазное реставраторство на втором году нэпа», стр. 55. Изд. «Прибой». 1923.

внешней торговли, восстановления буржуазного правопорядка и пр. «Журналисты» пытались всячески развенчать коммунистическую идеологию и политику. Так например небезызвестный Питирим Сорокин¹ выступил там со статьей «Голод и идеология общества», в которой этот «профессор социологии» Петербургского университета заявлял, что «...голод у голодных... должен вызывать появление, развитие и успешную прививку... коммунистически-социалистической идеологии», и затем «пророчил», что «...с ростом благосостояния масс кривая успеха коммунистической идеологии падает»².

Насчет монополии внешней торговли «Экономист» писал следующее:

«Пора отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена, ибо... наряду с государством могут существовать и самостоятельные производители и потребители, которым надо дать возможность непосредственно связаться с мировым рынком»³.

А. Рафалович в статье «Новая экономическая политика» ратовал за восстановление буржуазного правопорядка и развитие частного капитала.

«При существующих у нас условиях, — писал Рафалович, — лишь предоставление самого широкого простора частной хозяйственной деятельности, обеспеченной в свою очередь необходимой правовой и моральной обстановкой, может еще спасти страну от дальнейшего разрушения и гибели»⁴.

2

Наиболее тонко, с «философско-историческим» обоснованием, надежды буржуазии на перерождение советской власти выразили «сменовеховцы» — группа белоэмигрантских литераторов во главе с Устряловым.

В июле 1921 года в Праге вышел сборник «Смена вех», в котором были помещены статьи Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В.

¹ П. А. Сорокин — правый эсер, член Учредительного собрания, в 1922 году выслан за границу.

² «Экономист» № 4—5 за 1922 год, стр. 4 и 30.

³ «Экономист» № 2 за 1922 год, стр. 131, статья Рафаловича.

⁴ Там же, стр. 133—135.

Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина.

Исторические нити связывали сборник «Смена вех» с другим сборником — «Вехи», вышедшим в Москве в 1909 году.

И тот и другой сборник издавались кадетами. В сборник «Вехи» в 1909 году входили статьи Бердяева, Булгакова, Гершензона, Кистяковского, П. Б. Струве, Франка и Изгоева; авторами «Смены вех» также были кадеты и октябристы.

Сборник «Вехи» (1909 год) В. И. Ленин охарактеризовал как «позорно-знаменитую» книгу. Влиятельнейшие кадетские публицисты в своих статьях, помещенных в этом сборнике, в условиях разгула реакции, после поражения революции 1905 года, откровенно выступили в поход против революционного демократизма с проповедью смирения и сплочения вокруг царской монархии, стремясь развенчать революционное движение. Например М. О. Гершензон в своей статье «Творческое сознание» с циничной откровенностью заявлял:

«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁵.

По поводу этой фразы Гершензона В. И. Ленин писал:

«Эта тирада хороша тем, что откровенна, — полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905—1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех»⁶.

В целом сборник «Вехи» Ленин охарактеризовал как знаменитую ренегатскую книгу, «...в которой вчерашние сторонники свободы обливали помоями и грязью борьбу масс за свободу, при чем демократические массы рабочих и крестьян изображались в качестве стада, ведомого «интеллигенцией», — избитый прием всех черносотенцев»⁷.

⁵ Сборник «Вехи», стр. 88. 1909.

⁶ Ленин. Т. XIV, стр. 223.

⁷ Ленин. Т. XVI, стр. 364.

Появление сборника «Вехи» отражало позицию буржуазного либерализма после революции 1905 года. «Буржуазия, — писал Ленин, — испугалась самостоятельности рабочих и пробуждения крестьян. Буржуазия, особенно наиболее богатая, оберегая свое положение эксплуататора, решила: лучше реакция, чем революция»¹.

Характерно, что меньшевики-ликвидаторы и троцкисты, являясь проводниками буржуазной идеологии в массы пролетариата, в своих контрреволюционных установках, по сути дела, повторяли идеи «веховцев».

«Трагикомедия ликвидаторства, — писал Ленин, — в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев»².

В 1909 году кадеты выступили с «Вехами»; через 12 лет, после победы пролетарской революции, в 1921 году, вчерашние ярые враги этой революции выступили со «Сменой вех», в которых звали белоэмигрантскую интеллигенцию вернуться из эмиграции в Советскую Россию для «сотрудничества» с советской властью, «идти в Каноссу».

«Кто не хочет быть с русской интеллигенцией и русской революцией, — писал «сменовеховец» Ю. В. Ключников, — тот враг и России и мировому прогрессу»³.

С внешней стороны, если не вдаваться в существо вопроса, ключниковские писания 1921 года кажутся полной противоположностью гершензонских 1909 года. Что же толкнуло вчерашних маститых контрреволюционеров (Устрялов и Ключников были министрами в правительстве Колчака, Бобрищев-Пушкин и Потехин помогали Деникину) заявлять о своем «примирении» с советской властью?

На это можно ответить очень кратко: введение нэпа. Для этих практических политиков буржуазии, окончательно убедившихся в тщетности усилий сломить пролетарскую диктатуру в открытой гражданской вой-

не, чуждых истинного понимания существа и закономерностей социалистической пролетарской революции, введение нэпа явилось «мысом Надежды» по пути превращения Страны советов в заурядную буржуазную республику. К социалистической революции они подходили с избитой «схемой» буржуазной революции, надергивая «анalogии» из эпохи французской революции XVIII века. В надежде на повторение «термидора» их разгоряченное воображение рисовало нэп как начало «спуска революции на тормозах», как начало буржуазного перерождения пролетарской диктатуры. И они звали «идти в Каноссу» — вернуться из белогвардейской эмиграции в Советскую Россию для строительства «возрождающейся новой России». На самом же деле они «примирялись» с Советской Россией лишь постольку, поскольку надеялись на ее буржуазное перерождение. Вслед за выпуском сборника «Смена вех» начали выходить в Париже еженедельный журнал того же названия и «сменовеховская» газета «Накануне».

Наиболее откровенно действительную идеологическую сущность и позицию «сменовеховства» охарактеризовал Устрялов.

В сборнике «Смена вех» под общим названием «Patriotica» были помещены выдержки из его книги «В борьбе за Россию», вышедшей в Харбине в 1920 году, и статья под названием «Путь термидора».

Надежды на перерождение пролетарской диктатуры были выражены здесь с достаточной прямоотой. Еще более ясно свои взгляды Устрялов выражал в последующих статьях.

В № 3 журнала «Смена вех» от 12 ноября 1921 года, в статье под названием «Национал-большевизм», Устрялов писал:

«На наших глазах происходит то тактическое «перерождение большевизма»... ориентация на которое есть один из основных элементов национал-большевистской (так величал свою концепцию Устрялов. — Л. Б.) идеологии и тактики».

Лучше всего свое действительное, контрреволюционное нутро «сменове-

¹ Ленин, Т. XVI, стр. 364.

² Ленин, Т. XV, стр. 82.

³ «Смена вех» за июль 1921 года, стр. 29. Прага (издание, перепечатанное в Твери).

ховцы» выявили в полемике с теми элементами белой эмиграции, которые выступили с критикой установок «Смены вех».

В ответах «сменовеховцев» их критикам из собственного лагеря как бы слышалось: «Напрасно беспокоитесь, господа! Не такие уж мы в самом деле «красные»!»

Некий М. Григорьев в № 3 «Смены вех», в статье «Денационализация промышленности», яро нападая на национализацию промышленности, ратовал за денационализацию ее.

«Фабрики и заводы, — писал Григорьев, — были крепостями частного капитала, и большевики, объявив последнему войну по всему фронту, взяли прежде всего приступом его укрепленные позиции. Поэтому меру эту нельзя признать проведенной в надлежащий момент и в разумной форме».

Зато он мечтал, что «...данные формы эксплуатации промышленных предприятий (аренда и тресты) являются в исторической перспективе лишь этапами экономической реставрации, постепенного возвращения от коммунистических замыслов к капиталистической действительности».

Он лелеял надежду на то, что «...фикция аренды еще более станет похожа на настоящую собственность, которая, в конце концов, может быть и легализована»¹.

Укрепление международного положения Советской России «сменовеховцы» рассматривали как поворот в сторону восстановления принципов и политики помещичье-капиталистической «единой неделимой России».

Им, великорусским шовинистам, конечно, недоступно и чуждо было понимание того, что пролетариат, уничтожив до основания национальное угнетение, сможет на новых основах объединить все народы, превратить свою страну в могучую социалистическую родину, в ударную бригаду международного пролетариата.

Мыслям и надеждам об экономическом и политическом перерождении пролетарской диктатуры сопутствовали мечты о возрождении религиоз-

ном, о развязывании поповщины и мракобесия.

От буржуазных экономистов и публицистов не отставали и буржуазные философы. Петербургское философское общество, возобновившее свою деятельность в феврале 1921 года, на протяжении всего года имело 14 собраний и «возблаговестило» о своем возрождении выпуском ряда номеров журнала «Мысль» (№ 1 вышел в феврале 1922 года, № 2 — в апреле, № 3 — в июне), в котором проповедывались реакционнейшие философские взгляды, идеализм и поповщина.

Не все «сменовеховцы» были так откровенны в своих писаниях, как Устрялов и подобные ему. Многие из них прикидывались чуть ли не сто процентными «коммунистами».

В первый период выступлений «сменовеховцев» кое-кто из членов партии переоценивал прогрессивное значение «сменовеховства» на том этапе, видя в нем по преимуществу примирение с советской властью и не вскрывая его контрреволюционного содержания, как идеологии, возлагающей надежды на перерождение пролетарской диктатуры.

В дальнейшем — в связи со все возрастающими успехами социалистического строительства, по мере изоляции новой буржуазии и кулачества от широких трудящихся масс и перехода большинства старой интеллигенции на сторону советской власти — надежды «сменовеховцев» на перерождение советской власти таяли.

Чрезвычайно симптоматичны в этот период те нотки сомнения в возможности перерождения советской власти, которые можно найти даже у наиболее устойчивого в своих «сменовеховских» идеях Устрялова. Мы имеем в виду очерк Устрялова «У окна вагона», напечатанный в «Новой России» (№№ 2 и 3 за 1926 год), посвященный поездке Устрялова из Харбина в Москву и обратно. Если, с одной стороны, Устрялов цитировал слова поэта о том, что «не тронуты в душе все лучшие надежды и не иссякло в ней русло творящих сил», причем под «лучшими надеждами» следует, оче-

¹ «Смена вех» № 3, стр. 6.

видно, понимать «сменовеховские» установки Устрялова, то, с другой стороны, «у окна вагона» Устрялову приходили в августе 1925 года такие мысли, которые свидетельствовали о том, что «лучшие надежды» пошатнулись.

«Новые времена (не 1920—1921 годы, а 1925 год. — Л. Б.), — пишет Устрялов, — новые песни. Не скрою, в этой новой атмосфере и сам я подчас начинал себя чувствовать словно чуждым, далеким, слишком старомодным человеком. Тоже «человеком заката». Словно за бортом жизни, за бортом истории». В чем же причина уныния Устрялова? О ней он говорит на той же странице: «Как бы то ни было, революция, несомненно, обзавелась социальным кислородом, у нее есть свои верные батальоны, на которые она может положиться при всяких обстоятельствах и в любом отношении... Рабочие Московского района в своей подавляющей массе настолько сжились с революцией и вжились в нее, что преданы ей за совесть, а не за страх».

3

На оживление буржуазной идеологии большевистская партия ответила усилением боевого теоретического фронта. Именно в этот период организуются журналы «Под знаменем марксизма», «Коммунистическая революция» и др. В № 3 «Под знаменем марксизма» за 1922 год появляется установочная, программная статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Трудно переоценить все громадное значение этой статьи, давшей действительную и до настоящего дня программу для всего философского теоретического фронта и мобилизовавшей партийную бдительность на важнейших вопросах того периода.

В этой статье Ленин полностью разоблачил журнал «Экономист» и его издателей как замаскировавшихся контрреволюционеров. «Недавно, — писал Ленин в этой статье, — мне прислали журнал «Экономист» № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Рус-

ского Технического общества». Приставший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является... органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.»¹.

В частности, Ленин уже по № 1 «Экономиста» разоблачил писания того самого Сорокина, о котором мы говорили выше. «Некий г. П. А. Сорокин, — писал Ленин, — помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны»... Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляет себя к сторонникам демократии и сочтет за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины». А насчет «ученой» преподавательской работы таких людей Ленин замечает, что «...для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста»².

Маска с лица контрреволюционеров была сорвана. Дальнейшие события как нельзя лучше подтвердили мнение Ленина о деятелях «Русского технического общества». «Экономист» был закрыт в том же, 1922 году («Русское техническое общество» было закрыто в 1929 году).

Можно привести еще пример той исключительной партийной бдительности, которую Ленин проявлял сам и которой он учил партию. Ленин, прочитав книгу С. Маслова³ «Крестьянское хозяйство», пишет следующее письмо тов. Теодоровичу, тогдашнему наркому земледелия:

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 188.

² Там же, стр. 188—189.

³ С. Л. Маслов — правый эсер, министр земледелия в правительстве Керенского, ярый выступавший против аграрной политики большевизма.

«Из новых книг я получил от Госиздата

Сем. Маслов: «Крестьянское хозяйство». 1921 г., 5-ое изд. (или 4-ое изд.).

Из просмотра видно, что насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной «ученой» ложью.

Почти 400 страниц и ничего о Советском строе и его политике, — о наших законах и мерах перехода к социализму и т. д.

Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу.

Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц.

Председ. С. Н. К. В. Ульянов (Ленин)¹.

7/VIII 1921 г.»

Необходимо отметить ту большую работу, которую провела в тот период наша партийно-советская журналистика по борьбе с оживившейся буржуазной идеологией. Например журнал «Коммунистическая революция» помещает целый ряд статей, разоблачающих буржуазную идеологию. Среди них статьи гг. А. С. Бубнова, Н. Н. Полова и др.

«Фронту возрождающейся буржуазной идеологии, — писал тов. Бубнов, — мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма»².

Большевистская партия и ее вожди Ленин и Сталин своевременно и глубоко, до конца вскрыли контрреволюционную сущность «сменовеховства» как идеологии капиталистических элементов. Выступления В. И. Ленина, в которых он до конца разоблачил подлинное, классово враждебное пролетарской революции лицо «сменовеховства», имели колоссальное значение.

В своей замечательной статье «Заметки публициста» (март 1922 года), а особенно в политдокладе XI съезду партии В. И. Ленин подробно остановился на характеристике «сменовеховцев».

В «Заметках публициста» Ленин сравнивал позицию «сменовеховцев» с позицией людей, наблюдающих «...из безопасного далека, в подзорную трубу» за стратегическим спуском человека, взбиравшегося на высочайшую горную вершину. Голоса наблюдающих людей были различны, но они стоили один другого.

«Голоса же снизу, — писал Ленин, — несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй! Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе»³.

В письме В. М. Молотову о плане политдоклада на XI съезде партии Ленин писал, что необходимо обратить внимание на «предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что нэп не «тактика», а «эволюция» большевизма»⁴.

Разоблачая «сменовеховство», Ленин характеризовал его как выражение надежд внутренних и внешних врагов на перерождение советской власти.

Ленин отмечал, что откровенные выступления Устрялова представляют собой прямую «классовую правду классового врага» и полезны, поскольку помогают мобилизовать партийную бдительность.

«Этакие откровенные враги, — говорил Ленин, — полезны, надо сказать прямо»⁵.

«Сменовеховцы, — говорил Ленин на XI съезде партии, — выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет?»⁶.

В том же докладе на XI съезде партии Ленин подчеркивает, что «...сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 478.

² «Коммунистическая революция» № 9—32 от 1 августа 1922 года.

³ Ленин. Т. XXVII, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 207.

⁵ Там же, стр. 243.

⁶ Там же.

с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг, и кто наш друг»¹.

И в дальнейшем большевистская партия продолжала беспощадно разоблачать контрреволюционную идеологию «сменовеховства».

XII конференция РКП(б) в августе 1922 года в резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» дала следующую оценку «сменовеховства».

«Так называемое сменовеховское течение, — говорится в резолюции, — до сих пор играло и еще может играть объективно-прогрессивную роль. Оно спланивало и спланивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые «примирились» с советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постолюк у сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем нельзя ни на одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.»².

В 1925 году на XIV партийном съезде товарищ Сталин, развивая ленинскую установку, дал замечательную оценку классовой сущности «сменовеховства».

«Сменовеховство, — говорил товарищ Сталин, — это — идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией. Новая буржуазия выдвинула свою идеологию, сменовеховскую идеологию, состоящую в том, что коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, при чем незаметно для нас мы, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь цезаря, который выдвинется не

то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики. Такова эта новая идеология, которая старается морочить нашу служилую интеллигенцию и не только ее, а также и некоторые близкие нам круги. Я не буду опровергать положения о перерождении нашей партии. Не стоит глупость опровергать. Наша партия не перерождается и не переродится. Не из такого материала она склеена и не таким человеком она выкована, чтобы переродиться... Если я все-таки заговорил о сменовеховцах, — продолжал товарищ Сталин, — то это для того, чтобы в двух словах ответить всем тем, которые рассчитывают на перерождение нашей партии и нашего ЦК»³.

Внутри партии агентурой классовых врагов, отражением их сопротивления побеждающему социализму являлась в начале нэпа анархо-синдикалистская оппозиция, а затем троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок, усиливший свою антипартийную, антисоветскую работу в период перехода от восстановления к социалистической реконструкции советского хозяйства.

Отражая напор оживившихся капиталистических элементов, лидеры анархо-синдикалистской оппозиции твердили о том, что нэп ведет к возрождению капитализма в России; во время кронштадтского контрреволюционного мятежа весной 1921 года Троцкий «пророчествовал», что «кукушка прокуковала» гибель советской власти. На X съезде партии, разоблачая установки анархо-синдикалистской оппозиции и Троцкого, Ленин заявил, делая предупреждение фракционерам: «Мы не забываем, что есть разные классы, что мелкобуржуазная анархическая контрреволюция есть политическая ступень к белогвардейщине»⁴.

В 1921—1927 годах контрреволюционные установки «сменовеховцев» явились пищей для различных оппозиционных течений внутри партии, отражавших давление классового врага на неустойчивые партийные элементы. Осо-

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 244.

² «ВКП(б) в резолюциях», Ч. 1-я, стр. 475.

³ И. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 54. Партиздат. 1933.

⁴ Ленин. Т. XXVI, стр. 219.

бенно много позаимствовал из «сменовеховского» багажа контрреволюционный троцкизм.

Все те «лозунги», под которыми боролась троцкистская оппозиция и в 1923 году и троцкистско-зиновьевский блок в 1926—1927 годах, все их гнусные, клеветнические обвинения партии в «перерождении», «спуске революции на тормозах», в «национальной ограниченности», «термидоре», «зажмем демократии» и пр. повторяли дословно лозунги контрреволюционного «сменовеховства».

Такое совпадение идеологии контрреволюционной буржуазии с идеологией контрреволюционного троцкизма естественно, ибо троцкистско-зиновьевская оппозиция отражала недовольство вытесняемых, идущих ко дну капиталистических элементов.

Контрреволюционный троцкизм в свою очередь вооружал антисоветские элементы в их борьбе против пролетарской диктатуры.

«Кто дал контр-революционной буржуазии, — пишет товарищ Сталин, — духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контр-революционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контр-революционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных

антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контр-революционной буржуазии¹.

Партия изгнала из своих рядов троцкистско-зиновьевскую скверну, разгромила правых оппортунистов и обеспечила победу социалистического строя в СССР.

4

Победа социализма в нашей стране получила величественное выражение в проекте новой сталинской Конституции, первая статья которой говорит, что

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

В результате победы социализма в СССР подавляющее большинство старой интеллигенции, когда-то в той или иной степени зараженной «сменовеховской» идеологией, стало прочно и бесповоротно на сторону победившего социализма. «Сменовеховство» как политическое течение уже давно стало политически мертвым.

Перед непреложным фактом победы социализма в нашей стране многие из прежних идеологов «сменовеховства» (в том числе и профессор Устрялов) должны были разоружиться и перешли в лагерь честных тружеников социалистического общества.

Но вместе с тем успехи социализма в СССР возбуждают все большую ненависть и звериную злобу всех врагов социализма, так как эти успехи означают приближение неминуемого краха капитализма во всем мире. Буржуазия, особенно ее фашистская разновидность, применяет все средства для того, чтобы сохранить свое господство, навредить Советскому союзу, восстановить власть помещиков и буржуазии на территории $\frac{1}{6}$ земного шара. И в этом деле она нашла себе

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 476. 10-е изд. Партиздат. 1934.

достоинных помощников и союзников в лице осколков бывшей разбитой и обанкротившейся троцкистско-зиновьевской оппозиции, уже давно ставшей передовым отрядом контрреволюционной буржуазии в борьбе за восстановление и реставрацию капитализма в СССР.

«В процессе ликвидации капиталистических элементов СССР одна за другой сходили с арены разгромленные и уничтоженные антисоветские, буржуазные партии — эсеров, меньшевиков; их место заняла троцкистско-зиновьевская группа, ставшая последней надеждой всех врагов социализма»¹.

Бандиты троцкистско-зиновьевского террористического центра, убивая одного из лучших сынов большевистской партии — товарища С. М. Кирова, подготавливая покушение на руководителей ВКП(б) и советского правительства, стремились добиться реставрации капиталистического строя, стремились

уничтожить победивший социалистический строй. Развернувшееся расследование дел троцкистско-зиновьевской банды показало, что для этой цели — цели реставрации капитализма в СССР — они занимались контрреволюционным вредительством в нашей промышленности, на железных дорогах, на стройках и в сельском хозяйстве, что для этой цели они не только за страх, но и за совесть выполняли в интересах мирового империализма службу шпионов и диверсантов в Советском союзе.

Самая решительная, беспощадная революционная расправа — вот ответ трудящихся нашей страны в отношении банды троцкистских мерзавцев.

Давать беспощадный отпор всем врагам социалистической родины, быть бдительными и уметь распознавать врага, сплачивая вокруг советской власти всех тех, кто искренно и честно, прочно и бесповоротно стал на позиции социализма, — этому учит нас большевистская партия и ее великий вождь товарищ Сталин.

¹ «Большевик» № 18 за 1936 год, стр. 10.

Ф. Гуревич

СРЕДНЕВЕКОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ИМПЕРИЯ В ФАШИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I

«Историками стали мы сегодня все», — заявил недавно немецкий этнолог профессор Прайс, имея в виду «дейтелей» германского фашизма. И действительно, по мнению главарей современной фашистской Германии, историческая наука должна быть поставлена на службу фашистской политике.

Фашизму необходима такая «история», которая объясняла бы все предшествующее развитие страны как подготовительную ступень к «третьей империи». История, написанная фашистскими борзописцами, должна послужить средством воспитания молодого поколения в духе «расовой теории» и человеконенавистничества, она должна помочь ликвидации всех «крамольных» идей марксизма, бороться с которыми германским фашистам становится все труднее. Именно с этой точки зрения фашисты перетряхивают и пересматривают прошлое.

В фашистской историографии нет никакого намека на объективность исследований (которым буржуазная наука и раньше, а в эпоху империализма в особенности не могла хвастаться): весь исторический процесс здесь сводится к борьбе рас.

«Между прочим, задачей народного государства, — писал Гитлер еще до прихода фашистов к власти, — является забота о том, чтобы была, нако-

нец, написана всемирная история, в которой расовый вопрос занял бы доминирующее положение»¹. Гитлер требует, чтобы ни одна девушка, ни один юноша не кончили школы, не будучи «просвещены» идеями всемогущества арийской расы. «Теоретический вождь» фашизма, остзейский проходимец Розенберг, возвещает: «История — это драматическая борьба враждебных расовых душ, потрясенными свидетелями которой мы сейчас являемся»².

Наряду с расовой теорией насаждается культ буржуазного государства. Последнее чтилось буржуазной, а особенно реакционно-буржуазной наукой и раньше, задолго до прихода фашистов к власти. С фашистской же диктатурой поклонение государству еще более усилилось. «Государство является высочайшей и величайшей формой земного человеческого бытия. ...При каждом рассмотрении истории определенного народа в определенное время прежде всего требуется спросить, как было организовано государство, насколько оно было сильно или слабо»³, — заявляет фашистский историк Шнейдер.

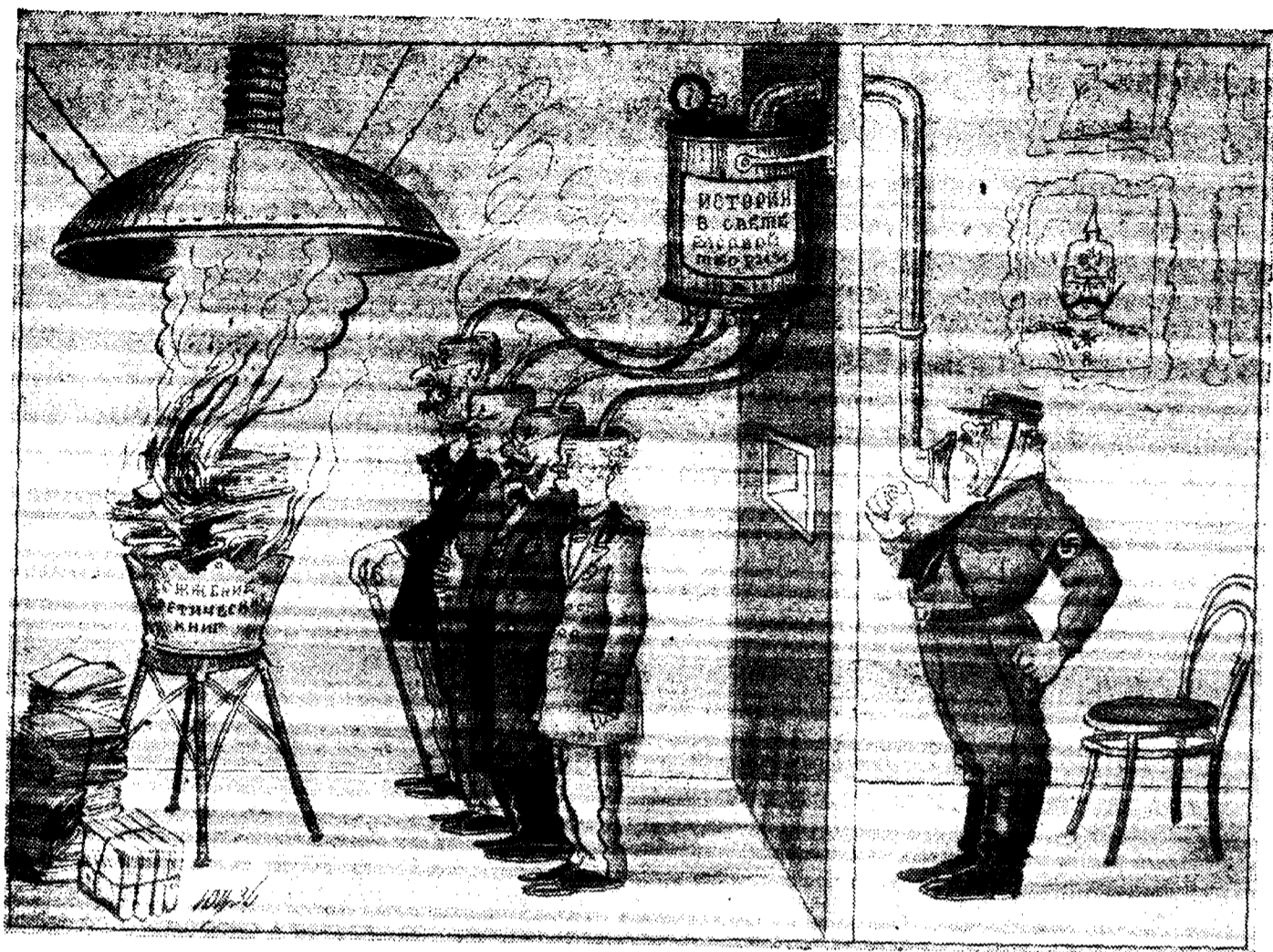
В соответствии с этими «установками» часть немецких историков во главе с В. Франком, будучи членами национал-социалистской партии и горячими поклонниками фашистского режима, сейчас же по приходе фашистов к власти в Германии повела решительное наступление на все прежние взгляды на историю с целью перестроить ее на фашистский лад.

Один из числа этих рьяных поборников фашистского мракобесия, В. Андреас, ректор Гейдельбергского университета, в своей речи «Национал-социализм и университет» возве-

¹ Hitler A. «Mein Kampf», S. 468. 1930.

² Rosenberg «Mythus des 20 Jahrhunderts». Цит. по книге Pastor Bruns H. «Rosenberg. Mythus des 20 Jahrhunderts», S. 10. 1935.

³ Schneider V. «Die Bedeutung des späteren Mittelalters für die deutsche und europäische Geschichte». Historische Vierteljahrschrift. Heft, I, S. 93. 1934.

Кухня по перестройке умов фашистских историков.

Барикатура Ю. Цишевского.

стил, что отныне «такие существенно важные, забытые области знания, как народоведение, расоведение, предистория, вновь испытают под'ём и заботливое к себе отношение»¹.

Кроме этой быстро «перестроившейся» группы, являющейся как бы бронированным кулаком фашизма, в разрушении старых, буржуазно-либеральных воззрений на историю и замене их расовым идиотизмом, существовали другие историки, менее мобильные. Эти ученые, достаточно реакционные националисты, создатели культа государства, тем не менее медлили с провозглашением лозунга «Вначале была раса», в связи с чем последовало соответствующее внушение со стороны «хозяев».

Наибольшую активность в приведении в «порядок» профессорских мозгов проявил министр внутренних дел и полиции В. Фрик, заявивший, что исто-

рия, которая не рассматривает все прошлое развитие Германии как предисторию «третьей империи», а всех великих людей Германии как непосредственных предшественников «Фюрера», — такая история отныне в Германии существовать не будет².

После этого окрика часть «отставших» быстро бросила свое «вольнодумство» и превратилась в «добропорядочных» фашистских историков. Таков, например, крайний националист Гампе, прежде пытавшийся прикрываться словами об объективизме, а в настоящее время с «успехом» участвующий в составлении фашистского катехизиса (восемь вопросов и восемь ответов) на тему, был ли Карл Великий немцем или французом.

Такие историки, как Ф. Мейнеке, которые не смогли «перестроиться» или осмеливались что-либо возразить против «ортодоксально»-фашистской точки зрения, были сменены и лишены кафедр. «Исторический фронт» в фа-

¹ Andreas W. «Nationalsozialismus und Universität Forschungen und Fortschritte 19», S. 290. 1933.

² Frick W. «Neuaufbau des Reichs». 1934.

шистской Германии стал унифицированным.

Жалкую картину представляют собой шутовские «исследования» по истории, вышедшие в годы фашистской диктатуры и непосредственно предшествовавшие им. Эти «труды» жалки не только по сравнению с буржуазной немецкой исторической наукой XIX века, но и с предвоенной и даже послевоенной исторической литературой.

Буржуазная немецкая историография довоенного и послевоенного периода растеряла, несомненно, остатки своей былой прогрессивности. Вождем ее был такой реакционер, как Г. Белов, душивший все прогрессивное в буржуазной историографии (стоит только вспомнить его борьбу против сторонников теории марки и против современного ему К. Лампрехта) и по своим взглядам и методам борьбы являвшийся одним из предшественников фашизма.

Немецкая буржуазная историография имела в своих рядах и А. Допша, в настоящее время пользующегося громадными симпатиями фашистов. Допш еще до войны непримиримо выступал против той лучшей части буржуазной науки, которая развивала учение о марке.

Это учение, освобожденное от буржуазно-ограниченной трактовки его, стало составной частью марксистского понимания конкретного исторического процесса. Энгельс, как известно, в своей гениальной работе «Марка» дает характеристику этой древнегерманской земельной общины, историю «возникновения, расцвета и упадка» этого учреждения. Борясь с все шире распространяющимся марксизмом, Допш не щадил лучших из буржуазных историков (Маурера, Инама-Штернегга, Лампрехта), придерживавшихся теории марки.

Методы борьбы Допша, его фальсификация источников, передергивание фактов и само реакционное существо его взглядов тоже, несомненно, заимствованы у него фашистскими историками.

Фашизация буржуазной науки, как и самой буржуазии, происходила ранее установления фашистской диктатуры в Германии. Однако до установ-

ления этой диктатуры среди буржуазных историков были группировки, стремившиеся кое в чем сохранить фразеологию об объективности науки. Существовали, наконец, и попытки исследования, пусть реакционные и в высшей степени претенциозные, но все же эти попытки были. С наступлением же фашистской диктатуры немецкая историография потеряла остатки своей наукообразности.

Вместо исторических исследований той или иной эпохи фашистские «историкки» занимаются либо подсчетом количества императоров, носивших истинно немецкие имена, либо стараются установить связь политики данного императора с тем, является ли его имя подлинно немецким.

Вместо критического отношения к источникам — игнорирование их, если они направлены против выводов автора, или же прямая фальсификация исторических фактов. Вместо научных выводов — солдафонские выкрики в духе «гайль Гитлер». Таков современный уровень когда-то высококультурной буржуазной немецкой исторической науки.

2

Из «работ», вышедших за последние годы в Германии, большое количество посвящено германскому средневековью. Немецкие фашисты, стремясь воскресить мрачное средневековье в одной из самых передовых стран Европы, естественно, пытаются подвести «новую теоретическую базу» под средние века. Так, некий Геймпель выпустил книгу с кричащим названием «Немецкое средневековье — немецкая судьба», в которой говорит: «Немецкое средневековье — это начало немецкой силы, величия и мирового признания»¹.

Пересмотр истории средневековья ставит себе целью доказать, что лозунг фашистов «Drang nach Osten» («стремление на Восток») является исконной политикой Германии и средневековой Римской империи. Политика

¹ Цит. по книге Schneider V. «Neue Anschauungen der deutschen Historiker. Zur Beurteilung der deutschen Kaiserpolitik des Mittelalters», S. 43. Iena. 1934.

Наглядное изучение могущества арийской расы.

Карикатура Ю. Цивевского.

средневековых германских императоров расценивается с точки зрения успешности их завоеваний на Востоке. И, наконец, называя себя «третьей империей», они тем самым изображают себя наследниками средневековой империи. Фашисты особенно охотно орудуют данными из истории этой, так называемой «первой Германской империи», не останавливаясь перед самой грубой фальсификацией фактов.

В настоящей статье мы постараемся показать, как препарируется фашистскими «историками» вопрос о природе средневековой империи и как ими изображаются отдельные личности этой эпохи.

Заметим при этом, что они для своих целей используют не весь период существования средневековой империи, а лишь X—XII века, которые, по мнению Фрика, создали образец замкнутого автаркического государства.

На страницах фашистских книг, стремящихся «по-новому понять» средневековую Германскую империю, все чаще можно встретить имена немецких историков XIX века: Г. Зибеля и

Ю. Фикера — и воспоминания о дискуссии между вышеуказанными историками по поводу оценки этой «первой Германской империи».

В 60-х годах прошлого века, накануне объединения Германии, один из учеников Ранке, историк Зибель, сторонник «мало-немецкого» варианта объединения, т. е. объединения вокруг Пруссии, выступил с работой, в которой стремился показать на примере средневековой империи, к чему приводит многонациональное объединение¹.

Основной порок государственных деятелей средневековой империи Зибель видел в том, что в погоне за Италией немецкими императорами была предана забвению Германия. Противник Зибеля, сторонник «великого немецкого» объединения, т. е. объединения с включением Австрии и других земель, где имеется немецкое население, Ю. Фикер² доказывает, что сред-

¹ Sybel K. «Die deutsche Nation und das Kaiserreich». Düsseldorf. 1862.

² Ficker J. «Deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Bereitung». Innsbruck. 1862.

невековая многонациональная империя была крепким и мощным организмом, устрашавшим врагов, и, таким образом, не следует бояться воссоединения великой Германии, а надо всемерно к этому стремиться. С победой «мало-немецкого» варианта объединения Германии интерес к этой проблеме значительно ослабел.

С началом мировой войны 1914—1918 годов интерес к этому вопросу вновь возрос. Захватнические аппетиты империалистической Германии вновь вызвали к жизни споры о «Великой Германии».

Немецкие буржуазные историки того времени, эти дипломированные лакеи германского империализма, путем исторических аналогий старались «обосновать» необходимость новых захватов в мировой войне, как известно, закончившейся поражением Германии.

С приходом фашистов к власти вопрос о средневековой империи становится чуть ли не главным вопросом немецкой историографии.

Фашистские историки понимают, что спор Зибеля с Фикером являлся не отвлеченным, академическим спором, а имел политическую окраску и сохранил значение вплоть до наших дней. Однако, отдавая должное Зибелю и Фикеру, фашистская историография объявляет их все же устаревшими. Исход мировой войны показал, говорит Шнейдер, что они оба были неправы в своем споре и что проблема оценки средневековой империи не снята. Сейчас в Германии имеется стремление слить воедино крайний национализм Зибеля с агрессивными тенденциями Фикера.

Прежде всего фашистские историки устанавливают исходный пункт средневековой империи; всякая связь ее с античной Римской империей, разумеется, отвергается. Средневековая империя есть творение только германской «нации» — таков вывод. Нападки фашистов по вопросу о происхождении империи направлены против одной из новейших работ П. Шрамма, трактующей средневековую империю как продолжение античной.

Позиция Шрамма в основном такова: немецкая средневековая империя

является непосредственным преемником древней Римской империи. Немецкие императоры являются наследниками Цезаря и Августа. Для средневекового императора идеалом являлся император древнего Рима и т. д.¹ Упирая на внешний церемониал средневековой империи и на принятие немецкими королями титула императора римлян, Шрамм говорит: «В этом случае в новом титуле выразился тезис, что только «император римлян» и является законным и истинным императором»².

Эти взгляды Шрамма подвергаются нападкам как «недостаточно выдержанные» с точки зрения немецкого национализма и расовой теории. Самым крупным противником Шрамма является один из идеологов «восточной ориентации» современной фашистской Германии, А. Бракман. Он начинает с того, что разрешение вопроса о влиянии античного Рима на средневековье является вопросом сугубой важности.

Бракман категорически отрицает связь между двумя империями, упирая на «внутреннее саморазвитие» немецкого государства. Движущей идеей развития Бракман объявляет некий таинственный «государственный смысл» (Staatsräson), который, возникнув еще во времена Карла Великого, был сохранен на протяжении всего средневековья и всей истории Германии. Этим государственным смыслом является не что иное, как... «Drang nach Osten», т. е. натиск на Восток, замаскированный защитой интересов церкви. Этот «Drang nach Osten» Бракман видит в походах Карла Великого, в результате которых им были покорены саксонцы и тюрингцы.

Для слабых наследников Карла этот план продвижения на Восток продолжал существовать, но они были неспособны осуществить его.

Непосредственными продолжателями «государственного резона» были, по мнению Бракмана, первые германские императоры из Саксонского дома. Бракман утверждает, что император Оттон I видел якобы свою глав-

¹ Schramm P. E. «Kaiser, Rom und Renovation», S. 6. Leipzig. 1929.

² Schramm. Указ. соч., стр. 84.

ную миссию в продвижении на Восток. Что же касается римского влияния, то об этом не может быть и речи. «Не Римская, а Каролингская империя являлась для них примером, не Рим, а Аахен был центром установления их господства»¹.

Зачем требуется Бракману так извращать этот столь ясный факт? Действительно, старое, рабовладельческое общество погибло, на смену ему пришел феодализм, который характеризуется иным способом производства, «исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд, как рабское занятие» (Энгельс). Но не это интересует Бракмана, и не у него, разумеется, следует искать анализа взаимоотношений и борьбы классов в средневековой немецкой империи.

Цель Бракмана заключается в том, чтобы показать, что никакого влияния древний мир на средневековье не оказывал, что все средневековье окрашено в чисто немецкие тона и является порождением «чисто немецкого духа».

Уровень «объективности» и «добросовестности» исследования Бракмана можно проиллюстрировать его отношением к источникам и свидетельствам современников изучаемой эпохи. Всякий документ, идущий против его установок, объявляется им незначительным, не стоящим внимания.

Никакой итальянской политики или ориентации Оттон I, оказывается, не придерживался, ибо, если признать таковую, то следовало бы признать и то, что император был заинтересован в возрождении Рима, а собственно Германию отодвигал на задний план, т. е. был недостаточно хорошим немцем.

Этого, разумеется, допустить нельзя, и вот итальянские походы немецких императоров, в которых они провели немалое количество времени, об-

являются всего-навсего подготовительной работой для той же восточной колонизации. Доказательств на сей счет никаких не существует, и все буквально притянута за уши.

Оттон III, о котором даже в старом националистическом немецком учебнике говорится следующее: «Очень мудро сказано что-нибудь вполне определенно об этом несчастном юноше, которому пришлось вступить на престол на 15-м году жизни и умереть на 22-м году»², — превозносится Бракманом как исключительная личность. Проведший большую часть своего непродолжительного царствования вне Германии, Оттон III, которого, по свидетельствам хроникеров, даже не считали немецким королем, ставится Бракманом на пьедестал и превращается в национального немецкого героя.

Причиной этого является то, что Оттон III во главе с немецкими феодалами, направлявшими свою экспансию на восточные от Германии земли, сумел добраться до Гнезно (Польша) и учредить там архиепископство. Превознося Оттона III, Бракман особенно нападает на Шрамма, изображавшего Оттона образцом императора, перенявшего римские традиции, и на Шнейдера, по которому Оттон был не столько настоящим германцем, сколько римлянином и греком.

Все итальянские и византийские планы Оттона III оказываются, по Бракману, только лишь маневрами для того, чтобы подготовить походы на Восток. Завоевательная политика Оттона III по отношению к полякам, венграм является «возрождением старых каролингско-оттоновских планов»³.

Все привнесенное от Рима, то, от чего никак нельзя было отпереться, объявляется похвальным маневром императора. Движение же на Восток, или как любит выражаться Бракман, «славянская миссия», является, по его мнению, основной линией развития империи до 1250 года.

Бракман много раз возвращается к утверждению, что этой политикой «натиска на Восток» немецкие импе-

¹ Brackmann A. «Der «Römische Erneuerungsgedanke» und seine Bedeutung für die Reichspolitik der deutschen Kaiserzeit Sitzungsberichte der Preussische Akademie der Wissenschaft». Rhil-Hist. Klasse. XVI—XXI, S. 349.

² Иегер В. «Всеобщая история». Т. II, стр. 420.

³ Brackmann. Указ. соч., стр. 356.

раторы обязаны только своему, «истинно немецкому» духу.

Для доказательств своих утверждений Бракман не стесняется заниматься самым произвольным толкованием всем известных источников или объявляет их не стоящими внимания. Так например, когда его оценка роли Генриха VI как «истинно немецкого» императора не сошлась со свидетельствами современников, Бракман возвестил:

«История государственного деятеля не может, однако, быть написана, исходя из взглядов поэтов и филологов»¹.

Интересно знать, основываясь на каких источниках, пишет свою историю средневековой империи г-н Бракман? Более «достоверного источника чем указания Гитлера и Розенберга в работах Бракмана разглядеть невозможно! Вспоминать в какой-либо мере о массе, о народе, в средние века Бракман считает излишним, ибо, на его взгляд, — это толпы, шедшие покорно за своим вождем — императором.

Мы остановились подробно на Бракмане потому, что он является самым крупным из фашистских «историков», проповедующих в своих работах лозунг «Натиск на Восток». Бракман, будучи в свое время редактором журнала «Historische Zeitschrift», возглавлял немецкую делегацию на VII всемирном конгрессе историков в Варшаве в 1933 году. В докладе, сделанном им на конгрессе, как и в книге, вышедшей под его редакцией², Бракман проводит мысль, что вся имеющаяся в Польше культура — немецкая культура или была создана под влиянием немцев, что отношения между Польшей и Германией всегда отличались тесной дружбой, между тем как между Польшей и Россией искони существовала и существует старая вражда.

Роясь в прошлом, Бракман старается тесно увязать средневековую импе-

рию с потребностями фашистской агрессии. Он говорит, что с представлением о средневековой Германской империи многие немцы по ту и по эту сторону немецко-австрийской границы связывают страстные стремления вернуть те времена, когда границы, поставленные чужой волей между Германией и Австрией, не существовали.

Фашистский историк Аубин всецело поддерживает Бракмана в вопросе о направлении германской экспансии на Восток. Он считает, что испокон веков стоявший перед Германией вопрос о расширении границ она разрешала движением на Восток.

Границы на Востоке имеют огромное политическое значение, продолжает Аубин, они являются водоразделом двух культур, из которых первая, немецкая, была на высокой ступени развития, а другая, славянская, — примитивной.

Границы на Востоке, резюмирует Аубин, означают соседство цивилизации с дикостью. А посему аннексия восточных земель, по мнению Аубина, является победой «культуры» (?!). Вслед за Бракманом Аубин утверждает, что основной миссией Оттона было продвижение на Восток, и изображает дело так, что истреблявшееся завоевателями местное население от всей души приветствовало германских императоров.

Аубин «забывает» о непрерывных восстаниях западных славян, о восстаниях племени вендов и других.

Во времена Оттона I три области, находящиеся к востоку от Германии (Польша, Венгрия, Богемия), были охвачены, по Аубину, немецкой цивилизацией. К XII веку процесс консолидации земель оказывается уже законченным, и этот период Аубин считает кульминационным пунктом развития империи.

Вторая Бракману, Аубин заявляет, что самостоятельной Польши не существовало с начала ее возникновения, так как она была втянута в сферу немецкого влияния. Расширение немецких земель, говорит, далее, Аубин, благотворно отразилось на немецком народе, ибо мы видели уже в раннее время немецкой империи непо-

¹ Brackmann. Указ. соч., стр. 370.

² «Deutschland und Polen». Beiträge zu ihren geschichtlichen Beziehungen herausgegeben von Albert Brackmann. München und Berlin. 1933.

средственное направление немецких колонистов на Восток.

Обращаясь к сегодняшнему дню, Аубин еще раз кивает на Восток, указывая, что туда лежала дорога старых немецких императоров, туда же должна направиться и сегодняшняя, фашистская Германия.

Фашистские историки пытаются представить продвижение Германской империи на Восток как ее особую, «культурную» миссию. Сомнительные результаты этой «миссии» их не смущают. Феодалная экспансия в сторону земель, расположенных к востоку от Германии, в целом ряде случаев не ускорила, а затормозила развитие этих стран. Так, в Прибалтике немецкие завоеватели закрепили местное население и надолго задержали развитие национальных культур эстов, литовцев и латышей.

Восстания в Прибалтике 1222, 1227, 1257 годов, направленные против завоевателей, являются доказательством того, что немецких колонизаторов, вопреки утверждению фашистских историков, встречали далеко не с открытыми объятиями.

Что касается взаимоотношений Германии и Польши, то тут у фашистских историков оказывается слишком короткая память: они «забывают» о том, что феодализация Польши прошла значительно раньше, чем германские феодалы смогли полностью завоевать Польшу, и что поэтому эта страна никогда полностью не была подчинена Германии. А для лучшей иллюстрации «идиллической» дружбы между Германией и Польшей мы напомним битву под Таненбергом 1410 года, в которой поляки и литовцы разбили наголову отборные немецкие отряды.

В тесной связи с вопросом о римском влиянии перед фашистской историографией возник вопрос об оценке самой сущности средневековой империи: была ли она однородным немецким государством или организмом, объединявшим ряд народов.

Большинство работ, вышедших на эту тему в фашистской Германии, характеризует империю X—XI веков как государство замкнутого «национального» характера, которому были чужды инонациональные стремления.

Молодой, но весьма проворный фашистский автор Р. Шлиерер пытается в диссертационной работе показать «национальную» сущность империи X—XII веков. Этот упор на «национальную» особенность империи того периода становится особенно понятным, когда мы вспомним, что начиная с XIII века империя, по мнению фашистов, считается не соответствующей «истинно немецкому» духу, потому что она приобрела «интернациональные» черты, что, в сущности, по мнению Шлиерера, и привело ее к гибели. Взвнявшись доказать замкнутый «национальный» характер ранней империи, Шлиерер ополчается против Финке, говорившего, что средневековая империя ставила перед собой цель — стать мировой державой, или, как выражается Финке, империалистической державой¹.

Исходным пунктом развития империи Шлиерер считает империю Оттона и присоединяется к тому мнению, что немецкая империя никогда не была империей интернационального характера. По «добросовестности» своих исследований Шлиерер всецело следует по стопам Бракмана.

Делая необоснованный вывод, что империя была замкнутым однородным организмом, Шлиерер всячески пытается охаять источники, выводы которых не соответствуют выводам этого «ученого» исследователя. Источники, в которых говорится о многонародном характере немецкой империи, объявляются чуждыми немецкому духу и делятся Шлиерером на три категории.

Первая группа — поэты, царедворцы, которым, как говорит Шлиерер, присуща льстивость и сведениям которых верить нельзя, сюда он относит Видукинда, называвшего дочь Оттона властительницей Европы.

Вторая группа — итальянцы, которым было выгодно говорить о многонародном характере империи, ибо этим они надеялись восстановить свое былое могущество. Эта группа источников, следовательно, тоже чужда немецкому духу.

¹ Finke H. «Weltimperialismus und nationale Regungen im späten Mittelalter». S. 10. Freiburg und Leipzig. 1916.

И, наконец, третья группа — это юристы, стремившиеся возродить римское право, которое, как спешит отметить Шлиерер, не играло в средневековой Германии сколько-нибудь значительной роли. А так как юристы витали в своих абстракциях, то их свидетельствам также нельзя придавать какую-либо ценность.

Представление о том, что империя была государством многонародным, было свойственно, говорит Шлиерер, фантазии придворных, южной страсти римлян и склонным к абстракции юристам¹.

Немецкая империя X—XII веков, делает свой вывод Шлиерер, была национально замкнутым государством, но настолько сильным, что некоторые страны, не принадлежавшие ей самой, вошли под ее покровительство².

Вздорность рассуждений о «национальном» характере империи станет еще более ясной, если мы вспомним, что «Священной Римской империей германской нации» империя стала называться в XIV—XV веках, т. е. как раз в период упадка былой мощи империи. До этого времени она называлась просто «Священной Римской империей», т. е. была пестрым, экономически не связанным конгломератом различных народов.

3

Отводя главное место в истории средневековья обзору и анализу колонизации востока немецкими феодалами, фашистские историки тратят немало усилий и внимания на характеристику немецких императоров и военных вождей как героических личностей, возвышающихся над толпой, представлявшей покорное орудие в руках вождя.

Каждый император или крупный герцог оценивается с точки зрения его расовой принадлежности, исходя из этого ему дается соответствующая характеристика. Выше мы уже обрисова-

¹ Schlierer K. «Weltherrschaftsgedanke und Altdeutsches Kaisertum». Tübingen. 1934.

² Schlierer. Указ. соч., стр. 49.

ли методы и приемы фашистских историков в оценке деятельности Оттонов. Вот еще несколько примеров применения своеобразной «статистики» в исторических исследованиях, которые могли бы сойти за анекдот, если бы все это не происходило в стране фашистской диктатуры.

Некий Каскорби «подсчитал», что характерным и отличительным для германской средневековой истории и политики является то, что немецкие императоры в течение почти шести веков носили чисто немецкие имена и что господствующими именами были: Карл, Людвиг, Конрад, Генрих, Оттон, Фридрих и другие. «Досадным» вкраплением в этот ряд истинно немецких имен были чужеземные: Филипп Швабский (1197 год), Венцель (из Богемского дома, 1378 год).

Зато, отмечает усердный автор, из семи сыновей Альбрехта Медведя (активнейшего колонизатора востока, возводимого в национальные герои фашистской историографией) ни один не носил иноземного имени, и автор с готовностью перечисляет эти имена: Оттон, Герман, Зигфрид, Генрих, Адальберт, Дитрих, Бернгардт. Епископы, архиепископы, аббаты и монахи являются носителями старогерманских героических имен: Адальберт Пражский, Оттон Бамбергский, Адальберт Бременский и т. д.

Немецкие имена проникали и за пределы немецкой империи: автор с особым удовлетворением отмечает о приверженности норманнов к имени Вильгельм. Другой «исследователь» такого же калибра, фон Изебург³, заявляет, что вырождение императорской династии средневековой немецкой империи происходило потому, что к истинно немецкой крови примешивалась чужеродная кровь.

Так, Каролинги, начав с Пипина и Карла Великого, кончили Людовиком Дитятей. Саксонская династия, начавшаяся с Генриха I, окончилась на Оттоне, потому что мать последнего, Феофана, происходя родом из Византии, нарушила кровную и расовую чистоту этой династии. Образцом кров-

³ Взято у Schneider. Указ. соч., стр. 42.

ной чистоты и расовой замкнутости в «исследованиях» Изебурга предстает Рудольф Габсбургский. Кровная замкнутость его предков, говорит автор (Габсбурги, Кобурги, Церингены), определяет силу его характера. Зато император Максимилиан, носивший к тому же не немецкое имя, подвергается решительному осуждению, потому что, как точно подсчитано, среди восьми предков этого императора были выходцы из Австрии, Мезии, Литвы, Португалии, Ланкастера, Арагонии и Кастилии — предки совершенно неприличные.

Генрих IV, много раз заключавший союз с папой и много раз выступавший против него, изображается настоящим немцем, ибо он якобы боролся против антинемецкого принципа, который стремился осуществить папа Григорий VII.

Заслуживает упоминания «дискуссия», разгоревшаяся вокруг взаимоотношений между немецким императором Фридрихом Барбароссой и крупным феодалом Генрихом Львом. Последний, энергично проводивший колонизационную политику на востоке от Эльбы, возводится, понятно, фашистскими историками в национальные герои. Но сторонники возвеличения Фридриха Барбароссы находят материал, долженствующий «дискредитировать» Генриха Льва. Так, Якобс находит, что число итальянских предков Генриха больше нежели число его немецких предков¹.

Шнейдер, пытавшийся вмешаться в «ученый» спор, выражает свое мнение следующими «глубокомысленными» словами: «Если еще сегодня принять во внимание ярко выраженный контраст между белокурым Штауфеном Фридрихом I (Барбароссой) и черноглазым и темноволосым Вельфом-Генрихом Львом, то можно увидеть, какие сильные контрасты господствуют вообще в оценке немецкой политики императоров в целом, как и в оценке политики вышеуказанных родственников»².

Итак, споры идут потому, что на одной стороне — белокурый Фридрих,

1 Jacobs H. «Heinrich der Löwe». Lübeck. 1933. Цит. по кн. Schneider. Указ. соч., стр. 48.

² Schneider. Указ. соч., стр. 11.

а на другой — черномазый Генрих. Что и говорить, анализ непревзойденный! Если бы фашистские историки даже ограничились только этим, то и приведенных данных было бы достаточно для показа деградации того, что когда-то называлось буржуазной исторической наукой.

Демагогия пронизывает любое утверждение фашистского «историка».

Отсутствие постоянной резиденции у императора во времена средневековья и постоянные странствования императора с места на место объясняются желанием последнего общаться с народом. «Король был народным вождем»³.

И такого рода «открытия» делаются после того, как даже буржуазные историки прошлого столетия совершенно правильно считали одной из причин странствований короля по стране господство натурального хозяйства: когда король со своей челядью съедал запасы в одной местности, он отправлялся в другую.

Ставя перед собой в качестве ближайшей задачи захват Австрии, фашистские главари используют «теоретические» рассуждения историков о том, что Австрия была всегда немецкой. Фон Пельниц, мюнхенский приват-доцент, высказывает свое открытое восхищение перед фашизмом за его стремление присоединить Австрию к Германии.

«Никем не может быть оспорено, — говорит Пельниц, — что Австрия в течение одиннадцати веков своей немецкой истории могла существовать и расти благодаря жизненным связям с общим (немецким. — Ф. Г.) народом.

...Этот немецкий вид Австрии должен быть всеми силами сохранен. Это взаимное стремление не отступит также и в будущем»⁴.

Такие «историки», как Андреас, открыто призывают студенческую молодежь душировать рабочее движение, при-

³ Schulte A. «Anfänge zu einer festeren Residenz der deutschen Könige in Hochmittelalter». «Historisches Jahrbuch». B. 55. Heft. 2/3, S. 142.

⁴ Pölnitz, «Deutsches Volkstum und oestereichische Geschichte». «Historische Jahrbuch». B. 55. Heft 2/3, S. 438.

крывая эти призывы защитой интересов национального целого немецкого народа.

Такова фашистская историческая «наука». Ни грана научности нет в фашистских юродивых теориях. В области истории фашизм поднял всю тумуть, которая лежала на дне буржуазной науки еще в XIX веке. Расовая теория, поднятая на щит Ницше, Гоббино, Чемберленом, Ван-Ден-Бруком, как теоретическое обоснование колониальных захватов появилась задолго до того, как господин Розенберг возвестил о ней в своем «Мифе XX века».

Фашизм ничего не создал в области историографии и в других отраслях науки, а только раскопал гниль и, густо слобрив ее воинственными призывами к войне, пустил в ход как историческую науку.

Все эти «глубокомысленные» рассуждения фашистских историков, направленные к «историческому обоснованию» фашистской агрессии на Восток и прежде всего против СССР, приобре-

тают особый смысл в свете последних мероприятий фашистской Германии по подготовке новой империалистической войны.

Исторические экскурсы фашистских историков ставятся на службу практической агрессивной политике нынешних правителей Германии. Ход событий показывает, что империалистические устремления германского фашизма далеко не ограничиваются одним только Востоком.

Не случайно Гитлер отнес к числу «неполноценных» рас не только славян, но и французов, которые объявляются «смертельными врагами» Германии. Поэтому особенно большое значение приобретает призыв тов. Димитрова к нашим историкам о необходимости систематического разоблачения агрессивных, контрреволюционных планов фашизма, которые проповедуются не только в открытой незамаскированной форме, но и в виде якобы научных «исторических исследований».

И. Арский

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ В 1358 г. („ЖАКЕРИЯ“)

Феодальные отношения начали складываться на территории современной Франции в VIII—IX столетии, в так называемую эпоху каролингов. Окончательного своего оформления они достигли в XI—XII веках.

Земельные отношения к этому времени сложились в следующем виде: земля, принадлежавшая феодальному поместью, делилась на барскую запашку (так называемый домен), участки крестьян-держателей и общинные угодья (лес, выгон и т. п.). Барская запашка занимала меньшую часть земли и чем позже, тем все более сокращалась. Основная, наибольшая часть земли поместья была занята крестьянскими держаниями.

В эпоху развитого феодализма французское крестьянство распадалось по своему социальному положению на две основные категории: сервов и вилланов. Сервы — это те, кого мы на русском языке называем крепостными, вилланы — это так называемые лично-свободные крестьяне. Но обе категории крестьян независимо от своей юридической «свободы» или «несвободы» находились в личной зависимости от помещиков. Разница была только в большей или

меньшей тяжести этой зависимости. На эту существенную сторону феодального общества указывал Маркс:

«Перенесемся в мрачное европейское средневековье... Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни»¹.

Сервы в XI—XII веках составляли подавляющее большинство крестьянства во Франции. Основные формальные отличия их от вилланов: 1) произвольная талья, т. е. обложения крестьян оброками и повинностями, главным образом барщиной, целиком по усмотрению самого помещика; 2) формарьяж (formariage), т. е. уплата определенного денежного выкупа при выходе крестьянской девушки замуж в другое поместье; 3) менморт (mainmorte), т. е. право помещика на часть имущества умершего крестьянина или на денежное возмещение ее.

Первоначальное полное прикрепление сервов к земле поместья и связанное с этим право помещика отыскивать и силой возвращать беглых сервов обратно в поместья (droit de

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 38. Партиздат. 1936.

Молотьба во Франции. XV в. По миниатюре того времени.

suite) постепенно ослабляются, но все же крестьянин постоянно был по рукам и ногам опутан сетями всевозможных помещичьих прав и привилегий. Все крестьяне поместья, как сервы, так и вилланы, были подчинены судебной юрисдикции сеньора. Это подчинение было источником обильных штрафов, пополнявших карманы помещиков. Кроме того крестьянина призывали для военной службы, большей частью для охраны и защиты усадьбы и возведения замков и других укреплений. При торговых сделках, которые заключали крестьяне, помещики получали часть стоимости проданного. Крестьянин не мог вывезти на рынок свой урожай без разрешения помещика и раньше, чем помещик продаст урожай своего домена. Крестьянин должен был печь хлеб в помещичьей печи, выжимать виноград под барским прессом и за все это, конечно, платить (так называемые баналитеты). Крестьянин должен был вносить в пользу церкви «большую десятину» (одна двенадцатая с урожая злаков) и «малую» (со скота, льна и т. п.). Но так как большую часть этой десятины забирал себе помещик, то сельский поп облагал крестьян еще особыми сборами в свою пользу. Куда бы ни повернулся крестьянин, что бы он ни сделал, — всю-

ду его преследовали вымогательства помещика, не говоря уже о таких унижительных повинностях, как «право первой ночи» с новобрачной крестьянкой.

Техника обработки земли была чрезвычайно низка, — следовательно, низки были и урожаи. Господствовал принудительный севооборот, связанный с «системой открытых полей», при которой после окончания полевых работ снимаются изгороди с земельных участков и вся деревенская земля превращается в общее пастбище для скота всей сельской общины.

Скота — относительно обрабатываемой площади — было довольно много, но скот был низкого качества.

Плуг был роскошью для французского крестьянства. Обычно несколько семей складывались и сообща обзаводились плугом. Очень многие крестьяне обрабатывали свои участки вручную, мотыгами. Еще и в XVIII веке на полях Франции можно было видеть таких несчастных, с восхода до заката ковырявших сухую землю под палящим солнцем, не разгибая спины. Основным удобрением служил навоз.

Дорого доставался французскому крестьянину его кусок черного хлеба с сыром. Масло, птица, мясо, белый хлеб — все это было для крестьянина недоступным лакомством. Все это он отдавал помещику. Черный хлеб, сыр, овощи были главной пищей крестьян. На юге употребляли плохонькое вино, на севере — яблочный сидр и пиво. Жили от урожая к урожаю, но так как плохие урожаи были постоянным явлением, то обычным состоянием для французского крестьянина было недоедание. За голодовками шли эпидемии, вызывавшие колоссальную смертность, которая и в обычные годы была очень высока.

Жалок был внешний вид средневековых французских деревень. Нечто подобное в наши дни можно видеть в батрацких поселках испанской Эстремадуры. Они состояли из деревянных, а кое-где каменных хижин, крытых соломой. Щели забивали соломой и сеном. Окном служила дверь, которая являлась также и трубой. Печи встречались только у зажиточных крестьян. Огонь раскладывался

прямо посередине хижины. Спали на соломе, разостланной на полу.

Помещики не только жестоко эксплуатировали крестьян, но и глубоко презирали их. Даже на войне дворяне не могли сдержать своей ненависти и презрения к «мужикам». В 1302 году в битве с ополчением французских городов при Куртрэ французские пехотинцы, горожане и крестьяне, храбро сражаясь, уже было отбросили фламандцев. Тогда, по преданию, один из дворян обратился к французскому командующему графу д'Артуа со словами:

«Сир, эти мужики так дерутся, что, пожалуй, добьются сами победы!»

Французские рыцари бросились в атаку и по дороге усердно принялись топтать собственную пехоту. Итогом был разгром французов фламандцами. Нечто подобное произошло и в битве французов с англичанами при Креси (1396 год).

Презрение к Яшке-простаку («Жак-боном»), как дворяне называли крестьян, выражали поговорки, ходившие среди них: «У Яшки-простака добрая спина — она все вынесет» и т. д. На ненависть и презрение дворян крестьяне отвечали тем же, но сила была в руках знати, вооруженной до зубов, закованной с ног до головы в стальные доспехи, с детства ничем, кроме обжорства, пьянства, разврата и военного дела, не занимавшейся. Королевская власть представляла собой диктатуру дворян. Многочисленная армия попов и монахов затемняла сознание крестьянина, проповедуя смирение и подчинение господам и обещая бедным и угнетенным «спасение на том свете». Крестьяне терпели и трудились в поте лица своего для господ. Но время от времени даже их терпение лопалось. Крестьяне восставали, но, разрозненные, неорганизованные, безоружные, они оказывались большей частью беззащитными перед рыцарскими войсками. Дворяне быстро приходили на помощь друг другу и яростно обрушивались на крестьян, осмелившихся делать попытки сбросить с себя бремя эксплуатации.

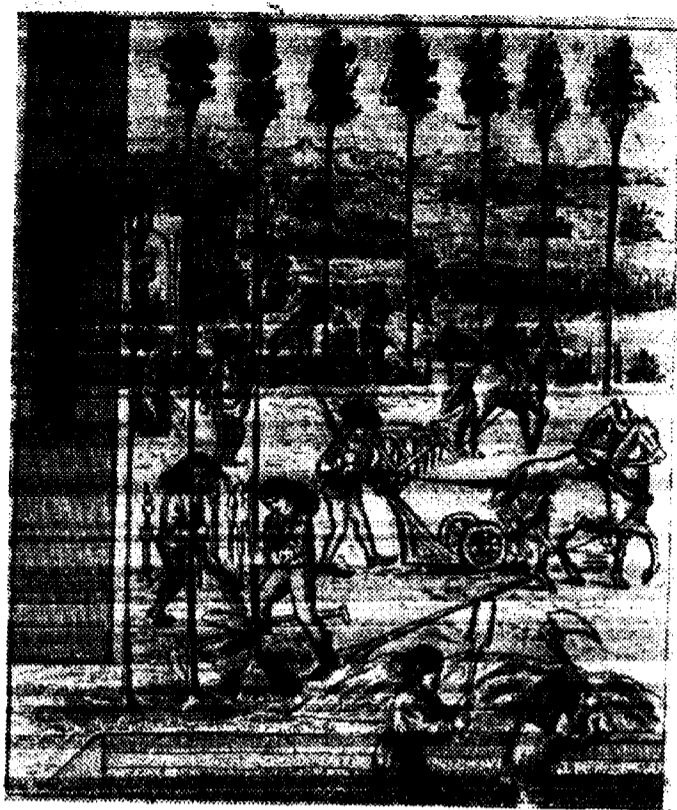
К XIII веку острота классовых противоречий между разоренным и истощенным крестьянством, доведенным

до отчаяния, с одной стороны, и помещиками — с другой, достигла такой остроты, что угрожала взрывом всеобщего восстания. Отдельные стихийные бунты, убийства помещиков, поджоги создавали накаленную атмосферу в деревне. К тому же при медленном росте производительности труда и сельскохозяйственной техники доходов от эксплуатации крестьянства не стало хватать для удовлетворения хищных appetитов все более размножавшейся знати. Безземельные младшие сыновья дворянских фамилий составляли очень многочисленную и буйно-беспокойную часть дворянства.

Основным занятием этой дворянской «голытьбы» были непрерывные междоусобия, войны, грабежи и т. п. Развивающаяся централизаторская деятельность крупных феодалов встречала сопротивление этих, не поддающихся никакой дисциплине элементов феодальной анархии.

Что касается крестьянства, то оно оказывало не только активное, но еще и пассивное сопротивление помещичьей эксплуатации: бежало куда глаза глядят, большей частью в леса, где, расчищая новые земли, оно искало себе лучшей жизни. Из этих беглецов создавалась новая категория крестьянства, так называемые свободные поселенцы (*hôtés*), которых охотно принимали на свои земли феодалы — владельцы необработанных пространных, соглашаясь на более легкие условия эксплуатации. Привлечение таких *hôtés* на свои земли становится целью большей части крупнейших феодалов Франции, в том числе и самих королей, которых их вассалы не раз обвиняли в непристойном переманивании крестьян на свои земли.

Бегство крестьян заставляет помещиков идти на смягчение феодального гнета, на выкуп за деньги серважа. Так называемое освобождение крестьян во Франции в XIII веке означало, что сеньоры за деньги (вносимые целыми деревнями одновременно или в рассрочку) заменяют произвольное обложение крестьян фиксированной барщиной, оброком и другими повинностями. Даже буржуазная наука, ее прогрессивные представители вынуж-

Сельские работы во Франции. XV в. По миниатюре того времени.

дены были предостерегать от идеализации этого процесса. «Освобождение, — как указывал Анри Сэ, — вовсе не ликвидировало помещичьей эксплуатации крестьянства»¹.

Не только бегство крестьян на вольные земли (и за границу, например в Испанию, куда в XI веке вливались целые потоки переселенцев из Франции) и нужда помещиков в деньгах в связи с крестовыми походами, но и еще одно явление в истории Франции в XI—XIII веках ускоряли исчезновение серважа: это было так называемое коммунальное движение, центральной ареной которого была Северовосточная Франция. Борьба городов за свое самоуправление отзывалась эхом и в деревнях: открытая борьба горожан против своих сеньоров и их успехи в этой борьбе были успехами «ротюрьеров» (мужиков) над «благородными» (дворянами). Коммунальное движение привлекало в города сервов, которые, пробыв там год и один день, становились юридически свободными.

Не следует представлять себе отношения городских коммун к крестьянству в розовом свете. Городская буржуазия, воспользовавшись плодами

¹ М. Bloch. «Les caractères originaux de l'histoire rurale française», p. 272. Paris, 1931.

коммунального движения, отнюдь не стремилась выступать представительницей всех эксплуатируемых против феодальной знати. Наоборот, города сами превращались в коллективных сеньоров и эксплуататоров окрестного крестьянства. Не даром в 1114 году при разгроме королем коммуны в городе Лане собравшиеся толпы крестьян наводнили город и усердно громили его, оплатив этим за множество обид, притеснений и вымогательств, которым их подвергала городская буржуазия.

Тем не менее все эти изменения в социальном строе средневековой Франции способствовали исчезновению серважа. В XIV веке вилланы уже составляли большинство крестьян.

2

Изменения условий жизни французского крестьянства происходили в постоянной классовой борьбе в деревне. Крестьяне не только бежали из поместий, не только убивали отдельных, наиболее ненавистных эксплуататоров и поджигали их усадьбы, не только уходили в крестовые походы, но и пытались открытым восстанием сбросить невыносимое иго.

Буржуазная наука, не имея никакой возможности отрицать остроту классовых противоречий во французской деревне, например в XIV веке, когда массовые крестьянские восстания слишком ясно ее обнаруживают, пытается обычно изображать так называемое раннее средневековье, каролингскую эпоху, как эпоху, когда совсем легкая эксплуатация крестьян помещиками («покровители крестьян»²) не вызывала конфликтов между обоими классами. Это, конечно, совершенно неверно.

Каролингская эпоха (VIII—IX века) во Франции также знала острую классовую борьбу. Это было сопротивление разоряемых и закабаляемых свободных крестьян процессу закрепоще-

² См., например, U m b a r t d e l a T o u r «L'évolution des idées sociales au moyen âge du XI au XIII siècle» au «Comptes-rendus des seances et travaux de l'Académie sciences morales et politiques». V. 46, p. 398—399. 1896.

ния и борьба сервов и колонов против растущей помещичьей эксплуатации. Правда, на территории Франции в этот период мы не встретим таких огромных массовых восстаний, как например крестьянская война 1358 года, но это объясняется условиями натурального хозяйства и связанной с ним экономической разобщенностью и оторванностью отдельных районов страны, что приводило во Франции, как и в других странах при сходных условиях, к узкой локализации столкновений крестьян с помещиками. К тому же о большей части этих классовых конфликтов мы ничего не знаем из-за скудости дошедших до нас источников. Наконец, и буржуазная наука в силу своей классовой природы и прежде не интересовалась этими вопросами, а в последнее время и особенно теперь сознательно их обходит либо старательно затушевывает.

О борьбе крестьянства каролингской эпохи с помещиками в королевстве Франции все же сообщают некоторые источники. Так, капитулярий 821 года упоминает о каких-то «заговорах сервов» во Фландрии. Знаем мы и о некоторых отдельных столкновениях крестьян с помещиками, как например сопротивление феодальному гнету колонов монастыря Редон, в Бретани. Пистский эдикт 862 года упоминает о выступлении королевских сервов против новых видов барщины. Но то, что нам известно, составляет, вероятно, только ничтожную часть тех классовых боев, которые происходили постоянно, но о большинстве которых до нас не дошло никаких сведений.

В 997 году в Нормандии вспыхнуло восстание крестьян, свирепо подавленное дворянами, отрубавшими своим пленникам руки, вырывавшими у них глаза, жарившими и варившими их живьем. До нас дошли только отголоски, только слова нормандских крестьян.

«Мы такие же люди, как и они,— говорили крестьяне,— у нас те же члены и такое же, как у них, тело, и мы так же можем страдать. Нам нужно только быть храбрыми. Соединимся клятвенно, чтобы друг другу

помогать, одному другого защищать и все иметь сообща. А захотят они с нами драться, ведь у нас против одного рыцаря тридцать или сорок крестьян, сильных и умеющих сражаться»¹.

От эпохи XI—XIII веков до нас дошли известия о ряде крестьянских восстаний. Но все это большей частью местные вспышки, которые не могли слиться в пожар крупного восстания по экономическим условиям эпохи, разобщенности отдельных районов и превосходству сил господствующего класса.

В 1024 году восстали крестьяне в Бретани, в 1032 году — в Бургундии. В 1057 году крестьяне Розуа силой добились у своих сеньоров, каноников Нотр Дам де Пари (собор Парижской богородицы), отмены серважа. В 1268 году в Итвиле восстали крестьяне того же собора, и, хотя восстание было подавлено и крестьяне обложены тяжелыми штрафами, все же они добились фиксации своей повинности. Но подавляющее число бесчисленных крестьянских восстаний еще ждет своего исследователя.

Уже с XIII века Франция знает и крупные восстания крестьян. Весной 1251 года проповедник Яков, будто бы беглый монах из Венгрии, стал призывать крестьян ополчиться и идти освободить короля Людовика IX, попавшего в плен к сарацинам. При этом он громил притеснения и угнетения, которым подвергали крестьян дворяне и попы. Крестьяне охотно откликнулись на призывы Якова. Они толпами присоединялись к нему, бросая свои земли и стада. Особенно много пришло пастухов, благодаря чему всех восставших стали называть «пастушками».

Огромное войско крестьян двинулось к южнофранцузским портам, громя по дороге помещичьи усадьбы. Они немедленно были отлучены от церкви, и знать, собрав сильное войско, разогнала неорганизованные и плохо вооруженные толпы крестьян. Предводитель их Яков был убит, а его товарищи, перевешаны.

Но память о восстании «пастуш-

¹ Delisle «Etudes sur la condition de la classe agricole en Normandie au moyen âge», p. 122—125. Evreux. 1851.

Французские крестьяне. XVI в. С миниатюры.

ков» не умерла во Франции. В 1320 году произошло второе восстание «пастушков» в сходной обстановке. Снова толпы крестьян (по летописи, их было около 40 тысяч) двинулись к южнофранцузским портам в крестовый поход, разрушая по дороге усадьбы помещиков. Граф де Фуа напал на них и рассеял крестьянское ополчение. Много крестьян было убито, много перевешано. Это было прелюдией к огромной крестьянской войне 1358 года.

Все это время во Франции происходили и отдельные небольшие крестьянские восстания. Так например в 1315 году восстали крестьяне в Сенонэ.

Борьба фландрских крестьян с французским рыцарством в первой половине XIV века еще больше накаляла атмосферу и разрушала представление о непобедимости рыцарской конницы. Может быть, частично с этой обстановкой связано опубликование в 1315 году королевского ордонанса, в котором король Людовик X велеречиво заявлял о своем желании, чтобы крестьяне во Франции были свободны. На деле он просто поощрял выкуп крестьянами сервильных повин-

ностей из фискальных соображений. Крестьянам так дорого приходилось платить за это «освобождение», что их иногда приходилось заставлять насильно идти на выкуп и вносить выкупные суммы.

3

Восстание 1358 года, известное в истории под названием «Жакерии», началось и происходило в необычайной для средневековой Франции обстановке. Особенность положения заключалась в том, что королевская власть в период так называемой столетней войны с Англией, начавшейся в 1337 году рядом тяжелых и позорных поражений (битва при Креси—в 1346 году, при Пуатье — в 1356 году), была крайне ослаблена. Сам король Иоанн II, неизвестно за что прозванный дворянскими летописцами «Добрый», попал в плен, феодальный режим был расшатан, часть дворян была перебита, и огромное число их попало в плен, буржуазия озлоблена военной бездарностью правительства, его налоговыми вымогательствами, административным хаосом, царившим в стране, взяточничеством и воровством дворян-чиновников, открытым грабежом населения своими же войсками, и т. п.

Особенное возмущение по всей стране вызвала битва при Пуатье, после которой сдавшиеся англичанам дворяне стали выкупаться из плена. Это повело к резкому увеличению поборов. Очень часто английские рыцари «великодушно» отпускали своих пленников «на честное слово», и те, уже вернувшись на родину, сами выколачивали из своих крестьян деньги на выкуп. На плечи многострадального французского крестьянина обрушилось новое колоссальное бремя. Выкуп за одного короля Иоанна составил огромную сумму. За дворянские неудачи, как всегда, должны были расплачиваться крестьяне!

Эксплоатация крестьянства к тому времени и независимо от войны возросла, процесс внутренней колонизации во Франции закончился. Для крестьян исчезла возможность бегства с земли, и помещики уже могли не опасаться того, что они останутся без

крестьян. В то же время развитие денежного хозяйства все более повышало аппетиты феодалов и доводило их грабительский пыл до предела.

Чрезвычайно страдало французское крестьянство и от грабежей так называемых компаний — наемных отрядов, состоявших из разорившихся дворян, смотревших на войну как на сословную профессию.

Эти отряды усиленно форсировались во время столетней войны. После прекращения военных действий «компании» рассеивались по всей стране, беспощадно грабя, разоряя и убивая крестьян. Каковы были последствия этих опустошений, можно судить хотя бы по тому, что некоторые «компании» насчитывали до десятка тысяч человек и походили на целые армии. Крестьяне бежали в леса и прятались там как дикие звери.

Летописец того времени, Жан де Венетт, так описывал состояние Северной Франции:

«В 1358 году никто не возделывал виноградников, источник того благодетельного сока, который радует сердце человека; поля не засеивались и не обрабатывались; коровы и овцы не ходили на пастбище. Церкви и дома, приходившие в упадок, всюду носили следы пожиравшего их пламени или зловещих и дымившихся еще развалин. Взор не радовался, как некогда, виду зеленых лугов и желтеющих нив, но чаще приходил в трепет от созерцания повсюду торчавших колючек и чертополоха. Колокола более не звонили, весело созывая верующих на божественную службу, но только били тревогу и давали крестьянам сигнал к бегству при приближении врагов».

В это время ряды господствующего класса во Франции были расстроены еще и распрей между королем Иоанном и королем Наварры Карлом Злым, потомком вымершей в 1328 году династии Капетингов, одним из крупнейших феодалов Франции. Он претендовал на французский престол, оспаривая права правившей в то время династии Валуа.

На сторону Карла Наваррского перешла часть дворян, недовольная военными неудачами, крупными поборами

и ограничением своих старинных феодальных вольностей и привилегий. Его поддерживала и парижская буржуазия.

В это же время развернулся острый конфликт между правительством и сословным представительством Франции — Генеральными штатами. Правительство добивалось у Генеральных штатов вотирования денежных субсидий на военные нужды. Генеральные штаты в принципе не отказывались от этого, но, сомневаясь в том, что королевские чиновники-дворяне, действительно употребят собранные деньги на те цели, для которых они предназначались, а не разворуют их, они в свою очередь добивались установления тщательного и постоянного контроля Генеральных штатов над финансами и администрацией королевства.

Застрельщиком в этой борьбе была буржуазия, главным образом богатейшего, крупнейшего города Франции, королевской резиденции, — Парижа. Во главе буржуазии стоял богатый купец, купеческий старшина Парижа Этьен Марсель, человек выдающихся дарований и широкого политического горизонта. В 1357 году Генеральным штатам удалось добиться у сидевшего без денег и без войска дофина (наследника) Карла так называемого Великого мартовского ордонанса, по которому правительство становилось под тщательный контроль Генеральных штатов, которые могли собираться через каждые три года автоматически и без созыва их королем. Этот же ордонанс, между прочим, предоставил крестьянам право вооружаться для отпора грабительству войск.

Несмотря на это, общественное недовольство шло все более вглубь, охватывая широкие народные массы, становясь антифеодальным и демократическим. Дофин Карл, вовсе не собиравшийся примириться с вынужденным ордонансом 1357 года, втайне накапливал силы, чтобы разгромить Париж — оплот недовольства. Это вызвало огромную гневную демонстрацию народа 22 февраля 1358 года. Толпа парижан ворвалась во дворец и убила двух высших сановников королевства, стоявших рядом с дофином. Последний поспешил бежать из Парижа.

Французские виноградари. XVI в. С миниатюры.

Между тем конфликт между правительством регента и парижской буржуазией все более обострялся. Дофин собрал значительное войско феодалов и занял все важнейшие пункты в Иль-де-Франсе, стараясь окружить мятежный Париж и изолировать его от остальной Франции. В его намерение входило взять столицу голодной блокадой. Дворянские банды стягивались в лагерь дофина, разоряя и грабя по дороге крестьянство. Правительство накладывало на крестьян повинности, связанные с постройкой и ремонтом укреплений, предназначенных для блокирования Парижа. Терпению крестьян приходил конец.

4

В конце мая 1358 года (полагают, что 28 мая) в небольшом местечке Сен-Ле-д'Эссеран одна из дворянских банд встретила отпор со стороны крестьян, которым мартовский ордонанс 1354 года разрешал братья за оружие для борьбы с «бригандами». Четверо рыцарей и пятеро оруженосцев были убиты. Ясно было, что текст мартовского ордонанса не защитит крестьян от дворянской мести, да и

долго сдерживаемой классовой ненависти в деревнях накопилось слишком много.

Крестьяне обратились за помощью к соседям, и из отдельной схватки в короткое время выросло огромное восстание, быстро распространившееся по всей области Бовэзи, Иль-де-Франс, Пикардии, Западной Шампани и окружающим районам. 14 современных французских департаментов целиком или частично были охвачены крестьянской войной.

Своим предводителем повстанцы выбрали крестьянина Гильома Каля (или Карля), родом из деревни Мелло, расположенной недалеко от Сен-Ле-д'Эссеран, бывавшего на войне и знакомого с военным делом. Это был «рослый, красивый и красноречивый человек»¹ и, как показывает история восстания, талантливый и энергичный предводитель. Выбор крестьян был, несомненно, удачным. В качестве помощника ему дали какого-то госпитальера², вероятно, как специалиста в военном деле.

Каль завел свою походную канцелярию, свою печать, издавал приказы и грамоты. Как это бывало в большинстве средневековых восстаний, крестьяне не могли преодолеть чувства лояльности по отношению к королевской власти, не понимая ее классовой сущности. На знаменах повстанцев красовались лилии — королевский герб. Их боевым кличем был клич французского королевства — «Монжуа!» Сознавая свою неорганизованность и неопытность в военном деле, крестьяне часто принуждали попадавших в их руки дворян становиться их предводителями. Так например еще в начале восстания двое дворян из фамилии Бернье, возвращаясь из Мо, по дороге были окружены отрядом повстанцев, потребовавших от них присоединения к отряду в качестве его предводителей. Один из них отказался и был немедленно убит. Другой же согласился и некоторое время был горе-предводителем, а потом убежал к Карлу Наваррскому. Таких «вождей поневоле»

¹ «Chronique des quatre premiers Valois». Ed. S. Luce, p. 71. 1862.

² Госпитальер — член рыцарского монашеского ордена.

у крестьян было немало. Все они спешили при первом удобном случае удрать от своих «соратников».

В движение были втянуты огромные массы крестьянства. Французский историк Фруассар писал о 100 тысячах крестьян, поднявшихся против господ. В этой цифре нет ничего невероятного, но вся эта масса повстанцев была расплыена, рассеяна по всей Северо-восточной Франции, состояла из ряда мелких, разрозненных отрядов, узнать о деятельности которых историку чрезвычайно трудно. Летописи того времени отразили в основном деятельность только двух групп повстанцев, а именно: действия центрального отряда, которым руководил лично «генеральный капитан» повстанцев Гильом Каль, и действия смешанного отряда из крестьян и парижан, присланных на помощь повстанцам Этьеном Марселем.

У Гильома Каля собралось около 5—6 тысяч плохо вооруженных крестьян. Повстанцы всюду разрушали и сжигали помещичьи замки и жилища, уничтожали помещичьи архивы, в которых хранились хартии, фиксировавшие непосильные повинности, возложенные на крестьян. Дворян с их семьями крестьяне часто уничтожали.

Гильом Каль как умный и дальновидный человек понимал необходимость союза крестьян с городами. Обстановка в стране как будто благоприятствовала такому союзу. Париж находился в открытой борьбе с правительством, и, казалось бы, для объединения сил крестьян и горожан против феодальной знати были налицо все предпосылки. Городская беднота сочувствовала крестьянам и во многих городах пыталась выступить на помощь своим братьям-крестьянам. Но зажиточная городская буржуазия как огня боялась неистовых «жаков». За косами и пиками крестьянских отрядов ей чудился призрак плебейского восстания у себя в городах. Сам Этьен Марсель, хотя и более дальновидный политический деятель чем все его собратья по классу, в сущности, не сочувствовал крестьянам. Он хотел только использовать крестьян для своих целей, чтобы их руками добиться победы для себя и своего класса, как это

делала буржуазия в борьбе с феодализмом.

Гильом Каль с первых дней восстания послал своих людей к Этьену Марселю, чтобы заключить союз крестьян с городами. Сам же он со своим отрядом двинулся на Компьен, но буржуазия этого города затворила ворота перед крестьянами, приготовилась к бою и не пожелала вступать с ними ни в какие переговоры. Под Санли, к которому двинулся Каль, дела пошли не лучше. Санлисцы в конце концов согласились совместно с крестьянами разрушить в окрестностях несколько разбойничьих дворянских замков, долгое время затруднявших торговые сношения, но до тесного союза крестьян с городами тут было еще далеко.

В это время Этьен Марсель, открыто руководивший восстанием в Париже, вооруживший парижан для борьбы с правительством, послал своих людей, чтобы организовать крестьян, восставших в окрестностях Парижа, и направить их энергию на разрушение замков в районе между Сеной и Уазой. С помощью этих замков, закрывавших свободный доступ к столице, регент еще недавно собирался умирить парижан голодом. Цель была достигнута очень быстро. Дворяне, как и в остальных районах, охваченных восстанием, растерявшись от неожиданности, бежали в паническом ужасе. Но под Парижем агенты Этьена Марселя не давали крестьянам беспощадно расправляться с врагами. Около тысячи дворянских семейств даже укрылось в самом Париже.

Однако Этьен Марсель выслал отряд из 300 человек под командой старшины мостиков Жана Вальяна на соединение с отрядом Каля. Под замком Эрменвиль они соединились и сообща заняли и разрушили замок. Его владелец Робер де Лорри, королевский придворный, и его семья не были уничтожены, очевидно, благодаря вмешательству предводителя парижан.

Тут пришло известие о том, что против крестьян с сильным войском выступил Карл Наваррский. Каль немедленно снялся с лагеря и храбро двинулся навстречу врагу. Парижский же отряд направился к городу Мо. Повидимому, Этьен Марсель, союзником ко-

Французский рыцарь. XIV в.

торого был Карл Наваррский, не желал допустить выступления парижского отряда против своего союзника. Другим мотивом его политики являлось то обстоятельство, что в крепости Мо под охраной слабого отряда заперлось много жен и детей французских дворян, там даже находились жена и сестра регента. Захватив их в плен, Этьен Марсель рассчитывал получить важные преимущества в своей борьбе с дофином.

Карл Наваррский находился в Лонгвилле, близ Дьеппа, в Нормандии, ко-

гда узнал о восстании крестьян. Дворяне, бежавшие из Бовэзи и других районов, умоляли его прийти к ним на помощь и «спасти дворянское сословие королевства от полного истребления». Классовые интересы Карла Наваррского требовали от него немедленного вмешательства в борьбу. У него были еще и другие причины для энергичного выступления. Подавив крестьянское восстание, он рассчитывал заслужить благодарность и симпатии широких кругов французского дворянства и тем расчистить себе дорогу к короне Франции. С четырьмястами копий¹ он двинулся в поход. По дороге к нему присоединились отдельные отряды дворян, и его войско скоро возросло до тысячи копий.

У Клермона должен был произойти решительный бой крестьян с Карлом Наваррским.

Отдавая себе ясный отчет в плохом вооружении, слабой дисциплинированности и неопытности крестьян в военном деле и все еще рассчитывая на поддержку горожан, Каль хотел, уклонившись от боя, увести крестьянские войска к Парижу. Он надеялся, что под Парижем он будет сильнее чем под Клермоном. Но крестьяне, воодушевленные своими успехами, не желали оставить свои родные деревни и требовали битвы, а не отступления. Калю пришлось подчиниться.

Он искусно выбрал позицию и, разделив свое войско на 2 отряда по 2 тысячи человек, выстроил его, прикрыв с фронта телегами, за которыми расположил лучников и арбалетчиков. В тылу он поставил в качестве резерва свою скудную кавалерию — 600 плохо вооруженных конных крестьян. Над крестьянским войском грозно развевались знамена, гремели трубы. Крестьяне громким боевым кличем встретили появление дворянского войска.

Карл Наваррский рассчитывал встретить нестройные толпы и испугался, увидев такое зрелище. Испугались и его рыцари и бриганды. Два дня простояли обе стороны, не решаясь перейти в наступление. Наконец, Карл Наваррский решил действовать хитро-

¹ Копье — средневековая тактическая единица — состояло из рыцаря и его оруженосцев и слуг.

стью и коварством, в которых он был большой мастер. Он рассчитывал обмануть доверчивых и простодушных крестьян и не просчитался. Вызванный им для переговоров, Гильом Каль отправился в лагерь врагов, не потребовав никаких заложников, и был немедленно схвачен. Крестьянское войско лишилось своего талантливого предводителя. Этим и была сломлена сила повстанцев. Ударивший на них с фланга английский отряд, служивший Карлу, уже не встретил энергичного отпора. Атака с фронта завершила разгром крестьян, которые были деморализованы, лишившись своего предводителя еще до начала боя. Спаслись лишь немногие. Победители устроили свирепую, кровавую баню.

В бою под Клермоном (10 июня 1358 года) были сломлены основные силы крестьянского восстания.

«Так кончилась жакерия невдалеке от того места, где она вспыхнула за две недели до того»¹, — заметил по этому поводу историк восстания С. Люс. Часть крестьян бежала в Клермон, но город открыл ворота войскам Карла Наваррского и выдал беглецов. Все они, как и их предводители, были немедленно убиты. Калю дворяне надели на голову раскаленный железный треножник, глумясь над «королем жаков».

5

Между тем отряд парижан, присоединяя к себе по дороге местных повстанцев-крестьян и разрастаясь как снежный ком, подошел к Мо. В крепости царил паника. Около 300 дворянок со своими очень малочисленными защитниками отчаялись получить спасение. Жители Мо во главе со своим мэром Сула́ сочувствовали крестьянам и готовы были присоединиться к ним при штурме крепости. Пришедшие в Мо повстанцы уже готовились к приступу, когда одно случайное событие изменило соотношение сил и судьбу боя.

Об осаде крепости в Мо услышал один из известнейших искателей при-

ключений того времени, граф Гастон де Фуа, который в это время проезжал через Шалон на Марне во главе своего отряда вместе с другим гасконским рыцарем - авантюристом, Жаном де Грайи. Оба они, и де Грайи и де Фуа, возвращались из крестового похода против «язычников»-пруссков. Узнав о происходящем в Мо, они с 40 копьями поскакали на выручку принцесс и дам, осажденных «жаками». Это ли был не случай прославиться на весь дворянский мир! Их прибытие погубило дело крестьян.

Повстанцы, штурмуя крепость, продвинулись уже до самых ее укреплений и перебили многих из дворянского гарнизона, но при этом они скопились целыми толпами в окружавших крепость улицах города. Женщины, находившиеся в крепости, видя, что плотная масса крестьян уже совсем близко, подняли крик и плач.

Но в это время гарнизон открыл крепостные ворота и по мосту на крестьян, опустив копы, ринулся отряд конных рыцарей, с ног до головы закованных в стальные доспехи. Судьба боя была решена. Крестьяне, скученные в узеньких улочках и переулках, вооруженные большей частью кинжалами и тому подобным жалким оружием, целыми рядами валились под копьями и мечами дворян, остававшихся невредимыми в своих доспехах. Битва превратилась в бойню. Рыцари ворвались в город.

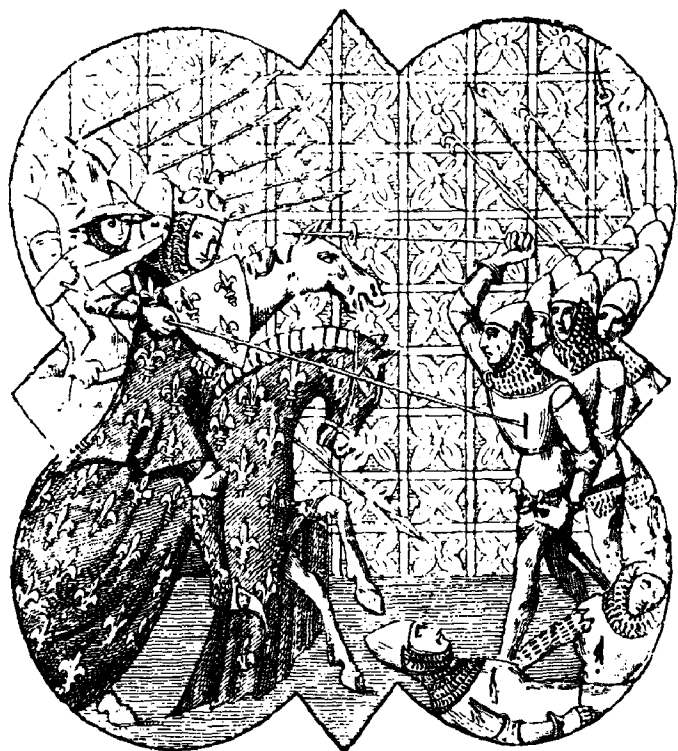
Победители резали без пощады и крестьян и горожан, повесили мэра Сула́, разрушили и выжгли Мо дотла. Пожар длился 15 дней. Не скоро был восстановлен Мо. С трудом он получил амнистию, но уже навсегда лишился своих коммунальных привилегий и был подчинен парижскому прево². Дворяне рассеялись по деревням, неистово расправляясь с крестьянами. Битвы под Клермоном и Мо окончательно решили исход крестьянской войны. Восстание было дезорганизовано, и началась, как выразился Люс, «контржакерия»³.

Но крестьянская война 1358 года не сводилась к этим двум решающим бит-

¹ S. Luce «Histoire de la Jaquerie», p. 140.

² Прево — королевский чиновник.

³ S. Luce «Histoire de la Jaquerie», p. 184.

Рыцарский бой. Франция. XIV в.
По миниатюре того времени.

вам: в различных районах происходил ряд самостоятельных столкновений крестьянских отрядов с дворянскими.

В окрестностях Амьена около 3 тысяч собравшихся крестьян избрало своим предводителем Симона Дубле, но тот убежал. Тогда они избрали Жана де Френон из Кате, в Бовези. Близ Линьера они столкнулись с отрядом из 120 пикардийских и нормандских дворян, и более 2 тысяч крестьян осталось на поле битвы. В бою был убит предводитель дворян Гильом де Пикиньи, родственник одного из преданнейших приверженцев Карла Наваррского. Это произошло еще до битвы при Клермоне и прибавило ярости Карлу Наваррскому.

В Пертуа дворяне уговорили крестьян разойтись и потом обрушились на них со всей яростью.

Через несколько дней после битвы под Клермоном, около Пуа, отряд дворян, шедший на соединение с войсками Карла Наваррского, встретил отряд крестьян, направлявшийся к уже погибшему Калю. Крестьяне потерпели поражение и около полуторы тысяч их было убито. Позже тот же дворянский отряд разбил при Жерберуа еще одну группу повстанцев, перебив около 800 человек. В одном монастыре, куда укрылись повстанцы, они сожгли еще 300 человек. В Гайфонтене они убили тысячу крестьян.

В Бри граф де Русси вешал крестьян

у ворот их хижин. И так двигались по всей Северовосточной Франции отряды подобных же палачей и убийц!

Регент в начале восстания находился в Сансе и, когда загорелся пожар крестьянской войны, двинул свои войска под командой сира Сэн-Софлье.

Кличем дворян было «смерть мужикам». Примеру отпрыска знаменитой буйной феодальной фамилии Ангеррана де Кузи, об'явившего настоящую охоту за «жаками», следовало все дворянство Северовосточной Франции. Летописец говорит по этому поводу: «Злейшие враги королевства — англичане — не смогли бы сделать то, что наделали собственные дворяне». Кстати, эти «злейшие враги», узнав о крестьянском восстании, немедленно стали помогать своим попавшим в беду французским собратьям по классу, забыв о войне, которая шла в это время между обоими королевствами. На помощь французскому дворянству спешили рыцарские отряды из Лотарингии и Нидерландов.

Только до 24 июня 1358 года, по свидетельству специальных источников, погибло более 20 тысяч крестьян, но бойня продолжалась еще и в августе. Крестьяне бежали в леса. Целые области превращались в пустыри. Из Пертуа крестьяне массами переселялись в графство Бар, оставляя пустыми родные земли.

За убийствами и пожарами последовали тяжелые штрафы и контрибуции. При всем этом крестьяне были обязаны попрежнему выполнять все свои феодальные повинности и в довершение разорения их обложили чрезвычайным налогом на нужды войны с Англией.

Этьен Марсель остался во главе парижан один на один с дворянами. Городские богатеи, видя безнадежность борьбы с правительством, отвернулись от него, тем более, что им очень не нравились его связи с погибавшими крестьянами. Карл Наваррский был не союзником, а только интриганом. Этьен Марсель попытался обратиться за помощью к богатым фландрским городам и в своем письме клеймил зверства знати.

«Вы слышали, — писал Марсель, — как великое множество знати, не различая добрых от злых, виновных от

правых, пожгли города, избили без всякой жалости и милосердия добрых людей, подвергли жестоким мукам женщин, детей, священников и монахов... изнасиловали жен в присутствии их мужей, — словом, жестокими и бесчеловечными своими поступками причинили более бед, нежели некогда совершили вандалы и сарацины».

Этьен Марсель умолял фламандцев выступить «на защиту народа, честных земледельцев и честных купцов» от дворян, «этих убийц, грабителей и злых врагов бога и веры». Но голос его не был услышан, и вскоре он сам был убит в Париже агентами дофина. Так называемая парижская революция также окончилась неудачей.

Но дворяне навсегда запомнили крестьянскую войну 1358 года, и с тех пор во французском языке именем «Жакерия» обозначается всякое крестьянское восстание.

* * *

Крестьянская война 1358 года была до крайности неорганизованным и стихийным восстанием. Поистине героические усилия талантливой Гильома Каля не могли спасти положения. Совершенно неопытные в военном отношении, крестьяне были к тому же и едва вооружены. Естественно, что рыцарская конница, закованная в сталь с ног до головы, без особого труда разбивала более многочисленные, но совершенно хаотические массы повстанцев. Восстание раздробилось на целый ряд отдельных, разрозненных вспышек, которые были по частям разгромлены знатью.

В течение всей крестьянской войны 1358 года в ряде городов беднота выступала вместе с крестьянами. В Нормандии, в городе Кане, некто Пьер де Монфор ходил по улицам, прицепив к шляпе изображение плуга и называя себя представителем «жаков», агитировал за присоединение горожан к повстанцам. Вскоре он был убит. В Амьене часть жителей пыталась присоединиться к «жакам», но была рассеяна и перебита мэром, стоявшим во

главе богатых горожан. В Мондидье жители под руководством Жана Булочника разрушили замок сеньора де Пьеррпон. Горожане Бовэ с первых же дней восстания присоединились к крестьянам. Они казнили пленных дворян, которых к ним прислали повстанцы. Впоследствии город жестоко поплатился за это.

Жители Мо во главе со своим мэром вместе с крестьянами и парижским отрядом штурмовали крепость.

Но как бы то ни было, союз восставших крестьян с горожанами не состоялся по вине городской буржуазии. Слова Энгельса, сказанные о немецких крестьянах, восставших в 1525 году, что «некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями»¹, полностью можно отнести и к восстанию французских крестьян 1358 года, которым тоже не хватало такого союза.

На опыте крестьянской войны 1358 года лишний раз ярко подтверждаются слова товарища Сталина о том, что «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»².

Но все же борьба крестьянства с феодалами имела большое прогрессивное значение. Только страх перед крестьянским восстанием сдерживал безграничные эксплуататорские аппетиты помещиков. Эта же борьба заставляла знать всерьез подумать о замене серважа вилланским держанием и, таким образом, двигала вперед развитие средневековой французской деревни.

¹ Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 30. Соцэкгиз. 1931.

² И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Партиздат. 1933.

К. Ющак

«В БОЯХ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РОДИНУ». Альбом. Политическое управление РККА. Отдел издательства НКО Союза ССР. 1935. 25 000. 50 руб.

До последнего времени всякий изучающий историю гражданской войны в СССР сталкивался с отсутствием систематических наглядных пособий по этому вопросу. Имевшиеся в распоряжении пропагандистов наглядные пособия (карты, схемы, диаграммы, плакаты) в значительной своей части относились к отдельным моментам и эпизодам из истории героической борьбы Красной армии с белогвардейцами и интервентами за социалистическую родину. Основной недостаток этих наглядных пособий заключался в том, что они не давали в яркой, красочной форме цельной и последовательной картины всей гражданской войны в СССР.

Выход в свет I тома «Истории Гражданской войны в СССР» в еще большей степени подчеркнул необходимость издания наглядного пособия по истории гражданской войны, которое на иллюстративном материале показало бы борьбу рабочих и крестьян под руководством партии Ленина—Сталина за социалистическое общество.

Издание альбома «В боях за социалистическую родину» свидетельствует о том, что Политуправление РККА разрешило эту задачу удачно.

Основное достоинство этого альбома состоит в том, что он на большом и хорошо подобранном материале показывает в последовательном, хронологическом порядке все основные этапы борьбы за социалистическую родину, начиная от Великой октябрьской социалистической революции, кончая боями ОКДВА с бело-китайцами в 1929 году.

Альбом «В боях за социалистическую родину» состоит из 78 вкладок и начинается хорошо исполненными портретами товарищей В. И. Ленина, И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова.

Составители альбома использовали лучшие образцы изобразительного искусства, посвященные гражданской войне в СССР. В альбоме воспроизведена большая часть картин с выставки к 15-летию Красной армии в Москве. Настоящее издание включает в себя около 30 репродукций с картин и плакатов художников: Сварога, Грабаря, Герасимова, Грекова, Авилова, Савицкого, Дени, Владимирова, Львова, заслуженного деятеля искусств Бродского и ряда других художников.

Особенно следует отметить такие репродукции, как «Штаб Великой проле-

тарской революции в октябре 1917 года» Сварога, «Ленин у прямого провода» Грабаря, «Немецкие оккупанты на Украине» Герасимова, «Расстрел 26 коммунаров» Бродского, «Оборона Царицына» Грекова, «Чапаяев в бою» Васильева, «Допрос коммунистов» Иогансона, «Захват Касторной» Грекова, «Приезд товарища Сталина в 1-ю Конную армию» Авилова, «Выступление В. И. Ленина на проводах частей Красной армии на Польский фронт» Бродского, «Волочаевский бой» Машкевича, «Бой под Лахасусу» Львова и ряд других.

Подбор фотографий сделан очень хорошо. В альбоме показаны «Товарищи Ленин, Сталин, Калинин на VIII съезде РКП(б)», «Товарищ Щорс с курсантами», «Товарищ Ворошилов и Буденный с командирами и политработниками 1-й Конной армии», «Товарищи Киров, Орджоникидзе и Микоян с работниками реввоенсовета XI Красной армии на вокзале освобожденного от белых Баку», «Товарищи Фрунзе, Ворошилов и Буденный на Украине в период борьбы с бандитизмом», «Маршалы Советского союза» и др.

Большую практическую помощь окажут пропагандистам имеющиеся в альбоме 20 схем, сделанных тов. Де-Лазари, которые четко показывают важнейшие этапы гражданской войны: «Германская интервенция 1918 года», «Борьба за Волгу», «Оборона Царицына под руководством товарища Сталина», «Первый поход Антанты», «Второй поход Антанты», «Сталинский план основного удара для разгрома Деникина», «В огненном кольце», «Товарищ Сталин в борьбе за Петроград», «Третий поход Антанты», «Контрудар Красной армии на Польском фронте», «Итоги войны с белой Польшей», «Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже советских дальневосточных границ 1929 года» и др.

Все эти исполненные красками схемы дают наглядное представление о положении на фронтах гражданской войны и о той огромной роли, которую сыграл в разгроме деникинцев и интервентов гениальный план товарища Сталина.

В настоящем номере нашего журнала мы воспроизводим часть этих схем, вполне доступных для читателя-неспециалиста.

На схеме 34-й—«В огненном кольце»—показано положение на фронтах гражданской войны в тот период, когда империалистическая Германия оккупировала Белоруссию, Украину и угрожала из Прибалтики Петрограду. В Закавказье обозначено наступление союзных с Германией турецких войск на Баку и Кутайс. На севере показаны операции английских оккупационных войск в Мурманске и Архангельске, на востоке — на-

ступление дутовцев и чехословаков, занявших Казань, Симбирск, Самару, и узкая полоска Царицынского фронта, защищаемая X армией во главе с товарищами Сталиным и Ворошиловым.

В тот момент на Царицынском фронте решалась судьба пролетарской революции. Вот как определяет тов. Ворошилов значение Царицынского фронта: «Революция переживает величайшие испытания. Телеграмма за телеграммой летит по проводам к товарищу Сталину в Царицын от Ленина и обратно. Ленин предупреждает об опасностях, ободряет, требует решительных мер. Положение Царицына приобретает громадное значение. При восстании на Дону и при потере Царицына мы рискуем потерять весь производящий, богатый хлебный Северный Кавказ. И товарищ Сталин это отчетливо понимает»¹. В течение короткого срока под руководством товарища Сталина создаются заново новые дивизии. Штабы и тыл очищаются от контрреволюционных элементов. Товарищ Сталин «...был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью,—победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, не взирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе. И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону»².

На схеме 20-й дана борьба за Пермь в 1918—1919 года. Здесь в это время благодаря наступлению Колчака в ноябре 1918 года создается катастрофическое положение, ставившее под удар колчаковских армий Вятку и открывающее им путь для соединения с архангельской контрреволюцией. Продвижение армии Колчака грозило тяжелейшими последствиями для революции, и Центральный комитет РКП(б) вынес постановление: «Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского, Сталина для подробного расследования причины сдачи Перми, последних поражений на уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления»³.

После прибытия на Пермский фронт товарищ Сталин немедленно вскрыл и разоблачил вредительскую сущность инструкций Троцкого, которые и послужили основной причиной тяжелых поражений Красной армии на Пермском фронте. С ведома и по прямым указаниям Троцкого в Красную армию мобилизовывались люди вне зависимости от их социального положения. Проникшие в Красную армию классово враждебные, контрреволюционные элементы при первом удобном случае переходили на сторону белогвардейцев. Троцкий, полагаясь

всцело на сомнительных военопецов, всячески третировал старых большевиков. Тов. Ворошилов указывал, что на VIII съезде партии среди военных делегатов было сильное недовольство Троцким за его черствое, враждебное отношение к старым большевикам, находившимся на фронтах и на своем горбу выносившим все тяготы боевой страды. Уже к этому времени Троцкий пытался расстрелять целый ряд ответственных военных коммунистов-фронтовиков, и только вмешательство ЦК и сопротивление, оказанное фронтовыми работниками, предотвратили гибель ряда лиц.

В течение двух недель товарищ Сталин произвел пополнение армии за счет классово надежных частей, провел чистку штабов, а также советских и партийных организаций в тылу от неустойчивых и изменнических элементов. В кратчайший срок была налажена работа железных дорог и т. д. В результате этих действий товарища Сталина произошел резкий перелом в деле укрепления боеспособности III армии. Таким образом, было приостановлено наступление Колчака и созданы предпосылки для перехода Красной армии в контрнаступление.

На вкладке № 17 показана схема первого похода Антанты. Товарищ Сталин в 1920 году с предельной ясностью дал характеристику этого похода: «Поход этот был комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Колчака, Деникина, Польши и Юденича и смешанных англо-русских отрядов в Туркестане и в Архангельске»⁴.

На схеме с востока указаны направления главного удара Колчака на Пермь, Вятку, Казань, Симбирск, Самару и Оренбург и план последующего наступления на Москву; на Северном Кавказе начерчено направление действий белогвардейских войск Деникина в сторону Донбасса и Царицына; на западе обозначены операционные направления белополяков и Петлюры на Минск, Житомир и Киев; на северозападе и севере — действия белогвардейской армии Юденича и войск английских интервентов, которые поставили себе задачу — пробиться из Архангельска через Шенкурск на Котлас для соединения с армией Колчака.

Начало английской интервенции на Севере, как известно, было положено высадкой в Мурманске 9 марта 1918 года отряда английских моряков. Троцкий и его ставленник в Мурманске Юрьев сыграли здесь явно контрреволюционную роль, заключив позорное соглашение с представителями Антанты, по которому английские войска «законно» заняли, т. е. фактически захватили, Мурманский край.

Ленин и Сталин потребовали отмены этого изменнического соглашения, но троцкистские агенты в Мурманском совете продолжали сотрудничество с интервентами.

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная армия», стр. 8. Партиздат. 1933.

² Там же, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 20.

⁴ «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 279. Партиздат. 1936.

На этой же схеме пунктиром обозначены планы наступления белогвардейцев, имевшие целью объединение всех сил контрреволюции для борьбы с Советской Россией, в частности план Деникина, рассчитанный на прорыв через Царицын на Саратов для соединения с Колчаком.

Схема дает ясное представление об огромном значении Царицынского фронта, где белогвардейские войска натолкнулись на геройское, непреодолимое сопротивление X армии, во главе которой стояли железные полководцы пролетарской революции товарищи Сталин и Ворошилов.

На этой же схеме показан контрудар южной группы армий Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе. Это контрнаступление закончилось разгромом Колчака и крахом всех указанных белогвардейских проектов.

Отдельной вкладкой показан план товарища Сталина по разгрому Деникина. Из этой схемы видно, насколько серьезное положение создалось на Южном фронте в октябре 1919 года, когда деникинские части заняли Орел и угрожали Туле. В этих условиях Центральный комитет поручил организацию разгрома Деникина товарищу Сталину, который выдвинул свой гениальный план основного удара через Харьков, Донбасс на Ростов в противовес авантюристскому, по существу контрреволюционному плану Троцкого, предлагавшего вести наступление со стороны Царицына через астраханские пески и Северный Кавказ на Новоросийск.

Об этом «плане» Троцкого товарищ Сталин писал:

«Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом»¹. Перед своим назначением на Южфронт товарищ Сталин поставил перед ЦК три главных условия:

«1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках, и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору товарища Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью»².

В результате осуществления плана товарища Сталина деникинские армии были разгромлены и уничтожены. Этот план и его реализация получили свое отражение в схеме № 42.

Особый интерес в этой последней представляет направление удара 1-й Конной армии, прорвавшей с молниеносной быстротой Деникинский фронт и рассекшей армию Деникина на две части. Линии фронтов на январь, февраль и март 1920

года говорят не об отступлении белогвардейской армии, а об ее паническом бегстве к морю.

Схема 39-я дает представление о ходе борьбы за Петроград в 1919 году.

«Первое время оборона Петрограда и борьба с Юденичем проходили недостаточно активно. В отдельных частях наблюдались расхлябанность и растерянность. Тогда ЦК партии посылает для организации обороны Петрограда товарища Сталина. Вот что говорит о роли товарища Сталина в защите Петрограда тов. К. Е. Ворошилов:

«В течение трех недель товарищу Сталину удается создать перелом. Расхлябанность и растерянность частей быстро ликвидируются, штабы подтягиваются, производятся одна за другой мобилизации питерских рабочих и коммунистов, беспощадно уничтожаются враги и изменники»³.

Товарищу Сталину пришлось взять на себя также и непосредственное руководство оперативной работой военного командования. В эту область товарищ Сталин вносит всю свою революционную энергию и творчество, ломая и опрокидывая консерватизм и косность военных специалистов. Вот что товарищ Сталин телеграфирует В. И. Ленину:

«Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все благоговение перед наукой. Сталин»⁴.

В результате этих мероприятий товарища Сталина Красной армии удалось отстоять Петроград и затем разгромить банды Юденича. На схеме ясно показан ход военных действий, закончившихся полным разгромом и бегством банд Юденича.

Схема 51-я — «Третий поход Антанты» — показывает наступление белополяков на Советскую Украину в 1920 году. Товарищ Сталин писал: «Не подлежит сомнению, что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты... Польша воюет с Россией пока что одна. Но было бы наивно думать, что она остается одинокой. Мы имеем здесь в виду не только всестороннюю поддержку, которую, несомненно, оказывает Польша Антанте, но и тех боевых союзников Польши, которые отчасти уже найдены Антантой (например, остатки деникинских войск), отчасти же будут, по всей вероятности,

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная армия», стр. 32. Партиздат. 1933.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 26—27.

найлены во благо европейской «цивилизации»¹.

Схема 51-я дает представление о территории Польши, об оккупированных ею областях в первый период войны и о планах Пилсудского и Врангеля в отношении наступления на Москву.

Схема 58-я показывает контрудар Красной армии на Польском фронте и легендарный поход 1-й Конной армии из сальских степей на Югозападный фронт. На этой же схеме четко показано направление отступления белополяков от Киева до Варшавы и ход операций на Врангелевском фронте.

Следует отметить, что заголовок 58-й схемы не исчерпывает всего ее содержания, поскольку на схеме показан не только контрудар Красной армии на Польском фронте, но и наступление красных частей на Врангеля в октябре — ноябре 1920 года.

Об огромном значении, которое придавала партия Врангелевскому фронту, свидетельствуют следующие слова товарища Сталина: «Очевидно врангелевский фронт является продолжением польского фронта, с той однако разницей, что Врангель действует в тылу наших войск, ведущих борьбу с поляками, т. е. в самом опасном для нас пункте. Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована... Пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными»².

Эта мысль также выражена и в обращении ЦК партии от 10 июля 1920 года, где говорилось, что в ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте. Вопреки линии партии, считавшей Врангелевский

фронт продолжением Польского фронта, Троцкий выступал и доказывал, что армия Врангеля — это только партизанский отряд, брошенный в тыл Красной армии. Предательская политика Троцкого, таким образом, давала возможность Врангелю наносить удары в спину революции в момент войны с белополяками.

Схема 64-я — «Штурм Перекопа и Чонгара» — благодаря сложности очертаний местности и большой насыщенности Перекопского перешейка войсковыми подразделениями при общей скоротечности операций представляет некоторые трудности для читателя-неспециалиста. Тем не менее дополнительная карта Крымского полуострова в этой схеме дает возможность легко ориентироваться в направлениях прорыва через Перекоп и Чонгар и дальнейшем наступлении Красной армии, очистившей в кратчайший срок Крымский полуостров от врангелевских банд.

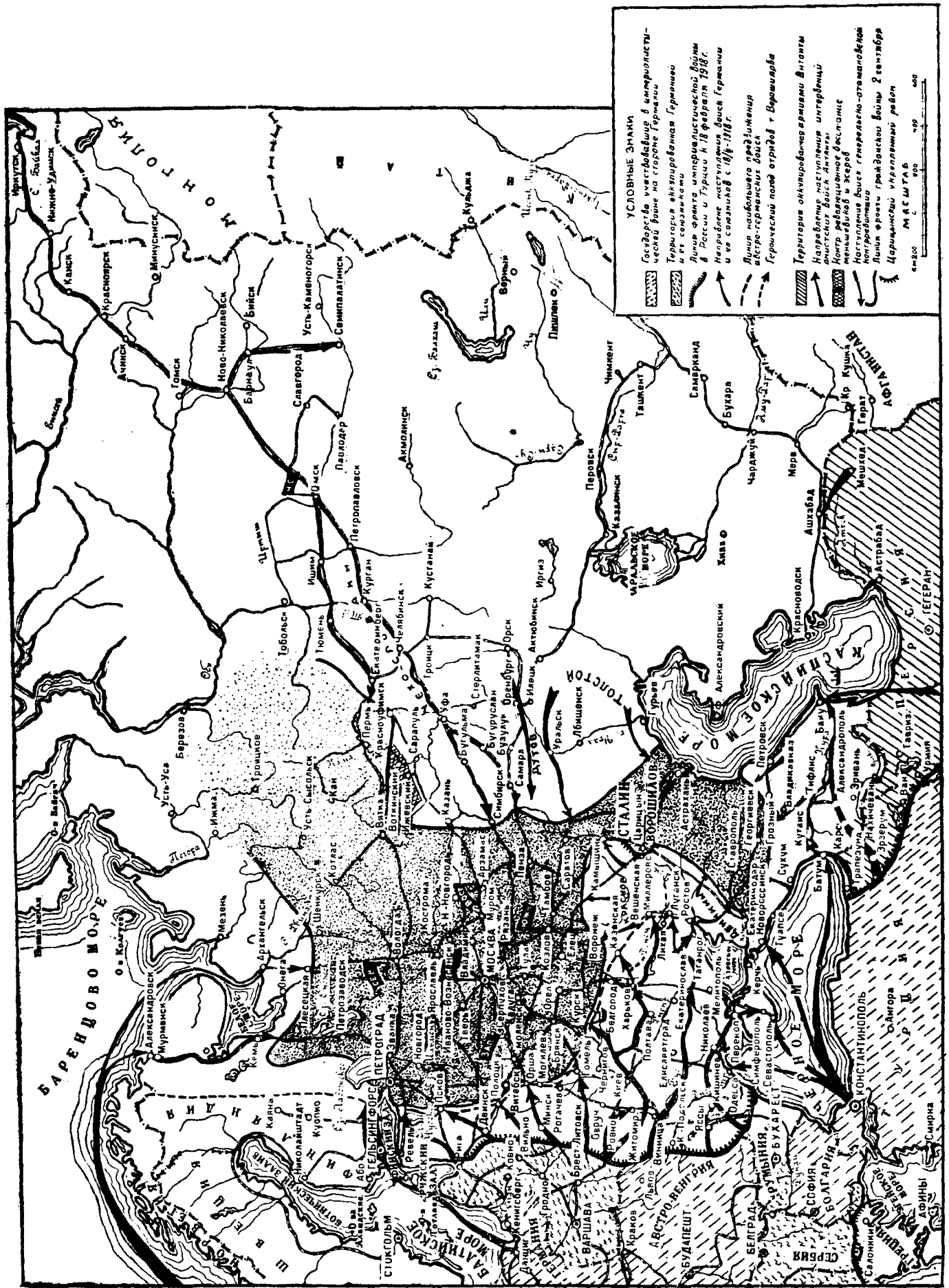
Таков далеко не полный обзор всего материала, который включает в себя этот альбом.

К числу недостатков альбома следует отнести то, что не все репродукции и схемы даются в строго хронологическом порядке. Так например под № 17 помещена схема «Первый поход Антанты», а под № 24 в схеме «В огненном кольце» речь идет о германской интервенции начала 1918 года, т. е. о событиях, которые имели место значительно раньше. Точно так же репродукция с картины художника Сварога «Штаб великой пролетарской революции» помещена после картины Хвостенко «Владимир Ильич Ленин в Смольном в октябре 1917 года», тогда как должно быть наоборот: сначала был создан штаб Великой пролетарской революции 29 (16) октября 1917 года, а картина художника Хвостенко относится к деятельности В. И. Ленина в Смольном уже после Октябрьской революции.

Эти недочеты технического порядка должны быть устранены в следующих изданиях альбома, так как совершенно очевидно, что тираж в 25 тысяч для такого издания недостаточен.

¹ «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 279 и 283. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 285—286.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

БОРЬБА ЗА ПЕРМЬ ЗИМОЙ 1918/19 Г.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Направление наступления правого Фланга Каймы, с Востана и интервалов с севера с целью соединения в районе Козлово

Общая идея наступления белых

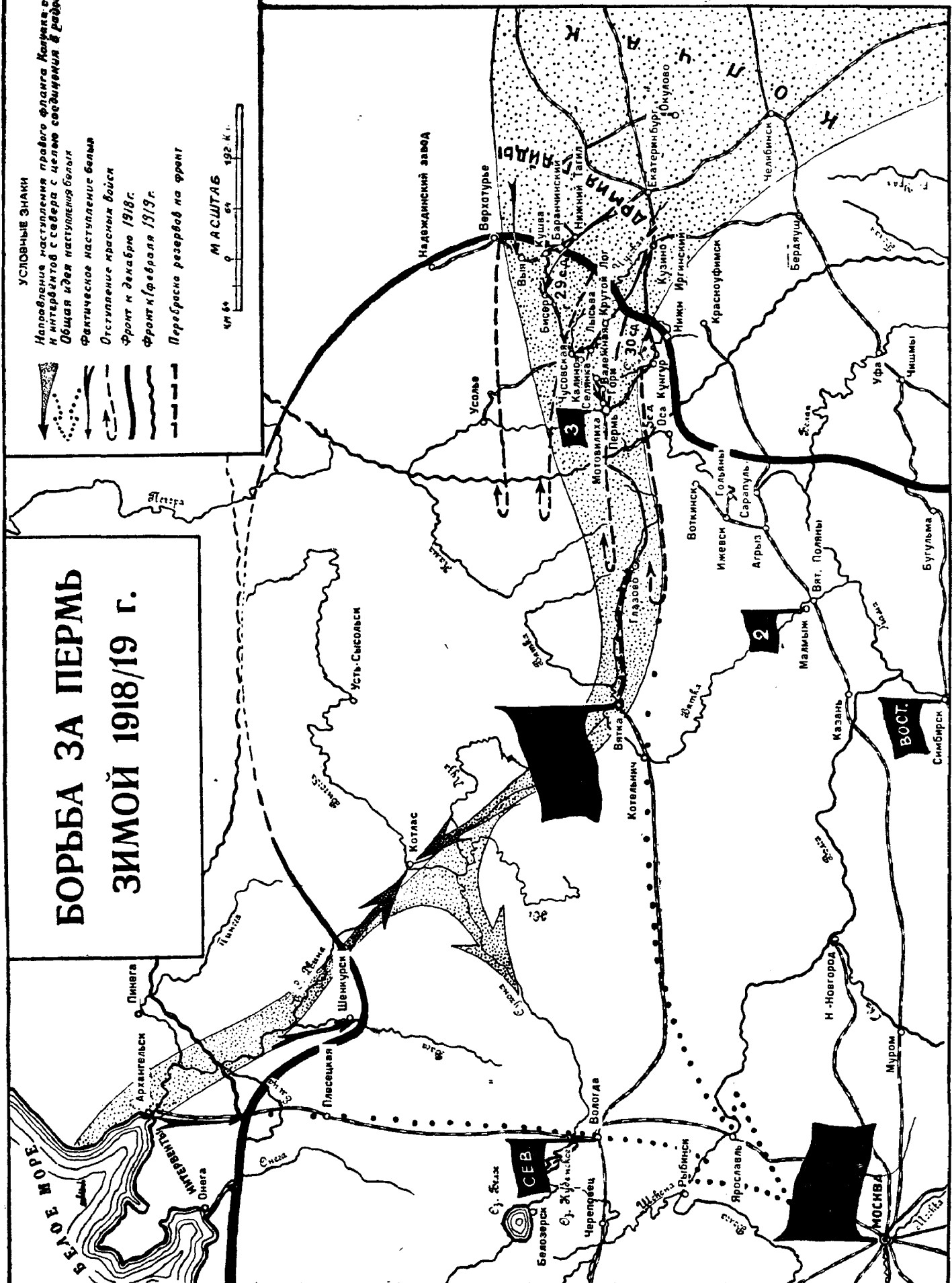
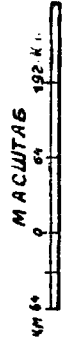
Фактическое наступление белых

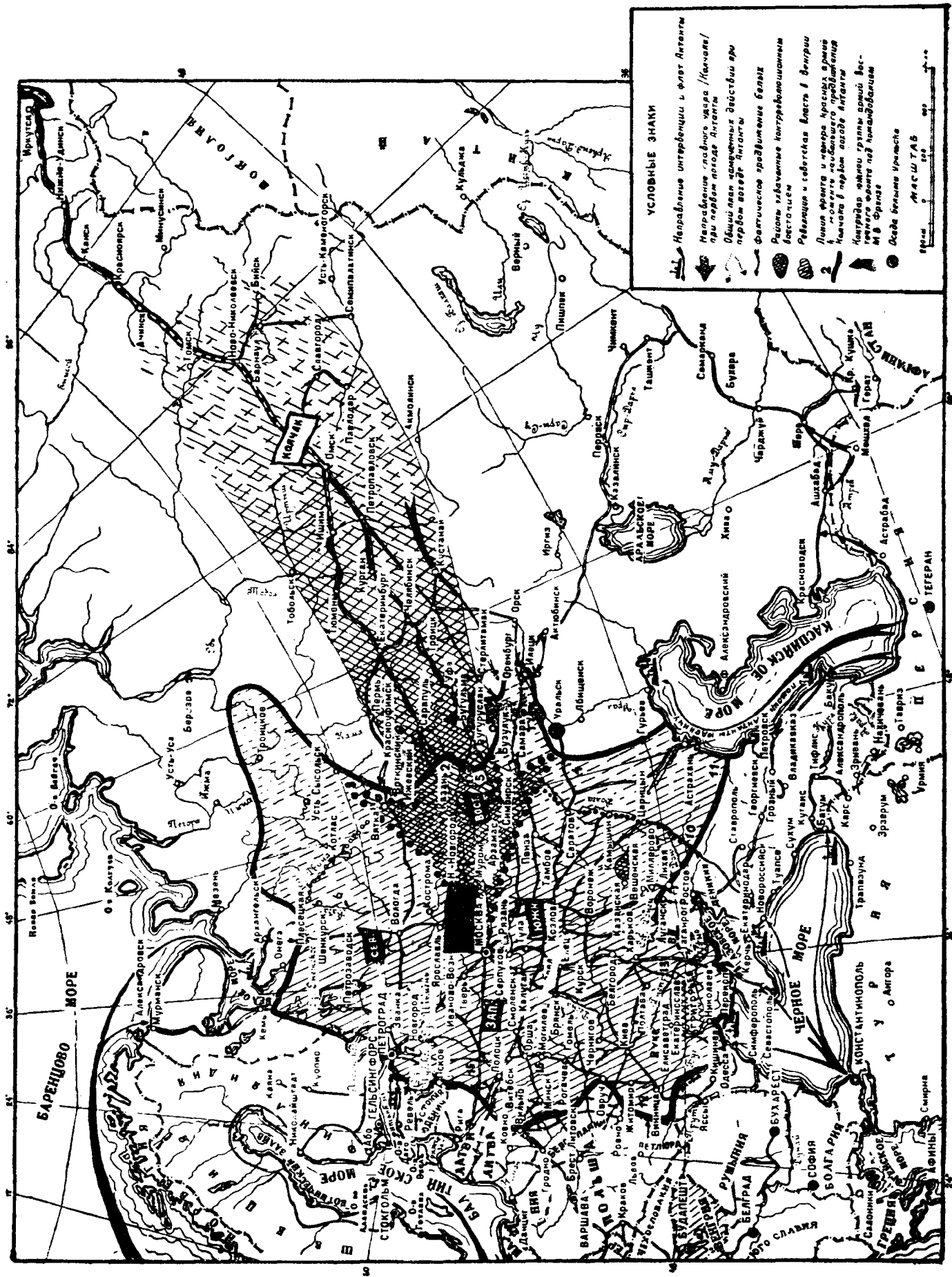
Отступление красных войск

Фронт к декабрю 1918 г.

Фронт к февралю 1919 г.

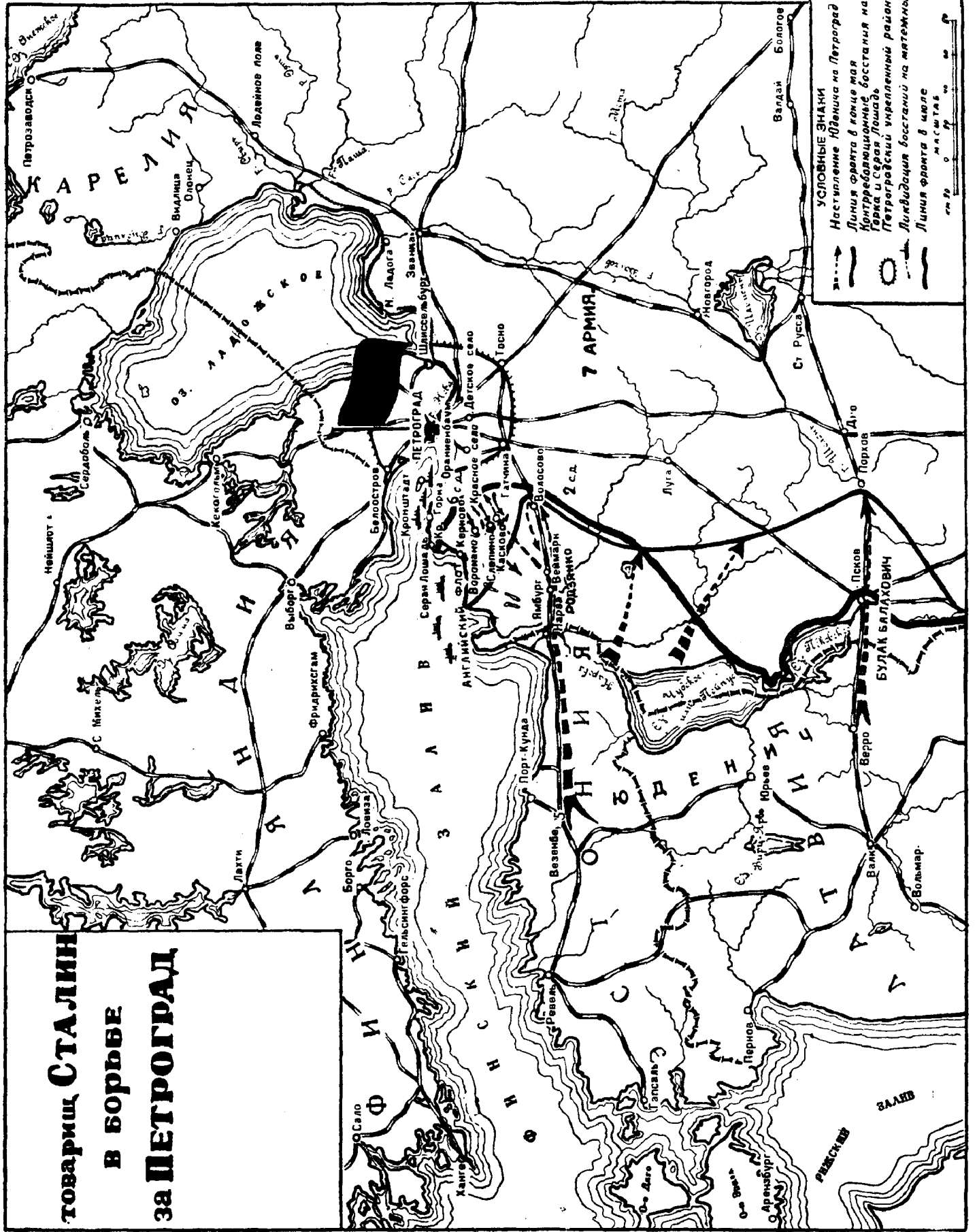
Пересекшие резервы на фронт

ПЕРВЫЙ ПОХОД АНТАНТЫ

**товарищ Сталин
в борьбе
за ПЕТРОГРАД**

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
 Наступление Юденича на Петроград в мае 1919 г.
 Линия фронта в конце мая
 Контрреволюционные боюстания на фортах Красная Гора и Старая Ладога
 Петроградский укреплённый район
 Линия боюстания на матерых фортах
 Линия фронта в июле

ПЛАН товарища Сталина по разгрому Деникина

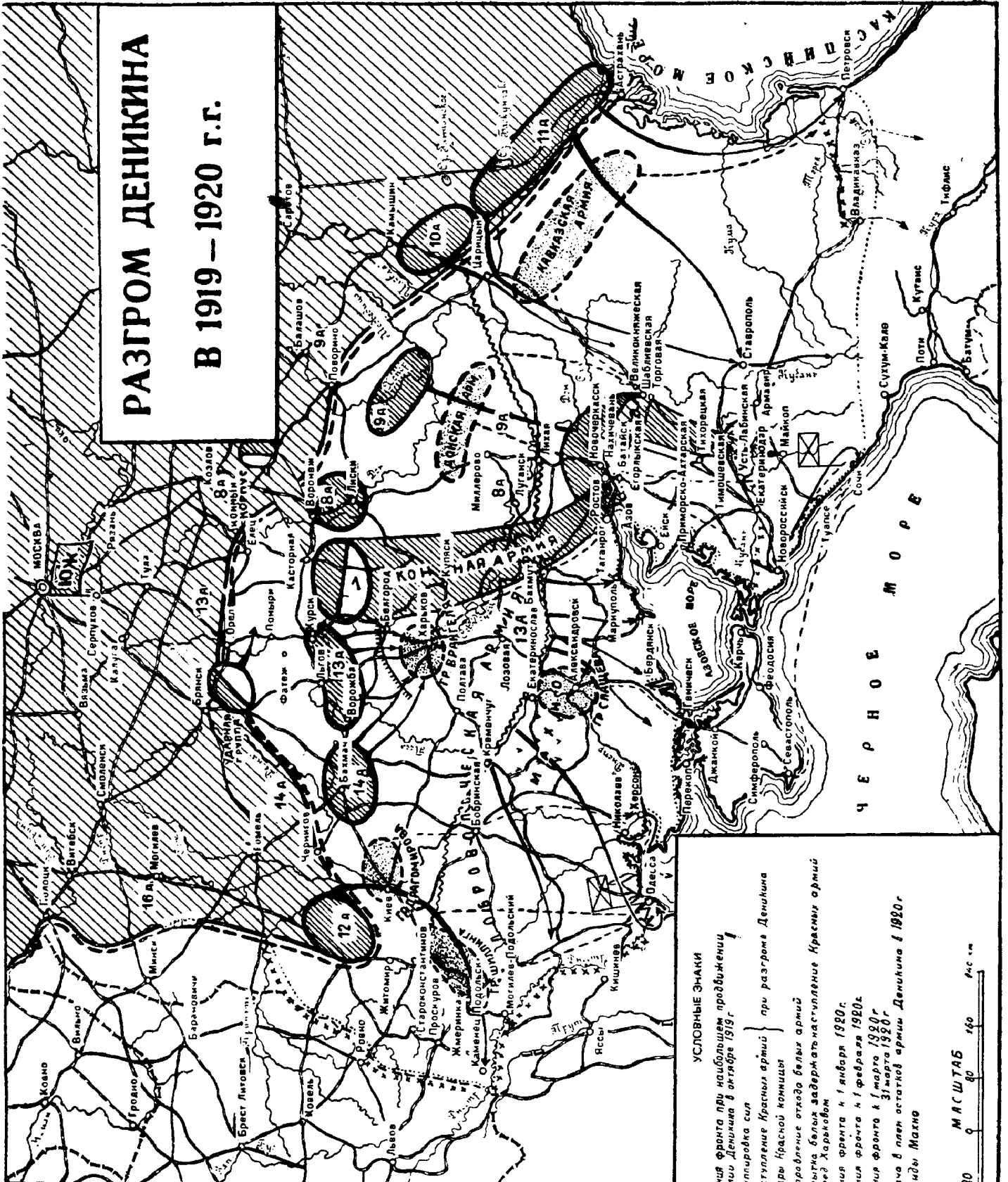
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Граница Красных армий и моменту начала выполнения великой армии директивы Деникина о походе на Москву от 3 июля 1919 г.
- Задачи белым армиям
- Линия наибольшего продвижения армий Деникина в октябре 1919 г.
- Старый план главного командования, реструктурированный и отвергнутый Сталиным
- Сталинский план основного удара для разгрома Деникина
- Банды Махно

МАСШТАБ
0 80 160 240 км

РАЗГРОМ ДЕНИКИНА

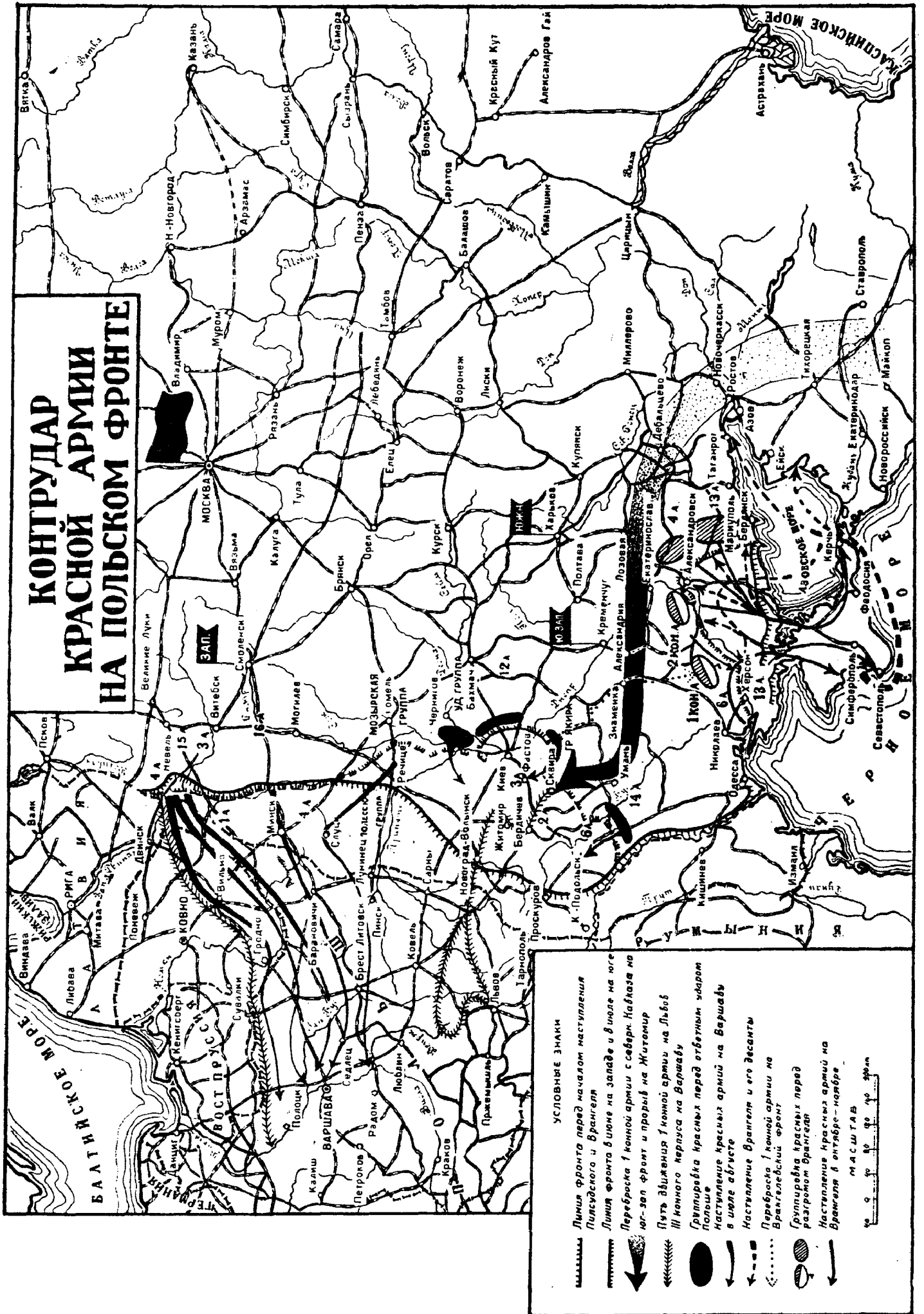
В 1919 — 1920 г.г.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Линия фронта при наибольшем продвижении армии Деникина в октябре 1919 г.
- Группировка сил наступления Красной армии при разгроме Деникина
- Удар Красной армии
- Направление отхода войск армии перед Харьковом
- Направление войск задержать наступление Красной армии
- Линия фронта к 1 января 1920 г.
- Линия фронта к 1 февраля 1920 г.
- Линия фронта к 31 марта 1920 г.
- Остатки армии Деникина в 1920 г.
- Банды Макино

км 80 0 160 1:100 000

КОНТРУДАР КРАСНОЙ АРМИИ НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ

- УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ**
- Линия фронта перед началом наступления
 - Писудского и Врангеля
 - Линия фронта в июне на западе и в июле на юге
 - Переброска 1 конной армии с севера Кавказа на юг-зап фронт и прорыв на Житомир
 - Путь движения 1 конной армии на Львов
 - 31 конного корпуса на Варшаву
 - Группировка Красных перед ответным ударом
 - Наступление Красных армий на Варшаву в июле августа
 - Наступление Врангеля и его десанты
 - Переброска 1 конной армии на Врангелевский фронт
 - Группировка Красных перед разгромом Врангеля
 - Наступление Красных армий на Врангеля в октябре-ноябре
- МАСШТАБ
0 50 100 150 км

В. Васютинский

С. И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. Аграрное законодательство великой английской революции 1643—1648 годов. Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1936. 301 стр. + 1 табл. 12 руб.

До сих пор экономическая и социальная история английской буржуазной революции XVII века является в значительной степени малоисследованной. Даже такой существенный момент ее, как аграрный вопрос и аграрные отношения, едва лишь затронут в специальной литературе. Не даром один из крупнейших исследователей аграрных порядков Англии XVI—XVII веков, проф. А. Н. Савин, с горечью отметил, что «батрак, подмастерье, бродяга, даже иомен и мастер все еще редко показываются на страницах общих и даже специальных работ. Все еще не достаточное внимание привлекают к себе общинное поле, огороженная ферма, нарушающая цельность общинного уклада...»¹.

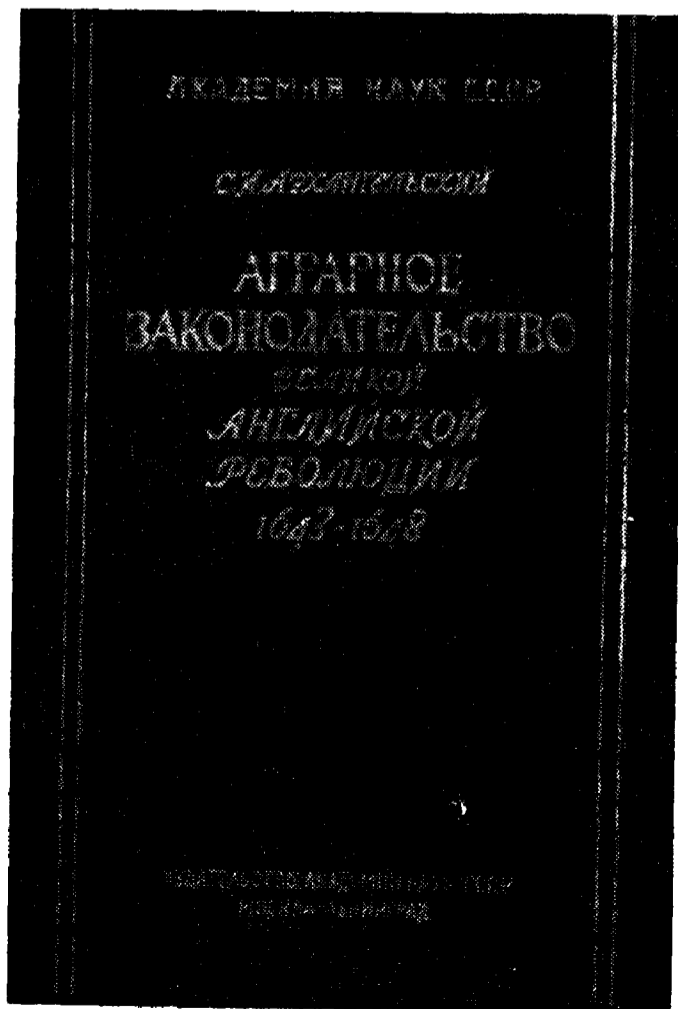
Эти слова Савина удачно характеризуют состояние буржуазной литературы по социально-экономической истории XVII столетия. Это пренебрежение к вопросам аграрной и вообще экономической истории английской революции вполне понятно, а идеалистическая

оценка грозных для английского феодализма революционных событий XVII века мешает буржуазным историкам поставить изучение их на должную высоту. Только марксисты понимают важность изучения аграрных и экономических проблем для уяснения судеб и характера буржуазных революций. Это твердо подчеркнул В. И. Ленин в отношении французской революции 1789—1793 годов, когда писал: «Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу»². Решение аграрного вопроса было не менее важно и для Англии: именно оно определило все дальнейшее своеобразие ее развития. Эта мысль красной нитью проходит через всю 24-ю главу I тома «Капитала». К сожалению, наша историография очень мало занималась этим важным вопросом. В то время как по истории Франции эпохи революции сделано очень много, для подобного же периода в истории Англии нет почти ничего: отдельные замечания в работе академика Н. Лукина об английской революционной армии да небольшое количество статей — вот и вся литература по этому вопросу.

Эту сложную задачу взял на себя С. И. Архангельский. В своем труде по истории английского аграрного законодательства 1643—1648 годов он выступает поэтому преимущественно как пионер, прокладывающий новые пути, и в этом прежде всего основная ценность его работы. Работа С. И. Архангельского основана на огромном количестве документов и почти на всей существующей по этому вопросу литературе. Главные источники, на которые опирается книга С. И. Архангельского, — акты революционных правительств Англии, протоколы палаты лордов и палаты общин за этот период и очень ценные документы комитета по секвестру земель роялистов. Источники эти имеют очень специфический характер: они обрисовывают лишь контуры аграрных отношений в Англии того времени. По этим документам мы можем установить, какие распоряжения делали парламент и комитет по секвестру в отношении земли, кому они передавали доходы, у кого ее конфисковывали, какие определяли налоги и т. п., но внутренняя жизнь деревни останется для нас по большей части закрытой; лишь в известной степени петиции раз-

¹ А. Савин «Лекции по истории английской революции», стр. 43.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 189.

ных лиц, внесенные в протоколы палат, приподнимают эту завесу. Эту односторонность С. И. Архангельский стремился пополнить привлечением других документов: дневников, мемуаров и т. д.

В начале своей работы, в первой главе, автор дает разбор литературы предмета, подвергает ее критике; вывод, к которому он приходит, малоутешителен: материала собрано много, материала интересного, но буржуазная идеология большинства писавших об аграрной истории английской революции помешала им правильно разрешить проблему. В конце главы дан обзор высказываний классиков марксизма по этому вопросу. В данном случае мы должны посоветовать на автора: обзор его неисчерпывающий: так, следовало бы указать на замечания Маркса в письме Анненкову, эльберфельдские речи Ф. Энгельса, или такие статьи В. Ленина, как «К оценке русской революции» и «Речь делегатам комитетов бедноты». Привлечение к обзору большего количества трудов классиков марксизма выявило бы яснее проблему исследования и пути к ее разрешению.

Познакомив читателя с литературой предмета, Архангельский рисует далее общее экономическое положение Англии в первой половине XVII столетия. Здесь он отмечает быстрый прогресс торгового капитала и повышение удельного веса торговой буржуазии. Знать должна была во многих случаях уступать место в сельском хозяйстве городским капиталистическим элементам. Благодаря важности шерстяного производства, тесно связанного с земледелием, буржуазия влияла на последнее и занимала крепкие позиции. Огораживание, разорение крестьянства и упадок феодального дворянства вели к концентрации земли в руках капиталистических элементов. «Все это, — говорит автор, — нарушало средневековый уклад деревенской жизни, хотя новая деревня росла медленно и не всюду одновременно из старой»¹. Несмотря на внешние и внутренние успехи английского капитализма перед ним стояло много затруднений: угрожала война с Испанией, нарастало обострение отношений с Ирландией, и особенную трудность представляла политика монополий правительства Стюартов. Усилившийся к концу 30-х годов экономический кризис сделал положение буржуазии нестерпимым и привел ее к революционным методам борьбы. Автор показывает и положение крестьянства: глубокую дифференциацию в его рядах, губительное влияние огораживаний на менее обеспеченные слои его — обстоятельства, только обострявшие противоречия в английском хозяйстве.

Глава эта, интересная по своим фактам и обилию материала, вызывает, однако, некоторые возражения. Автор чересчур

¹ С. И. Архангельский. Рецензируемое соч., стр. 50.

подчеркивает руководящую роль торгового капитала и мало говорит о развитии промышленности. Между тем еще Маркс указывал, что торговый капитал, хотя и разрушает основы феодализма, но вместе с тем он действует как сила, консервирующая старые хозяйственные элементы и неспособная создать новые производственные формы. Следовало бы больше остановиться на самом производстве, в частности на развитии мануфактуры и эволюции ремесла. Капиталистические успехи Англии автором несколько преувеличены: в то время она еще стояла ниже Голландии и с завистью смотрела на ее достижения в области торговли и промышленности.

2

Последующие главы (III—VII) книги Архангельского рассматривают аграрные мероприятия Долгого парламента со времени 1-й гражданской войны и до ликвидации монархии Карла I. Аграрное законодательство революции в этом отношении заключало в себе три основных момента: секвестр земель так называемых делинквентов, т. е. контрреволюционеров-роялистов, взимание особых штрафов (композиций) с этих последних и продажу епископских земель. Недостаток средств, вызванный продолжительной гражданской войной, и необходимость дать гарантии кредиторам правительства понудили его прежде всего пойти на секвестр владений делинквентов. «Секвестр имуществ, — замечает автор, — был старым средством и, в сущности, обычным доходом английских королей. Стоит вспомнить секвестры эпохи войны Алой и Белой розы и монастырскую диссолюцию эпохи Тюдоров»².

Указав на этот факт, не представлявший ничего исключительного в глазах английского общества того времени, С. И. Архангельский затем рисует нам детальную картину этих мероприятий. Он точно разбирает все указы по этому поводу, технику их проведения в жизнь, характер ведавших секвестрами учреждений. Секвестр земель касался только их доходов, но отнюдь не вел к их конфискации; указы о секвестре отличались большой эластичностью и, мало-помалу включая все больший и больший круг лиц, превращались таким образом из меры финансовой в орудие борьбы против контрреволюции. Эта революционизация аграрного законодательства была делом рук буржуазии: не даром ведущую роль в парламентских комитетах по секвестрованию играли и Сити и его органы. И все же, как всюду правильно подчеркивает автор, эти мероприятия не приняли столь широкого революционного размаха, какого вправе были ожидать демократические элементы Англии: «Секвестр не приводил к разрушению старой систе-

² Там же, стр. 64.

мы держаний, которые существовали в маноре, не ломал манориальных учреждений»¹. Отсюда права держателей, т. е. крестьянства, не были защищены и нарушались, что вызвало в конце концов ряд крестьянских волнений и протестов.

Кто оказался виновником этого? Автор резонно видит его в палате лордов. На ряде примеров он показывает, как лорды старались защищать роялистское дворянство, освобождали их земли за взятки от секвестра и противились сохранению прав крестьянства. Эти интересные данные позволяют вскрыть позицию некоторой части аристократии, примкнувшей к революционному лагерю: борьбу против углубления революции, стремления сохранить как свой авторитет, так и привилегии своего класса. Буржуазия, желавшая новых аграрных порядков, естественно, не была заинтересована в сохранении прав держателей крестьян и поэтому играла наруку лордам.

Переходя к вопросу об использовании секвестрованных земель (глава IV), автор рисует нам вызванную этой мерой широкую мобилизацию земельной собственности — переход поместий в руки буржуазных слоев — и останавливается подробно на борьбе за продажу секвестрованных имений. Последняя мера была предложена капиталистами Сити и, конечно, коренным образом вымела бы феодальные порядки в Англии. Но здесь защитникам этих радикальных мер пришлось встретиться с самой резкой оппозицией палаты лордов. После продолжительных споров между обеими палатами парламента победителями вышли лорды: в качестве гарантий займа, взятого правительством у лондонского Сити, парламента решил перейти к специальным штрафам, налагаемым на всех делинквентов, к композиции и продаже епископских земель. Коренной ломки в деревенских отношениях не произошло, а интересы крестьянства не были удовлетворены. «Английское аграрное законодательство,—делает правильный вывод автор,— так и не прошло по тому пути, на который встала Франция в 90-е годы XVIII века: оно не создало в деревне надежной опоры новому государственному строю в виде держательской массы»². Это совершенно верная мысль, но остается непонятным, почему лорды смогли одержать победу. Автор говорит, что их невольно поддержало Сити, требуя продажи епископских земель. Но отчего тогда лондонские капиталисты отказались вообще от продажи всех земель роялистов? К этому недоуменному вопросу нужно присоединить еще одно пожелание: автору следовало бы расширить его интересный и ценный материал о крестьянских волнениях.

¹ С. И. Архангельский. Цит. соч., стр. 91.

² Там же, стр. 95.

Глава IV подчеркивает большое значение композиций для революции. Практика их наблюдалась и до издания соответствующих указов, но, поскольку борьба с королем углублялась, расходы на армию и флот росли, а тем самым учащались требования Долгого парламента о займах. Буржуазия Сити настояла на систематизации всей практики композиций и передаче руководства в ее руки. Так был создан комитет Гольдемисхолла. Круг лиц, обязанных платить композиции, сильно расширился в 1647—1648 годах, причем взыскания эти носили очень суровый характер (вплоть до полной конфискации владений у самых ожесточенных врагов парламента), и несмотря на отдельные случаи злоупотреблений эти мероприятия проводились неукоснительно. Только уплата композиций сохраняла в руках делинквента его землю. Композиции тяжелым бременем легли на плечи роялистского дворянства, вынужденного во многих случаях продать свои земли, чтобы уплатить требуемый штраф.

Таким образом, композиции явились, с одной стороны, новым рычагом для мобилизации земли, а с другой, — выходясь словами автора, «были орудием классовой борьбы Вестминстерского парламента с кавалерами... Борьба денежных людей, коммерческих и промышленных кругов столицы и тех графств, которые к ней тяготели, с феодальной знатью и ее свитами, с теми слоями дворянства и буржуазии, которые связали свои интересы с абсолютистским режимом Стюартов»³.

Таблица 12-я книги показывает, что главным объектом композиций являлись, как мы уже говорили, различные слои дворянства; напротив, в земельной мобилизации, по мнению автора, приняла основное участие буржуазия. В подтверждение своего тезиса С. И. Архангельский ссылается на памфлет ярого врага индипендентов, представителя Сити — Уокера, — и на данные, почерпнутые из журналов палат парламента. Между тем эти данные, сведенные автором в таблицу 13-ю, очень туманно показывают социальное лицо приобретателей земли: все упомянутые там мистеры и горожане — не обязательно буржуа, среди них могли быть и дворяне. Что касается памфлета Уокера, то он носит полемический характер, и ему нужно верить с большой осторожностью. Источники, использованные автором, не могут по своему характеру точно ответить, насколько глубоко проникла буржуазия в сельское хозяйство и как много земли перешло в ее руки в результате законодательства о композициях. Процент буржуазии был, повидимому, довольно большой, но, может быть, не настолько высокий, как сказано в книге; обобщение автора нам кажется несколько преждевременным.

³ Там же, стр. 140—141.

Очень ценной и содержательной является глава о распродаже епископских земель. Здесь автор показывает положение епископского землевладения до революции, отмечает особенно архаичный характер землевладения и затем рисует нам постепенное развитие законодательства в отношении епископата и его имущества: сперва, петиция об отмене епископата в 1641 году (так называемая петиция «о корнях и ветвях»), затем, самая отмена его в 1645 году и, наконец, ряд указов о распродаже владений. В распродаже ведущую роль играла лондонская буржуазия: лондонские Сити и денежные люди других городов являлись основными кредиторами Долгого парламента и были весьма заинтересованы в скорейшей продаже епископских земель как важнейшей гарантии займа, данного Сити. Распродажа протекала, однако, неравномерно: до августа 1646 года гражданская война и выступления крестьян задерживали издание соответствующих законов, вслед за тем финансовая нужда и необходимость погасить заключенные у Сити займы привели к отмене епископата и к указу о распродаже епископских владений. Последние вместе с акцизом сделались основным обеспечением нового займа. Вот почему парламент постарался заинтересовать покупателей земли и предоставлял различные льготы для этого. Одновременно автор подчеркивает антикрестьянский характер указа о распродаже: «В жертву ускоренной распродаже земель приносились интересы держательской массы, а самая распродажа диктовалась финансовыми кругами, близкими Вестминстерскому (т. е. Долгому. — В. В.) парламенту...»¹. Первоначально права держателей были оговорены, но так неточно, что допускали их нарушение; позже (21 ноября 1648 года) даже эти немногие льготы (облегчение покупки земли) отменялись: обычаи и привилегии держателей проверялись, и в случае отсутствия у них юридических оснований силой очищались владения для покупателей законных. Положение крестьян было тем хуже, что законодатель отдавал предпочтение короткой аренде перед долгосрочными держателями, существовавшими еще со времен феодализма. Обилие ярких и убедительных фактов, тщательный анализ их позволяют автору с полным правом сказать: «Под революционными актами секвестра и продажи епископских земель скрывался процесс первоначального накопления»². Одновременно в книге подчеркивается большая консервативность церковно-аграрного законодательства английской революции по сравнению с французской 1789—1793 годов.

¹ С. И. Архангельский. Цит. соч., стр. 187.

² Там же, стр. 195.

Поскольку аграрное законодательство Долгого парламента форсировалось военными расходами, в частности задолженностью его перед армией, последняя сыграла очень большую роль в аграрных реформах революции. Вот это участие армии и выясняет автор в VII и VIII главах своего сочинения. Ярко и содержательно характеризует он военные порядки, тяжелое положение солдат, задержку жалованья как им, так и офицерам, резкие противоречия между рядовым и командным составом и, наконец, политические настроения армии, их экономические запросы и требования. Все это автором книги излагается в свете острого, марксистского анализа, который освещает по-новому даже известные факты.

Задолженность парламента армии к 1645 году сделалась настолько большой, что офицеры и солдаты засыпали его петициями о выплате денег, и так как ко всем их просьбам правительство оставалось глухо, то солдаты начали волноваться. Против мятежных солдат приняты были репрессивные меры, но в пользу офицерства парламент предпринял некоторые шаги: ему выплачивали часть жалованья из композиций, а в иных случаях отдавали земли бежавших роялистов и погашали задолженность штабного офицерства. Армия представила требование о продаже земель всех делинквентов, но в этом им было отказано.

Такое невнимание к нуждам армии, как известно, вызвало борьбу между ней и парламентом, борьбу, закончившуюся захватом Лондона и победой «новой модели» (название революционной армии). Недовольство парламентом усилилось особенно под влиянием агитации левеллеров, предъявивших ряд требований в памфлете «Дело армии». Одновременно не прекращался поток петиций от солдат и офицеров; в этих петициях армия требовала проведения аграрных реформ, продажи всех роялистских и церковных земель. Захватив Лондон, армия имела теперь возможность нажать на парламент и заставить его принять более конкретные меры. Таким образом, был издан ряд указов об оплате жалованья за счет епископских и роялистских земель, но о продаже последних не говорилось ни слова. Умеренные члены палаты общин и лорды всячески тормозили требования армии. Наконец, были выпущены так называемые долговые обязательства (Debentures), дававшие солдатам и офицерам право на известное количество земли взамен неуплаченного жалованья. Автор сравнивает эти обязательства с ассигнациями французской революции 1789 года, но правильно отмечает их отличие: «Обязательство не получило в изучаемое вре-

ия такого массового распространения, как ассигнация, и не сыграло той роли в создании и усилении мелких и мельчайших собственников земли, какая выпала на долю ассигнаций во Франции»¹. От выпуска обязательств выиграло только офицерство. Оно скупало у нуждающихся солдат за бесценок эти «обязательства». Повсюду свирепствовала самая откровенная спекуляция. В результате земли солдат перешли в руки офицеров, что вызвало новую волну мобилизации земли.

После второй гражданской войны под нажимом армии усилились секвестры и композиции, но широкие круги солдат не могли протянуть к этим средствам руки. Началась борьба офицерства, проникнутого духом приобретения и стяжательства, против всех, кто противился укреплению новых аграрных порядков и окончательной ломке старых. Разорение крестьянства и тяжелое положение солдат вызвали новое обострение классовой борьбы и привели к окончательному разрыву с королем, который отказался утвердить продажу епископских земель. Вместе с тем обе палаты английского парламента проводили довольно уступчивую политику в отношении роялистов, в силу чего вопрос о мобилизации феодального землевладения не получил должного разрешения. Результатом этого явился переворот в декабре 1648 года (так называемая Прайдова чистка). Этот переворот расчистил пути для более решительной ликвидации церковно-феодального землевладения и для более быстрого темпа мобилизации всех секвестрованных владений.

5

В заключительной, IX главе своей книги Архангельский рисует нам классовую борьбу в английской деревне в связи с аграрным законодательством и подводит итоги всего исследования. Он делает ряд интересных замечаний о движении крестьян-клубменов² (дубинщиков). Это было движение, мало оформленное, но оно подготовило выступления левеллеров и диггеров³. Такова была народная оппозиция аграрному законодательству. Оппозиция палаты лордов исходила из других соображений — затормозить мобилизацию феодального светского землевладения, а вместе с этим демократизацию общества.

Какая же сила двигала аграрным за-

¹ С. И. Архангельский. Цит. соч., стр. 229.

² Движение клубменов имело место главным образом в югозападной Англии; клубмены выступали как против короля, так и против парламента, защищая свои собственные интересы от насилий и разорения их хозяйств войсками враждующих сторон.

³ О движении диггеров и левеллеров см. журнал «Борьба классов» № 3 за 1935 год.

конодательством английской революции? По мнению автора, этой силой был сперва купеческий капитал, а позднее, в 1647 и 1648 годах, армия в лице командного состава, т. е. представителей средней и мелкой буржуазии. Мобилизация земли, вызванная аграрными мероприятиями Долгого парламента, носила «определенно буржуазный характер и усиливала концентрацию земли в руках богатых людей»⁴.

Результатом английского аграрного законодательства 1643—1648 годов, однако, явились уменьшение удельного веса феодальной ренты, прогрессирующее обнищание масс и насильственный отрыв их от средств производства. Все это позволяет автору сделать правильное и логическое заключение: аграрное законодательство явилось мощным средством первоначального накопления капитала.

Таково содержание книги С. И. Архангельского, таковы его основные положения. С ними нельзя не согласиться. Автор использовал огромный документальный материал, подверг его четкому марксистскому анализу. Несмотря на то что С. И. Архангельскому пришлось иметь дело с вопросами законодательства, все же он избежал опасности пойти по пути абстрактных, юридических обобщений и увязал все с классовой борьбой эпохи революции и социально-экономическими сдвигами того времени.

Вызывает некоторое сомнение чрезмерное преувеличение автором роста буржуазных элементов в землевладении: он иногда без достаточной проверки фактов объединяет разные социальные группы в одно целое под именем денежных людей — капиталистов. В этом отношении, нам кажется, следовало бы привлечь дополнительные источники, такие важные материалы, как документы частных архивов, собранные комиссией исторических манускриптов Англии. Автор должен был обратить внимание на новое дворянство, которому Маркс придавал такое значение в процессе первоначального накопления: книга Архангельского об этих наживалах говорит очень мало. Наконец, автор не попытался рассмотреть взгляды политических писателей того времени из рядов индипендентов и левеллеров, особенно показать отношение радикальных политических памфлетистов к вопросам аграрного законодательства, а материалов по этой теме более чем достаточно. В частности мы укажем на коллекцию памфлетов в библиотеке ИМЭЛ в Москве.

Несмотря на эти упущения рецензируемая книга представляет очень ценный труд, который впервые по-новому, с точки зрения марксизма, подходит к изучению английской революции XVII века и тем самым является важным и весьма заметным вкладом в марксистскую историографию английской буржуазной революции.

⁴ С. И. Архангельский. Цит. соч., стр. 270—271.

Учебная карта Южной Европы в эпоху крестовых походов. Переиздано с карты, составленной в 1910 году И. П. Максимовым. 5-е изд. саратовского крайОНО. Цена 6 р. 50 к. 2000 экз.

Наша средняя школа испытывает колоссальную потребность в учебно-исторических картах. Работа по их подготовке идет медленно, хотя кое-что в этом отношении уже проделано. Это трудная, серьезная и чрезвычайно важная работа, требующая сугубой проверки, однако на местах эта работа иногда выполняется совершенно безответственно. Ярким примером такой безответственности, граничащей с преступлением, может служить чрезвычайно легкомысленное отношение к этому делу саратовского крайОНО, издавшего учебную карту Южной Европы эпохи крестовых походов. Эта карта представляет собой совершенно нетерпимое в СССР произведение учителя гимназии Максимова, состряпанное им еще в 1910 году, и является графической пропагандой идеологически чуждых нам идей. Карта эта особенно вредна и опасна потому, что с внешней стороны она очень ярка, врезывается в память учащихся и в то же время прививает им множество неверных представлений.

Прежде всего даже так называемая основа карты дана явно неудовлетворительно: через карту проходит одна только 40-я параллель, не указан масштаб, что не дает возможности учащимся производить пространственные расчеты.

Много названий на ней нанесено в современной нам, а не в средневековой транскрипции. К чему, например, писать «Дураццо», если в стабильном учебнике этот город называется «Диррахиум», писать «Солун», а не «Фессалоника», писать «Черное море», когда оно в XII веке так и не называлось. Местами названия искажены до неузнаваемости: откуда появились до сих пор неизвестные «Пингузские острова» в западной части Средиземного моря и какая-то «Апталия» на юге Малой Азии?

Иногда терминология карты просто тенденциозна. Византийскую империю автор называет «Восточную Римскую», в то время когда в ряде статей и выступлений тов. Липшиц в изданиях ГАИМК за 1933—1935 годы правильно указал на ошибочный и немарксистский характер этого термина. Нетрудно понять, почему щеголяет такой терминологией Максимов: раз Византия—«второй Рим», то почему не быть и «третьему Риму» — Москве? В 1910 году Максиму это терминология была нужна для того, чтобы внушить гимназистам царской России великодержавные идеи о преемственности и нерушимом характере Российской империи. Совершенно непонятно, как можно было допустить к переизданию в наших

условиях карту с явно политически чуждой терминологией!

На рецензируемой карте крестовых походов нет... государств крестоносцев в Сирии(!)... Иерусалим и Триполис отнесены к территории фатимидского халифата, а Антиохия и Эдесса — к владениям сельджуков. В связи с тем, что на карте не указан Мосул, преподаватель не может наглядно объяснить учащимся осаду эмиром Кербогой Мосульским крестоносцев в Антиохии в 1098 году. На карте не нанесены также владения духовно-рыцарских орденов, а такие крепости, как Крак и Акру, нужно было бы показать.

Западная и средняя части Малой Азии закрашены зеленой краской, а европейские владения Византии—оранжевой; таким образом получается, что Византия к этому времени уже не имела владений в Малой Азии. На самом деле Византия до конца XI века сохранила на северо-западе Малой Азии плацдарм для нового наступления на сельджуков. На карте не показано, что именно иконийский султан Рум был центром сельджукских владений. Территория Малой Армении и Киликии преувеличена вдвое и ошибочно названа «Армянскими владениями».

Неверно окрашены особой краской Кроация и Далмация, из которых первая в 1091 году, а вторая в 1102 году были захвачены венгерскими королями.

На карте не показано, что Неаполь до 1141 года принадлежал Византии и что норманнские государи Южной Италии назывались в XII веке уже не герцогами, а королями.

Хозары обозначены на правом берегу Дона, хотя Хозарское царство было разрушено столетием ранее... В Африке нет Каируана, а в Испании Арагония дана в преуменьшенном размере, причем ее суверенитет над Руссильоном и Провансом в XII веке по ту сторону Пиренеев ничем не выражен.

Арелатское королевство почему-то не включено в границы средневековой Германской империи. Совершенно неверно показано, что во 2-м крестовом походе король Людовик VII и император Конрад Гогенштауфен шли вместе: в действительности они шли разными путями и встретились только в Малой Азии. На карте совершенно не выделено феодальное дробление Франции в средние века и нет даже границ владений там английских королей. Стало быть, судя по карте, национальное объединение Франции произошло уже до крестовых походов.

Автор не показал путь иорсальфаров из Скандинавии в Сирию, а это сделать было необходимо, так как крестовые походы были крупным этапом, способствовавшим значительному подъему и развитию промышленности и росту обмена, что отмечал Ф. Энгельс («Диалектика природы», стр. 41. 1933). На карте даны только пути герцогов и королей и никак не отражена, например, огромная роль итальянских торговых республик, которые извлекли главные выгоды из этих походов. Максимов не считал нуж-

ным выделить на карте Геную и Пизу как самостоятельные республики, а Венецию дал в карикатурно малых размерах. Следовало бы показать на карте и территорию Ломбардской лиги, что также не сделано автором. Наконец, с крестовым движением начинает переплетаться не только коммунальное движение средневековых городов, но и первые вспышки крестьянских восстаний, которые впоследствии разгораются ярким пламенем. На карте этого не видно. Уже вышедшая в 1841 году «Geschichte des ersten Kreuzzugs» («История первого крестового похода») Генриха Зибеля дает основание утверждать, что феодальная Европа отправила в крестовые походы отребье, подонки своего на-

селения и что движение феодальных банд по Европе было отмечено полосой еврейских погромов, а не проявлением религиозно-мистического экстаза. Места этих погромов, конечно, автором не показаны...

Какие из этого следует сделать выводы?

«Карта крестовых походов» Максимова представляет собой безграмотную, контрреволюционную фальсификацию истории, составленную в сугубо идеалистическом и монархическом духе.

В заключение следует спросить: каким образом саратовский краевой отдел народного образования мог допустить выпуск пятым изданием подобного невежественного и реакционного «пособия»?

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Сборник «РЕСТАВРАТОРЫ КАПИТАЛИЗМА И ИХ ЗАЩИТНИКИ». Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 79 стр. 50 коп. 100 000 экз.

Брошюра «Реставраторы капитализма и их защитники» представляет собой сборник статей, опубликованных в нашей периодической печати в связи с судебным процессом троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Восемнадцатый номер журнала «Большевик» в своей передовице «Троцкистско-зиновьевские бандиты—головной отряд капиталистической реставрации» пишет:

«Как тщательно ни скрывали даже на самом суде главари троцкистско-зиновьевской банды истинные пружины своей злодейской деятельности, как ни помогают своим сообщникам обербандит Троцкий и фашистская пресса, как ни изощряются защитники бандитов: Ситрин, Фр. Адлер и др.,—факт остается фактом: подлинным знаменем троцкистско-зиновьевского террористического центра была реставрация капитализма на той части земного шара, где капиталистический строй был свергнут в октябре 1917 года и где свободный народ под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество»¹.

Вот этой основной задаче и была подчинена вся гнусная контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевской банды в нашей стране и за рубежом. Именно с этой целью взбесившиеся фашистские псы готовили убийство вождя народов товарища Сталина и его ближайших соратников, приведших нашу страну к построению социалистического общества.

Настоящая брошюра в своих статьях разоблачает эту контрреволюционную реставраторскую работу троцкистско-зи-

новьевских мерзавцев—этих прямых агентов и сотрудников германских фашистов.

Кроме передовицы из «Большевика» в сборник вошла также статья из журнала «Партийное строительство» № 18 «Контрреволюционные троцкисты-зиновьевцы—реставраторы капитализма», где дается характеристика предательского пути троцкистов-зиновьевцев в их борьбе против партии Ленина—Сталина.

В своей статье «Реставраторы капитализма и их защитники» А. Васнецов останавливается на той подлой роли, которую сыграли в этом процессе адвокаты этих гнусных убийц—буржуазные лакеи из II интернационала: Ситрин и компания вкупе с французскими, бельгийскими, австрийскими и норвежскими меньшевиками. «Эти люди,—пишет тов. Васнецов,—которых Ленин неустанно разоблачал как социалистов на словах, лакеев буржуазии на деле, до сих пор не пропустили ни одного случая, когда можно было выступить против страны социализма за дымовой завесой лживо «сочувственных» фраз, но никогда еще, пожалуй, их игра краплеными картами не была так отвратительна и безнадежна, как сейчас»².

Статья И. Варейкиса «Еще о презренных реставраторах капитализма» подробно анализирует капитулянтскую, контрреволюционную сущность экономической программы троцкистов-зиновьевцев, которая вела к буржуазной реставрации.

Большой интерес представляют также передовица из «Комсомольской правды» от 24 сентября 1936 года «Гнусные поборники реставрации капитализма», а также статья Н. Рубинштейна «За дымовой завесой» и А. Вышинского «Агенты Гестапо», в которых до конца разоблачается программа троцкистско-зиновьевского

¹ «Реставраторы капитализма и их защитники», стр. 5—6. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 35.

ным выделить на карте Геную и Пизу как самостоятельные республики, а Венецию дал в карикатурно малых размерах. Следовало бы показать на карте и территорию Ломбардской лиги, что также не сделано автором. Наконец, с крестовым движением начинает переплетаться не только коммунальное движение средневековых городов, но и первые вспышки крестьянских восстаний, которые впоследствии разгораются ярким пламенем. На карте этого не видно. Уже вышедшая в 1841 году «Geschichte des ersten Kreuzzugs» («История первого крестового похода») Генриха Зибеля дает основание утверждать, что феодальная Европа отправляла в крестовые походы отребье, подонки своего на-

селения и что движение феодальных банд по Европе было отмечено полосой еврейских погромов, а не проявлением религиозно-мистического экстаза. Места этих погромов, конечно, автором не показаны...

Какие из этого следует сделать выводы?

«Карта крестовых походов» Максимова представляет собой безграмотную, контрреволюционную фальсификацию истории, составленную в сугубо идеалистическом и монархическом духе.

В заключение следует спросить: каким образом саратовский краевой отдел народного образования мог допустить выпуск пятым изданием подобного невежественного и реакционного «пособия»?

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Сборник «РЕСТАВРАТОРЫ КАПИТАЛИЗМА И ИХ ЗАЩИТНИКИ». Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 79 стр. 50 коп. 100 000 экз.

Брошюра «Реставраторы капитализма и их защитники» представляет собой сборник статей, опубликованных в нашей периодической печати в связи с судебным процессом троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Восемнадцатый номер журнала «Большевик» в своей передовице «Троцкистско-зиновьевские бандиты—головной отряд капиталистической реставрации» пишет:

«Как тщательно ни скрывали даже на самом суде главари троцкистско-зиновьевской банды истинные пружины своей злодейской деятельности, как ни помогают своим сообщникам обербандит Троцкий и фашистская пресса, как ни изощряются защитники бандитов: Ситрин, Фр. Адлер и др., — факт остается фактом: подлинным знаменем троцкистско-зиновьевского террористического центра была реставрация капитализма на той части земного шара, где капиталистический строй был свергнут в октябре 1917 года и где свободный народ под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество»¹.

Вот этой основной задаче и была подчинена вся гнусная контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевской банды в нашей стране и за рубежом. Именно с этой целью взбесившиеся фашистские псы готовили убийство вождя народов товарища Сталина и его ближайших соратников, приведших нашу страну к построению социалистического общества.

Настоящая брошюра в своих статьях разоблачает эту контрреволюционную реставраторскую работу троцкистско-зи-

новьевских мерзавцев — этих прямых агентов и сотрудников германских фашистов.

Кроме передовицы из «Большевика» в сборник вошла также статья из журнала «Партийное строительство» № 18 «Контрреволюционные троцкисты-зиновьевцы — реставраторы капитализма», где дается характеристика предательского пути троцкистов-зиновьевцев в их борьбе против партии Ленина—Сталина.

В своей статье «Реставраторы капитализма и их защитники» А. Васнецов останавливается на той подлой роли, которую сыграли в этом процессе адвокаты этих гнусных убийц — буржуазные лакеи из II интернационала: Ситрин и компания вкупе с французскими, бельгийскими, австрийскими и норвежскими меньшевиками. «Эти люди, — пишет тов. Васнецов, — которых Ленин неустанно разоблачал как социалистов на словах, лакеев буржуазии на деле, до сих пор не пропустили ни одного случая, когда можно было выступить против страны социализма за дымовой завесой лживо «сочувственных» фраз, но никогда еще, пожалуй, их игра краплеными картами не была так отвратительна и безнадежна, как сейчас»².

Статья И. Варейкиса «Еще о презренных реставраторах капитализма» подробно анализирует капитулянтскую, контрреволюционную сущность экономической программы троцкистов-зиновьевцев, которая вела к буржуазной реставрации.

Большой интерес представляют также передовица из «Комсомольской правды» от 24 сентября 1936 года «Гнусные поборники реставрации капитализма», а также статья Н. Рубинштейна «За дымовой завесой» и А. Вышинского «Агенты Гестапо», в которых до конца разоблачается программа троцкистско-зиновьевского

¹ «Реставраторы капитализма и их защитники», стр. 5—6. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 35.

блока, направленная «к поражению рабочего класса, к разорению крестьянства, к превращению нашей страны в колонию империализма, к восстановлению капиталистического строя в СССР»¹.

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ». Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 77 стр. 50 коп. 300 000 экз.

Настоящая брошюра, изданная Партиздатом, в ясной, сжатой и общедоступной форме дает ответы на волнующие каждого трудящегося вопросы, связанные с героической борьбой испанского народа.

Уже самый заголовок первой главы сразу говорит читателю о том, что представляет собой Испания. Это «самая отсталая и нищая страна в Европе, до последнего времени целиком сохранившая свой полуфеодалный характер»².

Первая глава дает картину ужасающей классовой эксплуатации широких трудящихся масс Испании небольшой кучкой крупных помещиков и верхушкой реакционного католического духовенства. В Испании отсталая Кастилия угнетала экономически более развитые национальные районы Каталонии, Галисии и Бискайи. Важнейшие отрасли промышленности: угольная, металлургическая, горная, автомобильная и др. — находятся в руках иностранного капитала. Анализируя соотношение классовых сил в Испании, автор в конце первой главы делает правильный вывод, что фашистский мятеж давно был бы подавлен объединенными силами рабочих, крестьян и труженников города, составляющих большинство испанского народа, если бы за спиной испанских фашистов не стояли силы мировой реакции и прежде всего германского и итальянского фашизма. Последующие главы в сжатой форме дают описание хода революционных событий в Испании начиная с 1917 года, когда Великая социалистическая революция в России всколыхнула рабочие и крестьянские массы в Испании. Рост стачечной борьбы в 1918—1920 годах и революционное наступление испанского пролетариата; установление фашистской диктатуры Primo de Rivera в 1923 году и ее падение в 1930 году как результат растущего недовольства масс; свержение монархии 14 апреля 1931 года и политика так называемого коалиционного правительства (1931—1933 годы), направленная к сохранению и укреплению позиций фашистской контрреволюции; недолговременная победа фашистских партий на выборах в кортесы осенью 1933 года; вооруженное восстание в Астурии в 1934 году, и, наконец, победа народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года — таковы основные этапы событий в Испании накануне фашистского мятежа. Очень содержательны главы,

посвященные обстановке накануне фашистского мятежа и описанию самого мятежа в различных районах Испании. Здесь читатель увидит, как путем провокаций, саботажа, вредительства и измены фашисты и другие силы черной реакции пытались опрокинуть правительство народного фронта. Описание жутких массовых расстрелов и истязаний фашистами сторонников народного фронта, беззащитных женщин и детей дает представление о неслыханных размерах белого террора в Испании. В пятой главе подробно излагаются ближайшие задачи, стоящие перед правительством народного фронта, и в особенности главнейшая из них — борьба за дисциплину и революционный порядок в армии и в тылу. В этой же главе разоблачается предательская, контрреволюционная деятельность троцкистов, выступающих в Испании в своей привычной роли шпионов, террористов и разведчиков фашизма. Брошюра дает также ясное представление об огромном политическом влиянии компартии Испании на широкие трудящиеся массы, о ее организующей и авангардной роли в борьбе с фашистскими мятежниками.

С захватывающим интересом читается глава «Люди героической Испании», в числе которых находится овеянная славой любимица испанского народа, член центрального комитета коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури.

Брошюра «Героическая Испания» будет читаться с неослабевающим вниманием не только нашим партийным активом, пропагандистами и агитаторами, но и самыми широкими кругами читателей.

«ИСПАНИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА» (Сборник статей и материалов). Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 185 стр. 1 руб. 75 000 экз.

Брошюра «Испания в борьбе против фашизма» является очень ценным и своевременным сборником статей, напечатанных за последнее время в нашей периодической печати. В настоящее издание вошли следующие руководящие статьи: М. Эрколи «Борьба испанского народа против фашистских мятежников»; В. Кнорин «За что борется испанский народ»; Н. Майорский «Фашистская авантюра в Испании»; Долорес Ибаррури (Пасионария) «Что происходит в Испании»; Антонио Михе «Испанская компартия в борьбе против фашизма».

Ход военных операций на фронтах гражданской войны в Испании освещен в сборнике статьями Ф. Демида, Б. Минлоса, В. Ховалева, Г. Григорьева и других.

Вопросам фашистской интервенции против испанского народа посвящены следующие статьи: Иоганн Вальтер «Затаенные мечты германского фашизма»; Михаил Кольцов «Германская помощь испанским мятежникам»; Д. Осипов «Фашистская интервенция против испанского народа»; Н. Майорский «Португалия и

¹ «Реставраторы капитализма и их защитники», стр. 45. Партиздат. 1936.

² «Героическая Испания», стр. 7. Партиздат. 1936.

военно-фашистский мятеж в Испании»; М. Андреев «Воздушные силы фашистской интервенции в Испании» и др. В этот же сборник включена и замечательная статья Долорес Ибаррури «Мы победим!».

В конце сборника имеются справочные материалы: «Современная Испания» (социально-экономический очерк); «Пять лет испанской республики» (историческая справка); «Партии и профсоюзные организации Испании»; «Политические деятели и печать Испании».

Сборник рассчитан на пропагандистов, агитаторов и партийный актив.

П. МИФ «15 лет героической борьбы» (к пятнадцатилетию коммунистической партии Китая). Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 119 стр. 1 р. 50 к.

Работа П. Мифа до некоторой степени восполняет давно ощущавшийся недостаток в популярной литературе, посвященной борьбе революционных масс Китая под руководством китайской коммунистической партии за национальное и социальное освобождение китайского народа. В первой главе автор дает краткие, общие сведения о Китае, об его экономической отсталости и империалистическом закабалении четырехсотмиллионного народа. Следующие главы освещают вопросы: Китай после мировой империалистической войны и зарождение коммунистической партии Китая, коммунистическая партия Китая на первом и втором этапах китайской революции, компартия Китая перед новым революционным подъемом, новый подъем революции и борьба за советы в Китае.

Последняя глава целиком посвящена борьбе компартии Китая за единый народный антиимпериалистический фронт.

Книга тов. Мифа рассчитана на пропагандистов, партийный актив и широкие круги читателей.

Г. РОЛЛЬМАН «Война на Балтийском море, 1915 год». Перевод с немецкого Ю. РАЛЛЬ. С предисловием В. АЛЕКИНА. Госвоенгиз. 1935. 342 стр. 6 р. 50 к.

Германским военно-морским архивом в числе морских изданий военно-исторического характера после мировой войны выпущены в свет 2 тома из серии «Война на Балтийском море» («Der Krieg in der Ostsee»). Первый том Р. Фирле — описание боевых действий в 1914 году — был переведен на русский язык и издан в 1926 году редакционно-издательским от-

делом морских сил (в Ленинграде). Второй том Г. Ролльмана представляет собой описание боевых действий в 1915 году по данным германского архива.

В труде содержится наряду с описанием других событий описание операций флота по поддержке левого фланга германской армии при ее продвижении в Курляндию, двух операций прорыва германского флота в Рижский залив с форсированием минного заграждения, миннозаградительных и тральных операций, операций подводных лодок. Заметное место уделено участию в операциях воздушных сил. Приводятся сведения о прорывах английских подводных лодок в Балтийское море и об их боевой деятельности (материал британского адмиралтейства), а также о мерах противолодочной борьбы, применявшихся с германской стороны. Изложение иллюстрируется рядом схематических карт, поясняющих ход отдельных операций и общую обстановку. Перевод снабжен примечаниями, составленными по советским архивным данным.

Несмотря на изолированность балтийского театра, на описание военных действий только за 1915 год и на характерную для военной литературы буржуазной Германии шовинистическую тенденциозность изложения, труд содержит ценный материал для изучения боевого опыта операций флота, в частности совместных операций с армией, и явится полезным пособием для каждого командира морских сил РККА, для слушателей военных академий и всех интересующихся событиями мировой войны на море *.

Л. ИВАНОВ «Морское соперничество империалистических держав». Соцэкгиз. 1936. 290 стр. 3 р. 60 к.

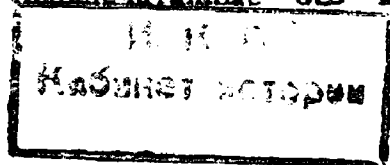
Настоящая книга ставит своей задачей ознакомление наших читателей с соперничеством главных империалистических держав в области вооружений. Давая полный обобщенный материал и характеристику морской политики каждой из этих держав, она особое место уделяет морской политике Японии, в связи с японской агрессией на Дальнем Востоке, а также вопросам перевооружения германского фашизма на море. Книга анализирует также причины безрезультатности конференции 1935—1936 годов по ограничению морских вооружений *.

* Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ОПЕЧАТКА

В № 9 «Борьбы классов» за 1936 г. на стр. 30, левая колонка, 2-я строка сверху, по вине типографии напечатано: «большевистской федерации ВЦИК»; нужно читать: «большевистской фракции ВЦИК».

РЕДАКЦИЯ.

военно-фашистский мятеж в Испании»; М. Андреев «Воздушные силы фашистской интервенции в Испании» и др. В этот же сборник включена и замечательная статья Долорес Ибаррури «Мы победим!».

В конце сборника имеются справочные материалы: «Современная Испания» (социально-экономический очерк); «Пять лет испанской республики» (историческая справка); «Партии и профсоюзные организации Испании»; «Политические деятели и печать Испании».

Сборник рассчитан на пропагандистов, агитаторов и партийный актив.

П. МИФ «15 лет героической борьбы» (к пятнадцатилетию коммунистической партии Китая). Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 119 стр. 1 р. 50 к.

Работа П. Мифа до некоторой степени восполняет давно ощущавшийся недостаток в популярной литературе, посвященной борьбе революционных масс Китая под руководством китайской коммунистической партии за национальное и социальное освобождение китайского народа. В первой главе автор дает краткие, общие сведения о Китае, об его экономической отсталости и империалистическом закабалении четырехсотмиллионного народа. Следующие главы освещают вопросы: Китай после мировой империалистической войны и зарождение коммунистической партии Китая, коммунистическая партия Китая на первом и втором этапах китайской революции, компартия Китая перед новым революционным подъемом, новый подъем революции и борьба за советы в Китае.

Последняя глава целиком посвящена борьбе компартии Китая за единый народный антиимпериалистический фронт.

Книга тов. Мифа рассчитана на пропагандистов, партийный актив и широкие круги читателей.

Г. РОЛЛЬМАН «Война на Балтийском море. 1915 год». Перевод с немецкого Ю. РАЛЛЬ. С предисловием В. АЛЕКИНА. Госвоенгиз. 1935. 342 стр. 6 р. 50 к.

Германским военно-морским архивом в числе морских изданий военно-исторического характера после мировой войны выпущены в свет 2 тома из серии «Война на Балтийском море» («Der Krieg in der Ostsee»). Первый том Р. Фирле — описание боевых действий в 1914 году — был переведен на русский язык и издан в 1926 году редакционно-издательским от-

делом морских сил (в Ленинграде). Второй том Г. Ролльмана представляет собой описание боевых действий в 1915 году по данным германского архива.

В труде содержится наряду с описанием других событий описание операций флота по поддержке левого фланга германской армии при ее продвижении в Курляндию, двух операций прорыва германского флота в Рижский залив с форсированием минного заграждения, миннозаградительных и тральных операций, операций подводных лодок. Заметное место уделено участию в операциях воздушных сил. Приводятся сведения о прорывах английских подводных лодок в Балтийское море и об их боевой деятельности (материал британского адмиралтейства), а также о мерах противолодочной борьбы, применявшихся с германской стороны. Изложение иллюстрируется рядом схематических карт, поясняющих ход отдельных операций и общую обстановку. Перевод снабжен примечаниями, составленными по советским архивным данным.

Несмотря на изолированность балтийского театра, на описание военных действий только за 1915 год и на характерную для военной литературы буржуазной Германии шовинистическую тенденциозность изложения, труд содержит ценный материал для изучения боевого опыта операций флота, в частности совместных операций с армией, и явится полезным пособием для каждого командира морских сил РККА, для слушателей военных академий и всех интересующихся событиями мировой войны на море *.

Л. ИВАНОВ «Морское соперничество империалистических держав». Соцэкгиз. 1936. 290 стр. 3 р. 60 к.

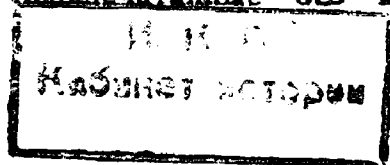
Настоящая книга ставит своей задачей ознакомление наших читателей с соперничеством главных империалистических держав в области вооружений. Давая полный обобщенный материал и характеристику морской политики каждой из этих держав, она особое место уделяет морской политике Японии, в связи с японской агрессией на Дальнем Востоке, а также вопросам перевооружения германского фашизма на море. Книга анализирует также причины безрезультатности конференции 1935—1936 годов по ограничению морских вооружений *.

* Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ОПЕЧАТКА

В № 9 «Борьбы классов» за 1936 г. на стр. 30, левая колонка, 2-я строка сверху, по вине типографии напечатано: «большевистской федерации ВЦИК»; нужно читать: «большевистской фракции ВЦИК».

РЕДАКЦИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ

В. КНОРИН — За что борется испанский народ (о характере испанской революции и ее движущих силах)	1
<i>Лившице</i> С. ЛИВШИЦ — Основные этапы истории послевоенной Испании (1917--1936 годы)	5
И. ТРАЙНИН — Конституции Франции	22
Н. СЕЛЕЗНЕВ — Южнославянские народы в революции 1848 года . .	36
М. КОГАН — Восстание британского военного флота в 1797 году . .	51

ИСТОРИЯ СССР

В. ЛЕБЕДЕВ — Из истории завоевания Казахстана царской Россией (1730—1732 годы)	60
Л. ТЮРИНА — Школа при Петре I	66
А. ШАПИРО — Крестьянское движение в России в годы Крымской войны	73
Л. БЫЧКОВ — Из истории классовой борьбы в первые годы нэпа . .	82

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Ф. ГУРЕВИЧ — Средневековая немецкая империя в фашистской историографии	92
И. АРСКИЙ — Крестьянская война во Франции в 1358 году („Жакерия“)	103

БИБЛИОГРАФИЯ

К. ЮЩАК — „В боях за социалистическую родину“. Альбом	116
В. ВАСЮТИНСКИЙ — С. И. Архангельский — „Аграрное законодательство великой английской революции 1643—1648 годов“	128
Ю. ИВАНОВ — „Учебная карта Южной Европы в эпоху крестовых походов“	133

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИЙ**

Подбор иллюстрационного материала **Н. ФИЛИМОНОВОЙ**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-30-48. Прием в редакции от 10 до 3 дня.